

ББК 84.4
Я75

Редактор А. К. Кравцевич

rawet.net

ISBN 5-8462-00-33-8

Е. Ярмонт

В ТЕНИ ЗАМКА ГЕДЕМИНА

Воспоминания детства

rawet.net

Лида
1995

Уступнае слова рэдактара

Вазьмі і прачытай гэтую кнігу, дарагі чытач. Асабліва, калі ты нарадзіўся ў Заходняй Беларусі. Асабліва, калі табе цікава чым жылі, аб чым марылі, што перажывалі твае бацькі, бабулі, дзядулі, якія нарадзіліся паміж двума святовымі войнамі, вынеслі на сабе усе жахі ваенных часоў, чатыры разы перажылі змену ўлады і дзяржаўнай прыналежнасці.

Гэтая таленавіта напісаная кніга ўспамінаў цікавая і каштоўная тым, што дасканала перадае непаўторную атмасферу перадваеннага і ваеннага жыцця заходнебеларускага горада. Аўтарка, пані Яўгення Ярмантовіч не толькі захавала ў памяці свае дзіцячыя ўражанні ва ўсёй іх свежасці і вастрыні, але і здолела яскрава перадаць іх у сваім аповядзе. Штодзённы побыт, дробныя і буйныя здарэнні, звыклыя жыццёвыя рэчы, адносіны паміж людзьмі розных вераванняў і этнічнай прыналежнасці, мары, жаданні тагачасных людзей — усё разам зліваецца ў адзін яркі малюнак, намаляваны здольным, назіральным, добразычлівым мастаком, які сам з'яўляецца неад'емнай часткай гэтага малюнка.

Мяне асабіста найбольш уразіла падабенства жыцця людзей 30-х гадоў і гадоў 60-х — пары майго ўласнага дзяцінства, якое таксама праходзіла тут, у нейкай сотні кіламетраў ад Ліды. Трагедыя Беларусі, на мой погляд, у тым, што яе людзі, якія жылі традыцыйным сялянскім ладам з яго здаровым маральным кодэксам, апантанаю працай і любоўю да зямлі не змаглі перадаць эстафету наступнаму пакаленню — сваім дзецям, уцёкшым у горад ад савецкай вясковай галечы.

Кніга пані Ярмантовіч — проста падарунак гісторыкам. Яна з'яўляецца «зрэзам» часу, амаль фатаграфічнай фіксацыяй моманту жыцця, зразумець якое ва ўсёй яго мнагамернасці і шматграннасці недаступна ніякаму гісторыку.

Алесь Краўцэвіч

Лида — вижу тебя очами души моей. Как наяву возвращается ко мне в воспоминаниях красота твоя. Вижу высокие стены замка Гедимины в тени которых я жила и училась. Вижу две карликовые сосны на замковом склоне, таинственные и овеянные легендами из-за удивительной формы их крон. Как сейчас стоит перед глазами пейзаж с узкой лентой реки Лидейки среди заболоченных лугов, покрытых мягким зеленым мхом. Волнуется на них пестрый диван, словно ковер, сотканный из тысяч цветов. Слышу галдеж больших вороньих стай над ольшанником, когда под вечер они готовятся к отдыху на высоких ольхах. Тихими летними вечерами из ближайших прудов и реки доносится громкое кваканье лягушек.

Лида моя — место, где я появилась на свет, где впервые постигла очарование церковных песнопений в маленькой церквушке на кладбище и восторгалась музыкой Баха, Бетховена, Моцарта. Мне кажется и теперь, что эти звуки навсегда застыли в воздухе в тени замковых руин над нашим домиком.

Благословенна будь Лида моего детства!

Лида — место вечного упокоения моих дедушки и бабушки. Священны для меня их могилы.

Лида — место рождения моих незабвенных родителей.

Я счастлива, что у меня есть этот маленький кусочек земли, по которому ступали несколько поколений моих предков и где я — их маленькая наследница — оставила следы своих ножек.

Вызываю в памяти лица людей, с которыми мы жили там единой семьей, которые волей случая собрались там перед тем, как их рассеяла по свету война. Война, которую человечество само себе устроило. Война, воспеваемая поэтами, прославляемая многими людьми, не замечающими всей ее чудовищности. Почему люди сами себе неустанно устраивают катаклизмы, несущие боль и страдания? Почему они убивают друг друга? Разве достоин звания человека тот, кто убивает себе подобных?

РАЗДЕЛ I

Неправда, что человек имеет свободную волю и только от этой свободной воли зависит течение его жизни. В сущности жизнь — это цепь случайностей.

Я не выбирала ни времени, ни места своего рождения. Никто не спрашивал желаю ли я быть в этом мире. Это произошло между первой и второй мировыми войнами в Средней Европе в Лиде — городе Новогрудского воеводства. Родилась без права выбора родителей, окружения, государства, климатических условий. Хорошо еще, что была желанным ребенком. К сожалению, человек приходит в этот мир волею случая и часто неожиданно для самих родителей. Это только дело случая, что я родилась в нормальной любящей семье, где никогда не возникало конфликтов, даже самых ничтожных. Ни у одного из членов нашей семьи не было никакой личной трагедии: все были психически и физически здоровы.

Было нас пятеро: мама, папа, сестра, брат и я — самая младшая. Очередность появления на свет для детей тоже имеет значение. Меня воспитывали не только родители, но также старшие брат и сестра. Я им подражала, причем это происходило как осмысленно, так и бессознательно. Однако, со всей ответственностью утверждаю, что мне «удалось» родиться ребенком полностью отличным от брата и сестры с точки зрения психики и духовных потребностей. Брат и сестра также отличались друг от друга, как это и случается в каждой семье. Ведь не бывает двух абсолютно одинаковых людей.

Индивидуальности были навязаны нам совершенно независимо от нашей воли. Никто не предлагал нам выбора ни наших внутренних свойств, ни внешности. Они были даны нам однажды и на всю жизнь. Люди никогда не видят самих себя со стороны во всей полноте и поэтому не могут иметь объективного самосознания. Вспоминается известная поговорка: «В чужом глазу соринку видишь, а в своем бревна не замечаешь». Эта поговорка вызывает в моей памяти один визит в наш дом пани Цвалиновой, подруги моей мамы. Об этой женщине у меня остались самые приятные впечатления. Она приходила довольно часто, причем

всегда одна, без детей и мужа. Я не знала где она живет, не знала как мама с ней познакомилась. Мама всегда принимала ее в большой комнате. С приходом пани Цвалиновой на овальном столе посредине комнаты появлялись варенье и горячий чай. Варенье у нас подавали в прелестной вазочке темно-зеленого стекла, из которой гости переключивали его себе в маленькие чашечки такого же цвета. У них на дне было изображение ягоды клубники. Чай подавался в стаканах, но пили его из блюдца. Этот восточный способ чаепития держался у нас до самой войны. Так вот, поднося свое блюдце к губам обеими руками, пани Цвалинова с большим сочувствием высказывала замечания относительно маминой фигуры. — Как ты поправилась — несколько раз повторяла она. — Какая толстая стала! Ты должна больше заботиться о своем внешнем виде!

Маму явно забавляли эти замечания со стороны особы не менее полной, чем она сама и наконец она не выдержала.

— Мы можем измериться и сравнить наши габариты. Ты увидишь, что нисколько не тоньше меня.

Перейдя от слов к делу, мама принесла кусок веревки, обе женщины измерили объем талии и бедер и мама выиграла этот мини-конкурс. Ее подруга просто не могла посмотреть на себя со стороны критическим взглядом, зато мама у нее всегда была перед глазами. Мы, люди, забываем о том, что наши глаза устроены удивительно странным образом. Они имеют ограниченное поле обзора и не приспособлены, как мне кажется, к тому, чтобы хорошо видеть нас самих. Их функцией является фиксация вещей и явлений внешнего мира. Зеркало помогает людям преодолевать этот недостаток, но не до конца.

Пани Цвалинова умерла в начале войны.

Я понемногу узнавала о своей внешности.

— У нее большие черные глаза — не раз говорили обо мне в моем присутствии.

— У тебя квадратное лицо — бросил как-то в мой адрес брат, не стараясь быть особо любезным.

— Нет, у тебя совсем не большая голова — успокаивал меня

отец. — Наоборот, маленькая.

— У тебя идеальный рост — утверждали родители. — Плохо быть маленькой, высокой тоже неудобно. А ты в самый раз.

Мне было трудно в то время поверить подобным заверениям, поскольку во всех моих любимых книгах повторялся иной тип девушки — броской, всегда смуглой и высокой. А родители утверждали почему-то, что самый оптимальный рост — средний. Их мнение, как и много других, я оценила по достоинству намного позже.

— У тебя красивая талия, тоненькая в поясе — сказала одна из моих теток. Искренность в ее голосе была неподдельной!

Все эти замечания относительно моей внешности глубоко запали в память. О моей сестре говорили, что она невысокая, поэтому не может считаться красавицей и еще у нее несколько длинноват нос. Теми же особенностями отличалась и наша мама. Внешность нашего брата не комментировалась. Он был обыкновенным подростком с темными волосами и черными глазами. Мы с ним оба были похожи на отца. В те времена перед второй мировой войной молодежь обычно была невысокой. Это подтверждает и Корнелий Макушинский в одной из своих повестей: его герой, молодой парень достигал 180 см, роста и в силу этого считался автором великаном. У современных парней такой рост обычно не считается слишком большим.

Наши внешние черты были случайными сочетаниями черт родителей, мы не выбирали их себе сами. Нам их продиктовали... Еще более удивительным стечением обстоятельств, независимых от нашей воли, были наши черты характера и духовные потребности. Я, ничего не зная об этом, родилась типичным интровертом.

Кто такой интроверт? Это особа, которая живет в мире собственных мечтаний и идеалов и не беспокоится о вещах, существующих вне ее. Типичный интроверт — спокойный человек, влюбленный в книги, скрытный, часто пессимист, к жизни относится очень серьезно, заранее составляет жизненные планы, любит покой и порядок. Не переносит всякого рода изменений. Установление контакта с людьми доставляет ему

трудности, поэтому он не может заводить друзей.

Для сравнения здесь стоит описать черты экстраверта. Это человек больше интересующийся происходящим вокруг него, чем собственными мыслями и ощущениями. Типичный экстраверт любит компании, встречи, приемы, имеет много приятелей, само собой, не любит чтения, или учебы в одиночестве. Быстрый, импульсивный, как правило оптимист, часто агрессивен. Охотно вносит в свою жизнь всякие изменения и готов подвергать себя риску. Любит смеяться, но легко теряет выдержку и впадает в гнев. На него не всегда можно положиться.

Все перечисленные выше черты интроверта я находила в себе, а позже в образе Татьяны из «Евгения Онегина» А. Пушкина. Поэт жил на сто лет раньше меня, наверняка не знал упомянутой дефиниции, однако сумел правдиво описать психику своей героини. Для меня это останется тайной его гения:

«Итак, она звалась Татьяной Дика, печальна, молчалива.

Как лань лесная боязлива.

Она в семье своей родной

Казалась девочкой чужой

Она ласкаться не умела

К отцу, ни к матери своей.

Дитя сама, в толпе детей

Играть и прыгать не хотела,

И часто, целый день одна

Сидела молча у окна.

Задумчивость, ее подруга

От самых колыбельных дней.

Теченье сельского досуга

Мечтами украшала ей.

Ее изнеженные пальцы

Не знали игл, склонясь на пальцы.

Узором шелковым она

Не оживляла полотна.

Охоты властвовать примета,

С послушной куклою дитя

Приготовляется шутя

*К приличию,
закону света
И важно повторяет ей
Уроки маменьки своей.
Но куклы даже в эти годы
Татьяна в руки не брала;
Про вести города, про моды
Беседы с нею не вела.
И были детские проказы
Ей чужды; страшные рассказы Зимой,
в темноте ночей,
Пленяли больше сердце ей.*

Я была типичной Татьяной. Отрицательные последствия этого типа психики я ощущала постоянно, так как из-за врожденной несмелости с младенческих лет постоянно терпела неудачи, когда была вынуждена в реальном мире встречаться с экстравертами. Их чуждый для меня стиль жизни и характер реакции каждый раз вызывал у меня удивление. Благодаря им я была обойденной и подчиненной чужому влиянию, что не могло мне нравиться. Вырванная из своего мира «грез и идеалов», я становилась беззащитной и бессильной, как рыба, выброшенная на песок, как улитка, лишенная своей скорлупы. Свою несмелость и медлительность реакции я ощущала как мучительный недостаток. А ведь я не выбирала себе этих черт характера и охотно поменяла бы их на противоположные, которые мне импонировали больше. Трудно человеку свободного стиля жизни понять человека несмелого, которого постоянное внутреннее напряжение и смущение в крайних случаях доводит до неминуемого фиаско.

С детства запомнила один неприятный для меня случай. Я была приглашена на именины к школьной подруге — однокласснице. Она жила в зажиточной части города на Ферме (в районе современного рынка). Мама снабдила меня конфетами и одела в праздничное платье. Она очень удивилась, когда я вернулась вскоре после ухода и обеспокоено спросила:

— Что случилось? Почему ты так быстро вернулась?

Не помню уже какие слова я говорила в свое оправдание. Мама

меня поняла и быстро успокоила. Сомневаюсь, однако, что я была тогда в состоянии передать ей суть моих ощущений.

А было все так. В самом начале праздника, пока еще гости не уселись за стол, меня пригласили поиграть в мяч на улице, что мне всегда нравилось. Один мальчик старше меня бросал мяч, а я ловила. Видимо, получалось неплохо и ему это почему-то не понравилось. Он стал бросать все сильнее и сильнее. Ловя его на грудь и прижимая обеими руками, я стала ощущать боль. Одновременно возникло ощущение, что надо мной скапливается какая-то враждебность. Вскоре эта враждебная атмосфера сгустилась до такой степени, что неожиданно, под влиянием внутреннего импульса, я бросила мяч, выбежала через ворота и побежала подальше от этого двора с такой быстротой, как будто за мной гнались.

Сзади доносились крики:

— Вернись! Вернись! Куда убегаешь?

На бегу я оглянулась. У ворот стояли дети и подавали мне знаки вернуться. Но остановилась я только возле своего дома. Мне было стыдно, я чувствовала, что поступила неправильно. Одновременно что-то подсказывало мне, что я не заслуживаю никакого наказания, так как действовала под влиянием импульса, вызванного моим плохим самочувствием и это плохое самочувствие было достаточным «наказанием». Другим отрицательным последствием замкнутости в себе, мне кажется, был недостаток зрительной памяти, а, значит и неспособность к запоминанию деталей окружающей меня среды. Спрошенная прохожим о расположении какой-либо улицы, далекой от дома, я тогда и теперь тоже) надолго задумывалась. А ведь большинство прохожих, остановленных на улице, тут же дают точный ответ. У меня возникали большие трудности, когда приходилось рисовать что-нибудь по памяти. Мне кажется, способности к рисованию основываются как раз на зрительной памяти. Воссоздавая какой-то образ, художник словно видит его перед собой.

Зато мой брат имел способности к рисованию и наверняка не был интровертом. Никогда не видела его погруженным в раздумья, или решающим какие-то проблемы. Казалось, он вообще не думает, а

просто мгновенно принимает решение. Он не любил учиться, хотя на нашем большом ученическом столе имел свое место и обладал также большим ящичком для школьных принадлежностей. Казалось, что он никогда ими не пользовался. За этим столом сидели только мы с сестрой, как живое воплощение систематичности и ответственности. Однако, в далеком будущем, оказалось, что педантичность и прилежность в приготовлении уроков не гарантируют успехов в жизненной карьере. А наш брат, став взрослым, всегда занимал ответственную должность главного бухгалтера на крупных предприятиях. Он не погружался в «мир мечтаний и идеалов», ибо такое погружение препятствовало принятию быстрых решений. Что касается контактов с другими людьми, то оставаясь скромным и непретенциозным, он не проявлял несмелости и не имел трудностей в нахождении общего языка с коллегами. Брат проявлял склонность к рисованию карикатур. Материалом ему служили страницы книг и тетрадей. С другой стороны, казалось, что он совершенно лишен чувства красоты или каких-нибудь эстетических потребностей. Я считала такое стечение обстоятельств вопиющей несправедливостью и даже бессмыслицей, когда отсутствуют духовные потребности при наличии явных задатков к творчеству. В то время как я имела большую потребность художественно выражать свои чувства и ощущения при полном, как мне казалось, отсутствии способностей.

Наши внешние черты были случайным набором черт родителей. Также независимо от нашей воли проявились черты нашего характера. Сестра унаследовала от матери здравый смысл и жизненную энергию, а также, как выяснилось позже, самую важную в жизни вещь — счастье в супружестве.

Наша мама происходила из бедной крестьянской семьи, жившей в Росляках. В ее семье было семеро детей: три сына (один трагически погиб в детстве) и четыре дочери. Так вот, все дочки, выйдя замуж, сделали прекрасные партии, не имея, ни приданного, ни жилья, ни большого образования (кроме начального), ни особенной красоты. Их мужья или уже имели, или

приобрели позже хорошие профессии, все были порядочными людьми, все обеспечили женам чувство надежности и достаточно высокий жизненный уровень.

Самая старшая, Надя — моя мама вышла замуж за молодого достойного мужчину по профессии железнодорожного машиниста. Она перешла из Росляков к замку Гедимины и поселилась с мужем в доме его родственников.

Тетя Вера встретила на своей жизненной дороге очень хорошего человека, военного механика-мотоциклиста, служившего в 5-ом летнем полку и жила сначала в Порубанке, а позднее в Вильно. За несколько лет до войны они построили себе дом в Росляках. Появляясь на красивом мотоцикле с коляской перед нашим домом, они с мужем привлекали к себе всеобщее внимание. Помню, я как в зеркало смотрелась в никелированную поверхность бензинового бака. На этом мотоцикле тетя вместе с мужем участвовала в мотопробегах в качестве штурмана.

Следующая по годам тетя Мария — самая красивая и непохожая на остальных сестер, когда выходила замуж не могла быть довольной социальным положением своего мужа — он как раз уходил в армию. Зато позднее, благодаря способностям и практической сметке ее муж стал землемером и обеспечил своей жене благосостояние и спокойную жизнь.

Самая младшая — тетя Елена, сделала, казалось бы самую выгодную партию. Ее мужем стал молодой приличный и образованный для того времени мужчина. Он имел торговое образование и работал бухгалтером. Влюбился в нее с первого взгляда, не посмотрел на отсутствие образования, деревенское происхождение, на простую избу под соломенной крышей, где им пришлось потом жить. Однако пробыли вместе они недолго. Он погиб во время войны там же в Росляках, убитый власовцами.

Не углубляясь в подробности судеб моих теток, не о том речь, скажу лишь, что все они получили от своих мужей так называемое счастье. Причем без каких-либо заслуг со своей стороны, встретив на жизненном пути положительных и достойных мужчин. Было это делом счастливого случая. Столько достойных мужчин в одной семье Розмилевичей при общем их недостатке в мире!

Это напоминает мне услышанную значительно позже похожую историю из оперы Станислава Монюшко «Страшный двор». Этот двор был назван страшным, потому что из его девяти жительниц, девушек на выданье, все вышли замуж одна за другой без приданного, вызывая проклятия у окрестных матерей, имеющих взрослых дочек. Мои тети не только не имели приданного, у них не было даже матери, которая помогла бы им. Она умерла от тифа в 47 лет, когда моей маме едва исполнилось 17 лет.

Поэтому в моем понимании сестра также как и брат унаследовали от нашей мамы особое счастье на преданных любящих и верных супругов. Зато я со всей очевидностью не была одарена таким счастьем, также как и родственники моего отца. Напрашивается известная русская поговорка: «Не родись красивой, а родись счастливой».

Самая старшая сестра моего отца Мария рано овдовела и самостоятельно воспитывала двоих детей, обеспечив им высшее образование.

Дядя Саша и тетя Нюта не создали собственных семей, до конца жизни помогая друг другу. Тетя Нюта, или панна Анна, как ее называли независимо от возраста, имела прекрасное по тем временам образование, так как окончила с золотой медалью гимназию в Петербурге. Ее уволили с должности учительницы в порядке сокращения и она была вынуждена работать на земле.

Следующий брат Владимир, которого я знаю меньше всех, потому что он работал на железной дороге в других местах, имел жену, но не имел детей. Его жена не очень нравилась нашей родне.

Мой отец, убеждая маму выйти за себя и рассказывая о будущем достатке, не мог предвидеть, что окажется сокращенным и лишенным постоянной работы, вынудив этим свою жену к тяжелому труду.

Следующая сестра отца — Надя вышла замуж очень несчастливо. Тетя представляла собой тип замужней женщины, к которой плохо относится муж, однако преданной своим детям. Она никогда не обижалась на свою судьбу, переживая все свои обиды в одиночестве. Так это супружество оценивалось среди

нашей родни.

Самый младший брат отца — Николай, выразительно иллюстрировал тип мужчины — холостяка. Такого, который не хочет и не умеет подчиняться правилам жизни вдвоем и при этом не видит в ней привлекательных черт. Он имел двух жен, но обоих быстро бросил (или они его бросили), все время выбирая жизнь одиночки. Не занимался воспитанием своей дочери от первого брака. Ему были чужды обязанности отца. А ведь этих негативных в обычном понимании черт он себе не выбирал, как и никто из нас. Прекрасный любовник, он никогда не знал собственной семьи. Главный герой поэмы А.Пушкина Евгений Онегин желая оттолкнуть от себя влюбленную Татьяну следующим образом определил свое отношение к супружеству:

*Когда бы жизнь домашним кругом
Я ограничить захотел;
Когда б мне быть отцом, супругом
Приятный жребий повелел;
Когда б семейственной картиной
Пленился я хоть миг единый, —
То верно б кроме вас одной
Невесты не искал иной.
... Но я не создан для блаженства;
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Их вовсе не достоин я.
Поверьте (совесть в том порукой).
Супружество нам будет мукой.
Я, сколько ни любил бы вас.
Привыкнув, разлюблю тотчас;
Начнете плакать: ваши слезы
Не тронут сердца моего,
Л будут лишь бесить его
... Что может быть на свете хуже
Семьи, где бедная жена
Грустит о недостойном муже
И днем и вечером одна;*

*Где скучный муж, ей цену зная
(Судьбу однако ж проклиная). Всегда нахмурен, молчалив,
Сердит и холодно ревнив. Таков я...*

Рассказывали еще об одном парне из этой семьи — Юрии, который где-то погиб в Первую мировую войну. Говорили, он был очень музыкален. Я подсознательно чувствовала симпатию к этому неизвестному мне дяде.

Как можно понять из всего сказанного, дети из семьи моего отца не имели особого счастья в супружестве. Взамен природа одарила их необыкновенными чертами характера. Это прежде всего порядочность, исходящая из чувства собственного достоинства, личная скромность, которая выражалась в малых требованиях от жизни, чувство ответственности за свое слово и дело. Несмотря на немного сухое отношение к себе и другим они отличались большой культурой быта, а также чуткостью к чужим страданиям и бедам. Может быть некоторые люди и не признают эти качества достойными подражания. Однако они ошибаются! Недооценивать духовные ценности могут только люди ослепленные миражом благополучия материальной жизни, или иллюзорного счастья от приумножения материальных ценностей, а также люди, стремящиеся к почету и славе. По сути достоинства моих предков, доставшиеся маме и папе, были настоящим богатством, гарантирующим им в земной жизни уважение соседей, а в другом мире — благосклонность последнего судьи. Почивайте с миром, родные мои!

В отзывчивости на чужую беду всех превосходила тетя Нюта. Одна из моих подруг была родом из Познани, по фамилии Печиньская. Ее отец был военным, значит материально обеспеченным. Однажды я навестила ее в их квартире на противоположной стороне улицы Освобождения. Туда нужно было подниматься по высоким и крутым ступенькам. Я застала подругу вместе с родителями. Помню как они хвастались передо мной се мнимым знанием немецкого языка. Знание это состояло в умении произнести по-немецки несколько существительных: это печь, это лампа, это стол и т.д. Я выразила восхищение се прелестным белым платьем, в котором она

ходила с родителями в костел. Оно было легкое и воздушное, как крылья бабочки. Однако было одно неудобство — чтобы не запачкать платье, девочка не должна была касаться его руками. Поэтому Печиньская выглядела несколько забавно, передвигаясь с руками неестественно отставленными в стороны.

Во время войны эта семья пережила тяжелую драму. Отец, военный, не вернулся в Лиду. Мать от переживаний слегла и не могла работать. Моя ровесница должна была содержать себя и мать. Ей в этом как могла помогала моя тетя, ежедневно бесплатно отдавая им литр молока. После войны Печиньские выехали и след их затерялся.

Как ребенок своих родителей я, безусловно, представляла собой сочетание неоднородных черт их личностей. Однако выбора никакого у меня не было и пришла на свет уже как «заполненная карта». Также как и растение выросшее из посаженного зерна, уже имеет в зародыше листья, цветы и плоды в соответствии со своим видом и сортом. Это растение можно подрезать, нагнуть, придать произвольную форму, но никогда нельзя изменить его сути и предназначения. И птенец, проклюнувшийся из яйца, имеет свой определенный вид, размер и окраску независимо в чье гнездо было положено яйцо. Утята, которых высидела курица, не становятся цыплятами и не гребутся в земле, а бегут в воду к ужасу своей приемной матери.

Человек не просто малая часть природы. Он подчиняется ее законам наравне с растительным и животным миром. Разве при нынешнем уровне знания можно утверждать, что человек хозяин всех творений на земле, потому что он превышает их интеллектом? Или разве можно такое мнение оправдать нашим незнанием окружающей нас жизни? Что другое, если не генетика определяет индивидуальность отдельного человека, передавая ему физическую сопротивляемость и таланты?

Человеческие усилия можно направить только на исправление погрешностей и брака природы — в согласии с генетикой. Человек, приходящий на свет — уже «заполненная карта», но пройдет немало времени, пока он сможет ее прочесть и то не полностью!

РАЗДЕЛ II

Я не выбирала себе места своего рождения. С таким же успехом могла родиться где-нибудь в Африке, в индийской деревне, краю вулканических извержений, или страдающем от засухи. Судьба была добра ко мне. Я счастливо обнаружила себя в центре Европы в городке со звучным названием Лида, вблизи руин замка Гедимины. Наверное нет ничего более романтического для моего воображения. Только река Лидейка да заболоченные луга отделяли меня от этих руин, расположенные на искусственно насыпанной Замковой горе необычайно высокой в детском воображении.

Внутри стен было пусто, сохранился только фрагмент северо-восточной башни. Земля в замковом дворе была утоптана за шесть с лишним столетий многими поколениями людей, никакой памятной доски, никакой информационной надписи, но все знали что строителем этого замка был Гедимин, великий князь литовский, дед Владислава Ягайло.

Из уст в уста передавалась легенда о двух соснах, растущих на склоне горы у входа. Они обращали на себя внимание удивительной формой крон. Говорили, что это две заколдованные литовские княжны. Если стать у маленького входа в восточной стене, то виден наш дом на ул. Освобождения (ныне Калинина). Дом смещен немного вглубь участка, давая место маленькому дворику. Дом деревянный одноэтажный, с нашей стороны он светился светлыми стенами из отесанных стволов, сторона бабушки была «ошалевана» маленькими темно-красными дощечками. К нашей половине дома со стороны улицы примыкал полукруглый палисадник с цветами, в нем находился также погреб для хранения картофеля. Его верхняя часть имела вид стожка, поросшего травой.

Посередине дома находилось общее крыльцо с лавочками по обоим сторонам и деревянной колонной посередине. Сегодня еще много похожих сооружений можно встретить на Белосточчине, но я никогда не видела, чтобы колонна находилась посередине. На этом крыльце летом в послеобеденное время сосредотачивалась

жизнь взрослых. Мама и соседки сидели там с рукодельем, иногда среди них появлялся Владислав Титовицкий — дядя Яди. Это был благовоспитанный представительный мужчина, вдовец, ходивший всегда с палкой. Часто разговор на крыльце велся по-русски. Помню, как услышав упрек, что в Польше используется чужой язык, Владислав ответил: мы знаем несколько языков и не обязаны разговаривать исключительно на польском.

Наша половина состояла из трех комнат и кухни. О ванне и текущей воде никто тогда не слышал. С крыльца проходили в довольно большие сени с полом из некрашеных досок. Там стояли два велосипеда. Напротив входа в сени располагалась темная кладовая, в которой не было окон. Там мама хранила главным образом сало и свинину, обильно посыпанную солью. Два раза в году перед Рождеством и Пасхой кололи свиней и полученные продукты обеспечивали всю семью в течение полугода. Из сеней налево был вход в квартиру. Сначала шла маленькая комнатка, где мы — дети — делали уроки. В ней стояли стол, два стула, большая скамейка и шкаф. Отсюда вел проход в большую угловую комнату с тремя окнами. Здесь посередине стоял овальный стол на одной фигурной ножке. С левой стороны около стены располагался диван, слишком короткий для спанья, с высокими спинками, он предназначался для гостей и считался украшением комнаты. На нем лежали очень красиво вышитые подушки. Сбоку стояла этажерка с множеством всяких мелочей. Среди них был старинный альбом с картонными декоративными страницами и несколькими фотографиями торжественных событий в жизни родителей. Большую часть комнаты занимали стоящие на полу и на тумбах огромные фикусы и мирт. В углу между окнами высоко под самым потолком висела икона, а на ней старославянским языком была выписана заповедь господа о любви к ближнему: «Заповедь новую дам вам — да любите друг друга». Из этой комнаты проходили в спальню направо. Особенностью всей квартиры было отсутствие дверей. Вместо них висели тяжелые темно-зеленые портьеры. Полы были настланы из деревянных досок, покрашенных красной краской. В спальню можно было также пройти непосредственно из маленькой комнаты между

печкой и кухней. Печь разделяла обе комнаты и одновременно обогревала их. Это был очень удобный и полезный проход, позволяющей избегать хождения через большую комнату. Его появлению мы были обязаны изобретательности нашего отца. И в кухне он тоже вставил узкое стекло между кухонной печью и стеной, отсюда было видно, что делалось в маленькой комнате и просматривалась улица перед домом.

Вся семья спала в одной спальне. Я с сестрой на одной кровати, а у противоположной стены родители. На время сна они отгораживались передвижной ширмой. Брат раскладывал свою кровать возле печки. В то время не было моды спать во всех комнатах квартиры.

Полезной мебелью был комод с вертикально расположенными ящиками (чтобы заглянуть в верхний мне приходилось выдвигать нижний и становиться на него). На кухне центральное место занимала угольная плита с конфорками и хлебная печь. Каждую субботу мама сама пекла хлеб. Она готовила тесто в огромной кадке и разводила огонь в печи. При случае она на треноге пекла большие, на всю сковороду, блины. Они были румяные и очень вкусные. Между входной дверью и окошком около стены стояло ведро с водой и кружка. На стене над тазом висел простой умывальник. Воду приносили с улицы, не помню, чтобы когда-нибудь я испытывала от этого затруднения, сама я ее не носила. Во дворе у нас не было колодца. Из пограничного рва между лугами бабушки и соседки — пани Клышейко струей бил родничок. Отец поставил над ним два бетонных кольца и пробил отверстие для воды. Благодаря этому у нас была настоящая родниковая вода для питья и всех хозяйственных нужд. Полоскать белье мама ходила на речку. Из домов, расположенных по другую сторону реки, туда также приходили женщины с бельем и таким образом завязывались новые знакомства. Одно из них превратилось в дружбу. Я имею ввиду пани Францкевич, вдову, которая жила на ул. Замковой напротив дома Миклашевичей. Ее дочь Ирена очень красивая и веселая девушка, была только на год старше моей сестры и ходила в ту же гимназию. Пани Францкевич оказалась очень симпатичной особой. Она охотно вступала в

беседу с мамой при встрече. Однажды мы встретили ее на ул. Замковой. Поздоровавшись, она обратилась к моей сестре по-русски: — А как твои баллы? Сестра была знакома с русским языком и понимала его, но на этот раз выглядела явно озадаченной.

— Извините, я еще не хожу на балы — вежливо ответила она. Мама и пани Францкевич рассмеялись. Сестра не поняла, что ее спрашивают об отметках за учебу. Это забавное происшествие часто вспоминалось в нашей семье и всегда веселило нас.

Ирена и ее мама занимают почетное место в моих воспоминаниях. Им обоим хочу выразить глубокую благодарность за то, что уже после войны они приютили меня в своей квартире в Торуне во время моей учебы. Когда я появилась у них без приглашения, Ирена просто сказала: — Не может быть и речи о деньгах. У нас с мамой нет родных, поэтому всех л ид чан мы встречаем как своих близких.

Возвращаюсь к нашему дому над Лидейкой. К кухне примыкала пристройка, которая выполняла функции коридорчика и где хранились инструменты отца. В этой мини-мастерской отец между другими делами подбивал нам башмаки. Он имел собственную сапожную колодку, деревянные гвозди и куски кожи. Обувь в то время носили только кожаную, крепкую и добротную. Из кухни через этот коридорчик попадали во дворик, поверхность которого была покрыта утрамбованным шлаком. Он был почти полностью окружен хозяйственными постройками, в которых управлялся дядя Александр.

С правой стороны находился амбар, где дядя хранил свои продовольственные запасы: зерно, муку, копчености. Дальше возвышалась высокая коптилка, служившая одновременно курятником. Напротив наших окон тянулось длинное невысокое помещение. Его правая половина принадлежала нашим свинкам. Здесь сразу возле дверей отец соорудил себе станок с тисками и ручным приводом для всяких работ: слесарных, столярных, колесных. У отца были, что называется, золотые руки. Он умел делать все. Ремонтировал кастрюли, вырезал красивые кухонные доски, делал ножи, красивые зажигалки и т.д. Он всегда был занят

работой.

Другую половину этой постройки занимали конюшня и коровник. Каждое утро по улице шел пастух и громко кричал:

— Выганяй каровы! Выганяй каровы!

Коровы постепенно выходили из калиток и он гнал их на дальнейшее общественное пастбище. Вечером коровы с радостным мычанием возвращались к своим хозяевам. Доила их тетя Нюта, та самая, которая с золотой медалью окончила гимназию в Петербурге.

С левой стороны напротив коптильни стоял сенной сарай, где дядя хранил телегу, плуги и т.п. инвентарь. Таким образом дворик со всех сторон был закрыт и его утрямбованная поверхность отлично подходила для игры в футбол.

Река Лидейка! Она подходила к нам со стороны деревни Росляки. Отделяла район Заречья от замковых руин и поворачивала в сторону района Висьмонты. Она внезапно появлялась нэ-за густых высоких ольх, манила к себе на травянистый луг итак же внезапно пропадала за мостиком. В начале 30-х годов ояд была приспособлена для рекреационных полей. Посередине речки возвышалась деревянная платформа с перилами и лавочкой. Люди, сидящие на ней, были обращены лицами на восток. К платформе вел короткий деревянный настил. Я запомнила сидящего на этой лавочке пана Якимова. Он сидел молча, потягивая трубку. Я стояла рядом с ним и смотрела в темную глубину воды у моих ног. Видела только свое отражение, отражение облаков плывущих над нашими головами и чувствовала какой-то страх. Река в этом месте из-за илистого дна казалась бездонной, у меня кружилась голова. Мама рассказывала, что несколько лет назад к этой платформе была прикреплена лодка, которая сдавалась напрокат молодежи и желающих прокатиться всегда хватало.

Во время весеннего половодья река часто выходила из берегов и приближалась к нашим хозяйственным постройкам. Собирались взрослые и беспокойно обсуждали эту тему, следя за подъемом воды. Но к счастью она никогда не поднималась выше фундамента сарайчика.

Лидейка не замерзала даже в самые суровые зимы. Для катания на коньках мы использовали ближайšie озера, покрытые зимой толстым слоем льда. Самым близким и самым маленьким озером был пруд пани Клышейко. Большие пруды находились на Деканке, куда мы имели доступ без всяких ограничений. Для взрослых и всех хорошо владеющих коньками устраивался каток внутри замковых стен. Там давали коньки напрокат и играла музыка. Существовала только одна проблема: каток был платным. В те времена коньки носили отдельно и каждый раз перед катанием привинчивали к башмакам. Для этой цели к каблукам у нас были прибиты специальные пластинки с отверстием посередине. К нему прикреплялась задняя часть конька, а передняя прикручивалась к носку с помощью специального ключа. Даже самые неспособные стремились научиться кататься. Я тоже умела скользить спиной вперед, делать «пистолет» и даже «ласточку». «Пистолет», это тогда, когда скользя на корточках выставлялись вперед руки и нога. А «ласточка» — это катание на одной ноге с горизонтально расположенным туловищем. Для катания на санках служила горка Сифры, очень крутая. Поэтому мы иногда использовали подъем улицы. Движение на ней было небольшим — иногда проезжали сани. У лошадей к дугам были прикреплены колокольчики и мы издали слышали их приближение.

Кто были наши соседи? С кем судьба связала нас, кто навсегда остался в моей памяти?

Возле улицы по обе стороны от нашего участка стояли — справа — каменный домик Ярки и Переца — евреев, владельцев небольшого продуктового магазина (фамилий их я никогда не знала), а с левой стороны размещалась пивная евреек Сорки и Дверки. Выше по улице слева от дома Сорки возвышалась наша горка Сифры.

Кто такая Сифра? Это имя старой еврейки, бедно одетой, почти в лохмотьях. Она часто сидела под стеной дома Сорки со стороны огорода и служила ребятишкам мишенью для метания камней. При каждом попадании она выкрикивала проклятия,

перемежающиеся со стонами. Сифра скоро пропала, но гора ее имени осталась. Само имя Сифры стало у нас синонимом ненормальности.

В глубине узкого переулка, начинающегося между нашим домом и домом Сорки и идущего параллельно ул. Освобождения стояли два деревянных дома похожих на наш. Жители переулка, сворачивая с улицы, должны были проходить возле нашего крыльца и поэтому все они как бы находились под нашим надзором. Со временем мы стали называть этот переулок Братским. На расстоянии каких-нибудь 20-25 м от нашего дома, фронтом к переулку стоял дом № 13. Этот дом бабушка сдавала квартирантам, поэтому там за несколько лет Поменялось несколько семей. Какое-то время здесь жила семья полицейского Старчевского. У них было восьмеро детей: Ромек Марыся, Феля, Янек, Стасик, Болек, Бронька и Зося. (Зося трагически погибла в начале войны. Она неожиданно «бежала по ступенькам крыльца своего дома на горке Сифры прямо под колеса военной машины). Они приехали в Лиду из центральной Польши, о чем постоянно напоминал странный для наших ушей акцент пани Старчевской. Когда ее сын Ромек уходил в армию, пани Старчевская восприняла эту гражданскую обязанность как семейное несчастье. Она приходила к нам и жалобно причитала: «Мой Ромтю! Мой Ромтю!» Мама говорила, что она не экономная: как-то показывая как приготовить одно блюдо и разбивая яйцо, она выбросила остатки белка вместе со скорлупой. Тетя Нюта жаловалась, что Старчевские недобросовестно платили за квартиру. Не отдавали своевременно положенные 22 злотых, а часто проводили празднества с заставленным яствами столом. Тетя, проходя под их окнами не могла удержаться от возмущения: «Отдайте мои деньги!» — кричала она. — «На водку есть, так должны быть и на квартплату!» Это повторялось довольно часто, но Особенного эффекта не имело. У Старчевских была самая красивая рождественская елочка. Нигде в те времена я не видела такого большого количества елочного дождя на праздничной елке.

В конце переулка параллельно нашему дому стоял дом пани Хлышейко. Левое крыло дома было ошалевано, правое, где жили

ее родственники по мужу — побелено. Крыльца не было, только возле стены под навесом стояла низкая широкая скамейка. Сады бабушки и пани Клышейко соединялись между собой, причем из-за густых вишен совсем не было видно забора. Сразу нельзя было разобрать, где кончался наш сад и начинался соседский. Весной все плодовые деревья покрывались белой пеной цветов. Это было прекрасное, незабываемое зрелище. Его красота перехватывала дыхание до боли в груди и одновременно пробуждала сожаление, что ее нельзя продлить. Время цветения садов было коротким.

На стыке этих садов росла старая верба, посаженная кем-то неизвестным. Ее трухлявый ствол напоминал мне таинственное дерево, в дупле которого княжна Майя нашла свою жемчужную нитку. Много раз я поднималась на ее развесистые ветви с книгой в руках. Вообще, не было наверное, ни одной большой ольхи на лугу, на которую бы не лазила я и другие дети. В кинотеатре как раз показывали фильм «Тарзан» и мой брат во главе группы ребят носился по ольховым деревьям, пронзительно выкрикивая: «Каман! Каман!» Эти возгласы находили отклик в моем воображении, хотя я не понимала значение этого слова. Очевидно, мальчишки тоже не понимали, тем более не знали как оно правильно пишется. Когда над ближайшими лугами нависали военные тучи, мой брат вооружал свою дружину щитами и копьями и нападал на соседние враждебные племена с дальних околиц Заречья. Я очень боялась этих стычек. Щитами им служили большие крышки от котлов, тайком вынесенные из дома. Но выглядели они внушительно и я удивлялась изобретательности своего брата.

Из кого рекрутировалась его дружина? У пани Клышейко было четыре сына и падчерица, не совсем развитая умственно. Самый младший — Метэк, был моим ровесником. Родился в тот же год, месяц и день, что и я. Хвастаясь, что старше меня он говорил: «Я родился утром. Когда ты вечером появилась, я уже ел ужин». Метэк был верным вассалом моего брата и как младший, полностью ему подчинялся. Старшие сыновья пани Клышейко — Чесик, Бонек и Янек не принимали участия в этих военных играх. У них были совсем другие интересы.

Чесик, старше меня на пять лет, был моим идеалом. Свое восхищение им я несколько раз выражала в любовных записках, начав писать их с момента овладения искусством письма (в возрасте шести лет). Записки эти я передавала через случайных людей. Я тогда не знала, что подражала пушкинской Татьяне из «Евгения Онегина». Читая мои любовные послания, Чесик держался с достоинством не меньшим, чем сам Евгений. Я полагаю, он превосходил его чувством юмора. Вероятно, принимая во внимание мой возраст, он подшучивал надо мной. Однажды, после получения очередной записки, встретил меня на нашем крыльце и весело сказал: — Однако, ты не уехала, как обещала в письме! Я стеснялась так же как Татьяна, а может еще больше. Удивлялась его свободе поведения, которой мне не хватало, уважала за мальчишескую уверенность в себе и интеллигентность, за успехи в учебе и умение разнообразить нашу повседневную жизнь. Мы ведь не знали ни радио, ни телевизора... Хлопцы построили из кирпича печку, в которой огонь надо было раздувать, глотая дым и эта работа выпадала самым младшим! Мне или Метеку. Приносили сковородку и другие принадлежности, необходимые для приготовления импровизированных блюд. В такие моменты нам было очень весело. На дворах и за домом разыгрывался футбольный матч, девочки играли в «черное племя», а также в «берека». До позднего вечера увлеченно играли в полицейских и воров. Осенью пекли на поле картофель. Чесик был для меня недостижимым идеалом. Незаметная в компании при его присутствии, я следила за ним взглядом, полным восхищения.

Для старших ребят Чесик организовал путешествие вокруг Польши, используя связи отца, который работал на железной дороге и имел право бесплатного проезда. По возвращении он рассказывал нам о приключениях в пути. Как в Гданьске его приняли за немца из-за веснушек и волос с рыжинкой. В этих рассказах было много выдуманного, тем не менее они сильно действовали на мое воображение. Даже малейшее проявление внимания со стороны Чесика доставляло мне большое удовольствие.

Помню мама послала меня к пани Клышейко с каким-то поручением. Я послушно отправилась его выполнять, но не спешила. По дороге еще залезла на забор нашего огорода напротив дома Клышейко. День был теплый летний. Вдруг во двор вышел Чесик в светлой рубашке с подвернутыми рукавами. Он ласково улыбался. Заметив меня на заборе, подошел и с улыбкой предложил:

— Давай, помогу тебе слезть.

Не ожидая ответа, он поднял меня и поставил на землю. Я ничего не сказала, но мне было приятно. Его жест показался мне проявлением симпатии. В другой раз отец взял нас с собой на реку Дитву. Он попросил у дяди лошадь и телегу с решетками по бокам. К Дитве мы ехали вверх по ул. Гражины (Энгельса), возле католического кладбища в сторону Новогрудка. Взяли с собой корзины с едой на целый день. С нами ехал Чесик, что придавало экскурсии особое очарование. Помню, какая чистая вода была в Дитве, совсем прозрачная. Было хорошо видно дно в месте по моему понятию очень глубоком. Уже тогда я умела плавать, научилась на седьмом году жизни, но никогда не было подходящего водоема для плавания. В тот раз я немного боялась, но все же отважилась войти в реку, выплыть на середину и обратно. Когда подплывала к берегу, Чесик протянул мне руку и помог выбраться из воды. Я была ему благодарна, но как всегда даже не сказала спасибо. Всему виной была моя стеснительность. Впрочем, он и не ожидал от меня никакой благодарности. Опять уселся на берегу, охватив руками колени и опустив на них голову. Эта поза казалась мне выражением глубокой задумчивости и вызывала уважение. С той экскурсии мы привезли много белых лилий, собранных на реке мальчишками, но дома они очень скоро завяли. Водяные лилии должны украшать озера и реки, а не уничтожаться людьми, решила я тогда.

Большие возможности для восхищения Чесиком предоставляли мне вечеринки старшей молодежи, их организовывали моя сестра, Чесик и Бронька. Места вечеринок менялись, они проводились то у нас, то у пани Клышейко, то в квартире Старчсвских в доме N 13. Форма организации была неизменная. Чесик и Бронек

отвечали за присутствие ребят, а сестра приглашала своих подруг. Вместе с другими приходили Янка Титовицкая и Яся Волошук. Перед танцами деревянные полы посыпались стружками с восковых свечей, это помогало танцевать. Танцевали под патефон. Сбоку у патефона была ручка для завода пружины, однако трубы не было. В то время очень популярными были танго, быстрый вальс, английский вальс и фокстрот. Мечислав Фогт перед войной пленял всех песенкой:

Помню санками ехали, милая
Падал снег огромными хлопьями
Я держал на груди твои руки,
Любимая, любимая, любимая.

Другая очень популярная песня, тоже предвоенная, гремевшая по всей Лиде,, навевала романтическое настроение:

... всю ночь пахла сирень,
всю ночь не мог я спать.

Вечеринки представляли собой танцы вперемешку с играми, не было никаких бутербродов и питья. Игры заключались в сборе фантов с последующим выкупом. Много было веселья и смеха. Ведущий выходил на середину комнаты с шапкой в руке и говорил:

— шел капуцин через реку,
потерял красную шапочку,
нашел ее номер 4.

Обладатель номера 4 должен был сейчас же отозваться:

— Кто? Я?

— Да, ты.

— Я нет!

— А кто?

— Номер такой-то...

Диалог проходил до промаха одного из участников. Тогда у него забирали фант. Фантом могла быть любая вещь: расческа, платочек, зеркальце, перочинный ножик и т.п. Затем начинался выкуп фантов их владельцами. Чтобы вернуть свою собственность они должны были проделать разные действия. Например, пропеть песенку, или рассказать стишок. Были более сложные задания, например, «сорвать вишню». Выбранная обществом девушка становилась на стул или кресло, а выкупающий фант парень должен был в прыжке ее поцеловать. Это вызывало общее веселье. Помню как-то Чесик получил задание поцеловать таким образом

Ясю Волошук. Я наблюдала за этим, затаив дыхание.

Другим более сложным способом выкупать фанты был почтальон. Эту игру подробно описала Полина Гоявичинская в своей повести «Девушка из Новолипок». Меня никогда не вызывали за дверь для выкупа фанта, поэтому что там происходило, не знаю.

Удивляет похожесть игр молодежи в таких отдаленных местах, как Варшава и Лида и с такой разницей во времени — накануне первой и перед второй мировой войной. Как я уже говорила, вечеринки организовывались старшей молодежью. Я и мои подружки не брались в расчет при составлении списка приглашенных. Зато я имела возможность наблюдать за этими играми. Если они проходили у нас, то я, сидя на полу, раздвигала шторы из соседней комнаты и смотрела. Когда собирались у пани Старчевской, было еще лучше. Перед домом возле окна рос огромный ветвистый каштан. Не было ничего лучше и приятнее чем сидя на этом каштане в укрытии среди листьев, наблюдать через открытое окно за происходящим в доме. Однажды меня заметили, несмотря на темноту. Какой-то незнакомый парень у окна довольно громко сказал:

— Там на дереве кто-то есть, нужно согнать.

Я испугалась и замерла, затаив дыхание. Однако Чесик к моему большому облегчению тут же сказал:

— Все в порядке. Это наша маленькая соседка, она совсем не помешает.

Не понимала как Чесик узнал меня среди густой листвы, но была благодарна ему за поддержку.

Квартира пани Клышейко состояла из трех небольших комнат и кухни. В кухне размещалась падчерица Гелька, а также собаки, охраняющие вход в квартиру. Комната за кухней всегда была шумной и оживленной. Жители ее как магнитом притягивали соседей. Хозяйка дома, молодая очаровательная, вдова, любила гостей, не скупилась на пышные приемы, не откладывала, кажется, денег на черный день, не боролась с нуждой. Ее покойный муж был не молодым, но зажиточным человеком.

Кроме пенсии, заработанной на железной дороге, он оставил молодой жене немного земли. Говорили, что она понемногу продавала се и этим жила. Я никогда не видела пани Клышейко тяжело работающей. Для сравнения, моя тетя Нюта, окончившая гимназию, всегда доминается мне с мешками травы на согнутой спине, которые она носила с далекого поля. Летом почти каждый день она шла так через всю Мостовскую улицу, без смущения за свой способ зарабатывания на жизнь. Может в этом и заключалось ее неумение жить? Ведь ее брат Александр имел лошадь и телегу и мог избавить сестру от переноски тяжестей. Я тогда над этим не задумывалась. Две этих женщины представляли собой совершенно разные стили жизни и опять возникает вопрос — почему человек так сильно зависит от врожденных черт, которые он себе не выбирает?

Мой брат очень часто бывал в доме пани Клышейко. Он убежденно доказывал маме, что таким образом расширяет свой кругозор. Там в маленькой комнатке часто толпились соседки. Всем нравилось гостеприимство хозяйки. Сыновья были такими же приветливыми как и она. Однако вне конкуренции был Янек. Среди соседей он славился своими элегантными манерами и остроумием в беседе. На приемах он очаровывал всех, особенно женщин, забавляя их беседой и прислуживая. Этим он сильно отличался от других мужчин, начисто лишенных галантности. Он был галантным независимо от того, кто сидел возле него за столом, даже такая незаметная особа как я. Он одарял всех комплиментами. Женщины удивлялись его чувству юмора и красноречию. Помню, как он рассказывал о приключениях его с дядей Сашей.

— Та большая груша в саду пана Александра всегда усыпана Плодами. Ветви свисают за забор и нельзя пройти мимо, не поддавшись соблазну угоститься. Однажды, решив, что поблизости никого нет, я залез на забор. Сорвал несколько груш и вдруг увидел, что подходит пан Александр. Хотел спрыгнуть, но нога попала между штакетинами и я никак не мог ее выдернуть. Такое вот несчастье!

Эта история, рассказанная с большим чувством юмора, избавляла

всех. Помню как удивил меня один рассказ о Янеке. Одной из постоянных гостей у пани Клышейко была пани Старчевская. Янеку не нравился сильный запах чеснока, который все время от нее исходил, но он не мог прямо сказать об этом женщине. В конце концов он нашел подходящий способ. Пожалуй, на все есть свой способ, только нужно его знать. Так вот, что он выдумал. Однажды вечером, когда все собрались и поблизости вертелся Чесик, Янек вдруг громко крикнул на него:

— Конопатый, говорил я тебе, не ешь столько чесноку! Вонь такая, что невозможно терпеть!

Брат оправдывался, что не ел никакого чеснока. Тогда пани Старчевская была вынуждена признаться

— Очень извиняюсь, но это я ела чеснок — сказала она тихим голосом. Янек рассыпался в извинениях перед гостьей.

— Ничего страшного, пани Старчевская. Я думал, это мой брат решил мне досадить.

Этот способ возымел надлежащий эффект. Как-то Янек сказал комплимент и в мой адрес. Он остался в моей памяти потому, что разительно не соответствовал реальному положению вещей. Он сказал обо мне:

— Она будет очень хорошей женой.

А я уже тогда знала, что моя несмелость не имеет ничего общего с покладистостью и мягкостью характера, необходимыми хорошей жене. Не имела ни малейшего сомнения, что это был просто комплимент.

Янек окончил торговую гимназию пиаров в Лиде и перед войной уехал в Вильно на высшие торговые курсы. В результате этой поездки перед самой войной в их семье появилась его жена

— Яся. Молодая, красивая, из хорошей семьи и влюбленная в своего мужа. Станным было только, что у такой молодой женщины тряслись руки, правда это происходило только в определенных обстоятельствах. Например, она не могла налить жидкость в узкую бутылку. Однако этот недостаток не уменьшал ее привлекательности. Она всем нашим нравилась.

РАЗДЕЛ III

Постоянной соседкой была пани Якимова, которая несколько раз

меняла место жительства, но продолжала оставаться в орбите нашей повседневной жизни. У нее было двое детей (Евгений и Лолек), но больше всего запомнилась она сама. Сначала она жила в доме N 13 на квартире у бабушки, потом на горе Сифры, наконец, на улице Мостовской. Эта соседка вносила в мое окружение некоторый элемент интеллектуальности. Как-то войдя в нашу комнату, она спросила: «Что читаешь, детка? Может «В пустыне и пуще?» Вопросы она задавала с характерным наклоном головы и некоторой театральностью в голосе. В другой раз, увидев меня с книгой в руке да крыльце, она спросила: «Это Дюма, детка?!». Помню, меня удавило, как она безупречно правильно произносит эту фамилию, малоизвестную в то время. И дальше она удивляла делая своими интеллектуальными запросами. Это у нее мы брали почитать прекрасные, по моему мнению, журналы: «В большом мире». Этот журнал на каждой обложке печатал фотографию какой-нибудь красивой женщины, возбуждавшей мое воображение. До сих пор помню лицо молодой женщины в шляпе с широкими полями и надписью: «В тени крыльев». Именно пани Якимова единственная из взрослых, задержавшись у окна моей комнаты, когда я играла на рояле (уже во время войны) попросила, склонив голову набок: «Сыграй Шуберта, детка». Это она приглашала нас несколько раз на передачу «Вечеринка» из Вильно с участием Адверки. Это была очень интересная радиопередача, в которой главный герой — Адверка пользовался виленским жаргоном. Такие приглашения, для нас, не имеющих радио, становились настоящим Праздником.

Очень жаль, что с этой женщиной у меня связаны также и неприятные воспоминания. Это еще раз свидетельствует о том, что не бывает идеальных людей. Некоторые из них кажутся ШИК такими, потому что мы их плохо знаем, или желаем видеть идеальными. Я была только ребенком, познающим мир, но однажды почувствовала в словах пани Якимовой обращенных «дочери что-то нехорошее. Это было сделано в моем присутствии, не знаю умышленно, или по ошибке. Не обращая на меня внимания, она на крыльце нашего дома сказала маме: а Он был такой пьяный, что едва держался на ногах и ему пришлось даже

опереться о крест.

Хотя я не услышала имени, но знала о ком идет речь, даже Цаленькой девочке нетрудно было догадаться, что говорят о батюшке Богаткевиче. Он известен был своей любовью к горячительным напиткам, что видимо, частично объяснялось положением вдовца. Однако батюшку уважали «как человеческого священника». Так его оценивал отец. Мне было стыдно за эту пани, что она так неразборчиво причиняет неприятности ближнему.

В другой раз она проявила бестактность, когда отца уволили с работы.

— Было бы слишком жирно получать вам еще и зарплату каждый месяц — напрямую заявила она маме.

Помню как отец возвратился домой после увольнения. Он работал машинистом на железной дороге и водил поезда. Дело было на кухне. В это время в доме не было никого кроме мамы и меня, тихонько стоявшей в уголке возле прохода между спальней и кухней. У меня высоко над головой находился выключатель, до которого я тогда не могла дотянуться. Отец медленно вошел через кухонную дверь и взяв глиняную мисочку, высыпал в нее большие звенящие монеты, которые заполнили половину миски. Никогда до этого я не видела столько денег. Но мама отреагировала на это с неожиданным отчаянием.

— Зачем ты брал эти деньги?! — закричала она. Думаешь это для нас богатство! Что они значат, если нет работы! Отец, как обычно, отвечал молчанием. Однако я знала, как ему было тяжело.

— Если бы ты не взял этого пособия, то тебя бы не уволили — повторяла мама. — Но ты взял эти деньги без возражений и что теперь будем делать?

Атмосфера на кухне была такой тяжелой, что я тихо всхлипывала вместе с мамой, стоя в уголке.

— Почему уволили именно тебя? Не потому же, что плохо работаешь, а потому что не пьешь с ними. Легче всего такого уволить, кто не умеет постоять за себя и всегда держится в сторонке.

Мамины слова глубоко запали в мою память. Я очень

сочувствовала отцу, хотя не могла не видеть в словах мамы определенной логики.

С тех пор мы жили очень экономно. В магазин за продуктами ходили только в исключительных случаях. К таким исключениям принадлежала и моя болезнь, когда я лежала в постели. Помню, мама тогда принесла мне шоколад. Основой нашего питания была картошка, которую, к счастью, все мы очень любили. Родители сами сажали и потом копали ее на небольшом участке, принадлежавшем бабушке. В сарае непрерывно откармливали свиней. Это требовало большого труда. Каждый день родители собирали мешок травы на лугу и носили с дальнего поля картофельную ботву. Мама сама таскала в хлев тяжелые баки с кормом. Кроме свиней она держала кур и уток. Кур надо было резать, а этого никто не хотел делать, кроме мамы, которой приходилось на всех готовить. Я не могла переносить вида трепыхающихся и кричащих птиц в ее руках и много лет спустя так и не привыкла к этому.

Мы не знали парикмахера, портного или сапожника. Все эти работы делали родители. Услугами отца как парикмахера долгое время пользовались и сыновья пани Клышейко. Отец очень любил детей и с удовольствием возился с ними. Ребят он стриг под «нуль» машинкой. После окончания стрижки имел привычку шутя выжимать «грушки» на стриженных головах. Это всех забавляло. Когда мы были маленькими отец брал нас на колени и подбрасывал вверх, одновременно имитируя ход локомотива — сопел и гудел все быстрее и быстрее. Эта инсценировка напоминала мне «Локомотив» Юлиана Тувима. Мы очень любили эти минуты: — Ух, як цяжка падыдзце, памажыце! В заключение «езды» он переворачивал нас в воздухе.

Мама для нас детей была единственной портнихой. С целью немного подработать, она принимала заказы на платья от знакомых. Она нигде не училась шить, поэтому иногда случались и неудачи. Я тогда переживала вместе с ней. Помню, какой мукой для нас были примерки. Нужно было несколько раз прийти со двора домой и терпеливо ждать пока мама подгонит сшитое платье. Ежесекундно слышалось ее нетерпеливое:

— Перестань вертеться! Стой спокойно! Опустив руки!

— Мама, уже все? — непрерывно спрашивала я голосом мученицы.

Маму нервировало наше нетерпение, когда возникали трудности с подгонкой. Определение длины платья становилось целой церемонией. Я вставала на кресло, а мама с линейкой в руках отмеряла сантиметр за сантиметром нужную длину.

Мама кроме прочего помогала дяде при уборке зерновых. Когда приходило время уборки, дядя Саша нанимал женщин для ускорения работы. Мама шла работать вместе с другими жнеями. Обычно во время жнива было очень жарко и женщины целый день проводили в поле под палящим солнцем с одним перерывом на обед. Сжатую рожь вязали в снопы, а те в свою очередь ставили в копы. С поля их вывозил дядя в высоко нагруженной телеге. Потом мужчины молотили рожь в амбаре цепями. В результате дети имели дополнительное удовольствие: спали на свежей соломе. За эту работу мы получали от дяди запас муки для выпечки хлеба. Таким образом у нас всегда были натуральные продукты и никогда не хватало наличных денег. Я навсегда запомнила, как мама говорила, вернувшись из магазина:

— Тыфу на такой город! Есть что купить, да не за что.

Родители кое-как сводили концы с концами за счет тяжелой работы и экономии, поэтому наша соседка и сказала, мол, было бы слишком хорошо еще иметь и регулярную зарплату.

Здесь следует остановиться на том, почему существует недоброжелательность? Когда она появляется и нельзя ли ее избежать. Несомненно, пани Якимова не выбирала себе черт характера и стала их владелицей по случаю. Наверняка она не была виноватой в этом. Мотивов недоброжелательности несколько, часто это злобность без выгоды. Человек, высказывающий какую-либо гадость, находит удивительное удовольствие от прикосновения к другой личности, делая ей неприятность. Это имеет какую-то связь с садизмом, точнее, с моральным садизмом.

У пани Якимовой возникло желание унижить в глазах моей мамы духовное лицо, представляющее другое вероисповедание, чему нее самой. Какая же у нее могла быть польза, кроме удовольствия

сделать ближнему больно? В другом случае она руководствовалась завистью. Она не хотела, чтобы другая семья жила лучше или даже так же как и она. Ее муж имел постоянную работу на железной дороге. Я видела его при выходе с перрона, где он проверял билеты у пассажиров, выходящих из поезда. Это был большой добродушный, довольно симпатичный мужчина. У его жены не было причин завидовать материальному благосостоянию нашей семьи и все же она завидовала. Разве зависть имеет право на существование? Явление это давнее, а значит, постоянное, неотделимое от нашей жизни. Матери, с величайшей радостью встречающие появление своих детей на свет, передают им свои недостатки, не сознавая этого. Хотя они уверены, что рожают «чистые, невинные существа», которых только потом портит плохое влияние. Но чье? Других плохих людей. А откуда берутся злые люди? Зависть, к сожалению, живет в каждом человеке, в разной степени, конечно. Представляется лишним вопрос: можно ли ее побороть? Ее триумфальный поход через века показывает, что нет. Она может скрываться до подходящего случая, причем на протяжении многих лет.

Случай такой появился и у пани Клышейко. Она была самой чистой, безупречной, милейшей соседкой как перед войной, так и во время войны. После войны, вернувшись из Казахстана в Польшу, она остановилась недалеко от нас на отвоеванной у немцев земле. Мой отец немедленно поехал за ней и привез к нам в Щетинок. Две недели провел у нас и Метек после возвращения из берлинского похода. Это была радостная встреча после страшных военных лет и хотелось продолжать дружить. Известно, что настоящие друзья познаются в беде, однако случилась удивительная вещь. Несколько лет спустя после смерти моего отца я услышала как пани Клышейко сказала маме:

— Пусть пани почувствует теперь как хорошо быть вдовой. У меня вот уже сколько лет нет мужа.

Как будто мои родители были виноваты в этом. Тогда мама удивила меня своим быстрым и точным ответом:

-Извините, пани! — возмущенно воскликнула она. — Вы вышли замуж за старого человека и знали, что Вас ожидает, а мой муж

умер молодым, всего в 53 года.

Надо однако понять пани Клышейко. Она тоже не имела выбора. По ее рассказам она была сиротой и находилась на содержании богатой тетки в Вильно. Молодая, красивая, жадная к жизни и ее радостям. Когда появился богатый жених, старый вдовец, что было делать? Разве что ожидать богатого да молодого. Разве можно винить ее в том, что она была сиротой и хотела иметь свой дом? С другой стороны люди слишком много требуют от этой жизни. Ожидают полного счастья здесь, на земле, хотя известно, что это невозможно. Был у нее дом, четыре хороших сына, неплохие материальные условия жизни, 100 лет прожила в полном здравии, но все же чувствовала боль за свою вдовью судьбу. Наша многолетняя дружба окончилась довольно неожиданно. После смерти папы, когда мама очутилась в больнице, пани Клышейко выказала к ней полное равнодушие.

Кроме этих постоянных соседок в доме N 13 сменилось несколько семей. Пани Качмарская жена полицейского имела дочь Ирину, сына Витка и еще одну дочь — маленькую Басю. Ирина была девочкой необыкновенной красоты, пользовалась успехом у ребят и умела их завлекать. Сначала ее расположения стал добиваться Бронек, старший брат Часика (но младше Янека). Они были гармоничной парой. Потом оказалось, что Иру у брата отбил Янек. Помню связанную с этим забавную сцену. Ирина сидела на скамейке у своего крыльца. Я наблюдала за ней со стороны. Она была смуглой с правильными чертами лица. Я все удивлялась, зачем она покусывает губы. Потом додумалась, что губы от этого становятся более яркими и соблазнительными. Но от такого упражнения они уже были слегка покалечены. Издалека слышался мужской голос. Это Янек, стоя перед своим домом пел песню, демонстрируя хороший голос. Я всегда любила пение, особенно соло и к тому же под открытым небом, поэтому настроилась слушать. Для этого выбрала удобную позицию на заборе нашего огорода посередине между певцом и той, для кого он пел. Могла так сидеть и слушать до бесконечности, столько было в этом пении чувства и красоты. К сожалению, мне тогда не

приходило в голову, что ни Янеку, ни Иринке в том момент совершенно не нужно было мое присутствие. Я удивляюсь, как это Янек еще удержался и не прогнал меня тогда. Отсюда можно сделать вывод, что нужно знать время и место для выражения признательности артисту. Только сейчас ко мне приходит подозрение, что расплата за мою бестактность пришла позже, когда Янек незаслуженно выгнал меня со своего двора, еще и шлепнув при этом. Тогда я не поняла причины такой неприязни и сильно удивилась. Бронек вскоре после ухода Ирины к его более удачливому брату одарил своим вниманием Ясю Волош. Яся у нас была «пришлым элементом» — ее семья приехала из Центральной Польши. Ее отец был почтальоном и занимал квартиру в первом домике по ул. Мостовской. Яся была ровесницей моей сестры и ходила в ту же гимназию им. К. Ходкевича. Она часто заходила к нам, а вслед за ней появлялся Бронек. Она представляла собой тип красоты отличный от нашего: блондинка с красивыми ямочками на щеках, всегда веселая и улыбающаяся. По моим понятиям она тоже имела большой успех у ребят. Когда она засиживалась у нас, то Бронек с большой охотой провожал ее домой. Я не могла надивиться такой его галантности, которая не проявлялась по отношению к другим девочкам. Вскоре всем стало ясно, что они влюблены друг в друга. Это юношеское чувство расцветало на наших глазах. Но до брака дело не дошло, началась война и судьба разлучила их.

РАЗДЕЛ IV

Это всего лишь случайность, Яда, что родились мы в одно время и в одном месте, что твой дом оказался напротив нашего через ул. Освобождения на Заречье. Если бы ты родилась на несколько лет позже, или раньше, жила несколькими домами дальше, то мы, естественно, встречались бы, были бы знакомы, но не возникли бы условия для нашей дружбы. Как, например, в случае с семьей Гацевич, в которой было пять девочек: Марыся (самая старшая), затем Янка, Ядя, Лёдя и Тереза. Ядя и Лёдя были нашими ровесницами. Но я никогда не ходила в их дом возле придорожного креста и нас не связали крепкие узы дружбы. А вашим, Ядя, непрошенным гостем я была почти ежедневно. Я

благодарна судьбе за дружбу именно с тобой, человеком необыкновенным с точки зрения интеллигентности и врожденного такта. Благодарна ей за это сокровище дружбы, прошедшей через всю жизнь. Время показало, что твое доброжелательное отношение ко мне не изменилось за многие прошедшие годы. Всегда ты встречала меня в своем доме одинаково радостно, независимо от времени моих неожиданных визитов. Впрочем, с такой же доброжелательностью ты относилась ко всем людям. Рискну утверждать, что такие прекрасные люди как ты могли родиться только под сенью замка Гедимины.

Семья Титовицких оказала заметное влияние на мою жизнь. У них был дом напротив горки Сифры на другой стороне улицы и на такой же высоте как эта горка. Речная терраса в этом месте была очень крутой, поэтому для устройства проезда к Заречью пришлось в одном месте прорыть пологий спуск. Наш дом располагался значительно ниже чем дом Титовицких, к которому нужно было подниматься другим прорытым проходом. На этом месте, вероятно, когда-то было кладбище, потому что в огороде находили человеческие кости. Это придавало таинственности всему участку.

Дом Титовицких стоял фасадом к улице. В него заходили со двора. Сначала попадали в большую довольно темную кухню, где распоряжалась тетя Юзефа, а потом в длинное помещение с одним окном, выходящим на улицу. В этой комнате жило семеро детей вместе с родителями. Самый старший — Стасик, потом Витек (который здорово катался на коньках), Чесик (который интересовался истребителями), Янка (братья и сестры звали ее Лялька), Ядя, Тесья и самый младший Владек (от него все удирали, чтобы избавиться от его общества). Было кого выбирать в друзья. Моя сестра училась в одном классе с Янкой. Тесья была моей ровесницей, но я выбрала Ядю. Я училась классом старше Теси, а с Ядей в одном классе училась только в Торговой купеческой гимназии монахов пиаров перед самой войной. На занятиях Ядя выделялась очень хорошей памятью на имена и географические названия. Мы были знакомы и дружны с самых детских лет. Каждые каникулы вместе ходили в лес за грибами, черникой и

земляникой. Уходили ранним утром через поля с кувшинами или корзинками в руках. Помню, по дороге любили декламировать стихи из нашего учебника «Говорят века». Этот учебник был сокровищницей чудесных стихов. Ближайший лес находился недалеко от нас к востоку от Росляков, поэтому туда мы ходили все лето с июня по сентябрь. Сразу же за гумном Мая до самого леса на горизонте тянулись поля с волнующейся на ветру рожью. Совсем не было видно зеленых границ между участками.

Мы рано научились различать зерновые по сортам. Самые большие площади занимала рожь. Ее светлые средней величины колосья были самыми высокими. Зернышки из колосьев мы очень любили. Среди ржи очаровательно выглядели цветущие васильки и красные маки. Вытягивал вверх тонкие стебли белый вьюнок. Мы собирали эти цветы как украшение полей, а не как сорняки. Пшеница была более низкой чем рожь, ее стебли имели более золотистую окраску и занимала меньшие площади за посевы ржи. У ячменя среди зерновых были самые крупные колосья с толстыми зернышками и длинными усами. Его легко можно было различить издалека. Но самым легким для распознавания был овес. Невысокие стебли, колосья не сплошные и крепко цепляются за одежду Мы ради развлечения сыпали его друг на друга.

Наш лес был смешанным, лиственно-хвойным с густым мягким мхом, ягодником и цветами. Только такой лес по-моему может быть по-настоящему красивым. Все деревья одно перед другим тянулись вверх к свету, а солнце светлыми пятнами падало между ними и рассыпалось по мху. Приятно было лежать на открытой полянке и наблюдать верхушки деревьев на фоне голубого неба. Приятно было вслушиваться в шум деревьев и голоса птиц. Когда куковала кукушка, мы считали ее «куку» и вслух загадывали желания. Когда слышали стук дятла, то старались высмотреть его на высоком дереве.

Среди деревьев больше всего было сосен. Очень высокие, стройные, красивые с толстыми бронзово-золотистыми стволами они вырастали выше других деревьев и высоко над землей распускали во все стороны свои ветви. С них на землю падали короткие и широкие по сравнению с еловыми шишки. Ели

вытягивали свои широкие темно-зеленые ветви над самой землей, а их шишки были длинными плотными и тяжелыми. Ельник никогда не вырастал высоким, но иногда срастался в почти непроходимую чащу. Из лиственных деревьев самыми большими были дубы. Они как бы царствовали над другими деревьями. Осенью они сбрасывали красивые желуди, которые молодёжь использовала для художественных работ, а во время войны для домашнего производства кофе. Березы росли по опушкам леса или собирались в отдельные рощи. Мы любили этот лес и хорошо знали, где росли разные ягоды и грибы. Больше всего собирали чернику. Обильно посыпанная сахаром, она стояла в больших банках на подоконниках почти во всех домах. Земляники было гораздо меньше. Мы старались насыпать ее сверху в свои кувшины, чтобы показать как много ее собрали. На влажных участках леса росла бело-красная брусника, но ее мы не собирали. Можно было также найти и клюкву. В нашем доме ее использовали главным образом для приготовления киселя на Сочельник.

Из съедобных грибов больше всего росло наименее ценных для нас лисичек и сыроежек. Мы больше искали и с удовольствием собирали маслята, подосиновики, подберезовики и рыжики. Белых грибов уже тогда было мало и каждому найденному боровику бурно радовались. Соревновались кто соберет их больше остальных. Только Гезя не участвовала в этом соревновании. О ее успехах мы узнавали обычно случайно после сбора грибов.

По возвращении из леса мы проводили остаток дня на Лидейке. Когда была хорошая погода, то по несколько раз купались. Плавать учились сами. В то время Лидейка еще не была рвом с грязной водой как теперь. Кусочек речки возле моста был немного мельче, чем в других местах, с песчаным дном и очень чистой водой — были видны даже рыбы, прячущиеся под камнями. Они прятались главным образом от моего брата, который ловил их острогой, чтобы потом жарить в ольшанике.

Это в Лидейке я впервые в жизни увидела лягушек, раков и красивых ужей. В аире и во мху на лугу полным полно было всяких цветов. Эти луга я запомнила на всю жизнь и они вставали

в моей памяти еще долгое время после войны, когда я очутилась э совершенно других рельефных условиях далеко от Лиды. В тяжелые минуты жизни ко мне приходит воспоминание об этих мокрых лугах, где ноги по щиколотку погружались в мох. Воспоминание об этой влажной мягкости успокаивает мою душу. Действительно, это был образ Лидейки, пока ее русло не выпрямили во время мелиорации. Однажды у реки появилось несколько молодых рабочих, которые начали выпрямлять ее русло. Говорили, что это безработные из Граева, которым нашли занятие. Рабочие не мешали нам, но по правде сказать, образ старой Лидейки ушел безвозвратно вместе с чистой водой, рыбами и лодками, плавающими по ней. Мелиорация осушила луг и по нему стало возможным ходить, не замочив ног. С этого времени Чесик и его братья ходили в город по берегу реки, минуя дорогу возле нашего дома. Помню его переходящим через луг, стройного в белом плаще. Я в это время сидела в огороде бабушки под грушей с книгой в руках. Тогда уже не стало мокрого мха, в который проваливались ноги, из цветов остались только желтая калужница, ранней весной в остатках аира появлялись белые далии. В ольшанике постоянно цвели фиалки.

Наша дружба с Ядей длилась долгие годы. Между нами существовала сильная духовная связь. Именно с Ядей, не с ее сестрой Тесей, моей ближайшей ровесницей. Теся была совсем другой, видимо так получилось из-за различных склонностей их родителей. Отец Яди, которого дети называли «папка» в то время пожилой невысокий блондин, был каким-то служащим в армии. Высказывался он высокопарно и вычурно. Я редко видела его в их битком набитом доме. Запомнила только, что Ядя была похожа на него — невысокая блондинка с симпатичными веснушками. Теся, наоборот, была продолжательницей черт характера своей матери. Насколько помню, эта скромная и тихая женщина всегда сидела на низкой табуреточке перед открытой печкой. Там, на треноге она готовила еду для своей многочисленной семьи. Несколько раз я видела ее в огороде, который был ее, наверное, единственной страстью. Никогда не встречала ее на улице. Никогда она не становилась объектом сплетен соседей. Семья эта пользовалась

почетом и уважением, так как в ней заботились об образовании детей, что было нелегким делом при тогдашней обязательной плате за обучение в средней школе и при такой многочисленной семье. Помню, что мать Яди вышла из района «Ферма» более богатого за наше Заречье и имела девичью фамилию литовского звучания. Вот и Теся как и ее мама оказалась типичной домоседкой. Единственным видимым ее интересом стал огород и еще рукоделие. Зато Ядя была для меня родственной душой. Она любила книги, увлекалась музыкой, неплохо выучила немецкий язык — во время войны работала у немцев. Долгие часы мы проводили в философских рассуждениях, касающихся смысла жизни и отношений между людьми. Темы для разговоров черпали из прочитанных книг и окружающей нас жизни. Например, нам не нравилось отношение людей к цветам. Ядя как-то сказала:

— Разве не видишь, как люди уничтожают цветы вокруг себя. Они утверждают, что любят их и во имя этой любви с каждой прогулки несут из леса или с луга букеты. Ведь дома цветы живут гораздо короче. Кроме того они украшают одну комнату вместо того, чтобы радовать всех.

— Вот именно. Где здесь любовь? Разве когда любят уничтожают объект любви? Я думаю, если бы каждый человек срывал хотя бы по одному цветочку в день, то вскоре цветы бы совсем исчезли. Ведь цветы в лесах и на лугах являются как бы общими. С какой стати кто-то захватывает их в личное владение? Любители пусть сеют и выращивают цветы для собственного пользования. Тогда они будут иметь основание распоряжаться ими по своему усмотрению.

В равной степени мы были возмущены бездумностью людей, уничтожающих природу и их безнаказанностью. Интересовала нас также судьба животных:

— Знаешь, Ядя, была я вчера в Росляках. У них там появилась красивая маленькая собачка. Я взяла ее на руки и она прижалась ко мне. И представь себе, тетя Геля сказала, что собака создана для охраны дома и поэтому ее надо привязывать к будке. Лучший сторож — это злая собака и поэтому нужно ее такой сделать.

— Это ужасно! Быть привязанным к будке за шею и не иметь

возможности бегать куда хочешь. Ведь это живое существо.

— Вчера у нас опять была эта странная женщина.

— Какая женщина?

— Из общества защиты животных. Поймала брата на лугу и долго ему что-то втолковывала. Брат стоял с опущенной головой и притворялся, что слушает.

— А что она говорила?

— Я слышала немного. Говорила, что нельзя обижать животных, которые живут среди нас. Эти живые существа, отданные под нашу защиту. Собаки, например, чувствуют физическую боль в такой же степени как и люди. И нужно помнить, что они самые большие друзья человека. Мы не должны платить им черной неблагодарностью.

— Она так ходит по дворам и старается научить детей сочувствию к животным. И как ей это удается?

— Нам обеим было неприятно.

— Скажи — спросила Ядя через некоторое время — разве гицаль хороший человек? Когда он появляется на улице животные подсознательно чувствуют опасность и убегают.

— Интересно. Видимо, они знают, что их ожидает.

— Бывают случаи, когда гицаль ловит собаку, у которой есть хозяин, а она только выбежала на улицу.

— Разве правда, что с собаки потом заживо сдирают шкуру, а из жира делают мыло? Как ты думаешь?

— Может не с живой. Думаю, что гицаль вообще-то полезен, он беспокоится о безопасности жителей. Бездомные собаки очень опасны. Но вообще человек жесток по отношению к животным.

— Конечно, только он часто сам этого не знает. Не понимает животных и часто даже не понимает другого человека.

— Слушай, Ядя, мне пришла в голову одна мысль... Как, например, решить такую проблему?

— Какую?

— Вообрази себе: хозяин имеет собаку, своего друга и привязывает ее к будке, ограничивая этим ее свободу. Это так, как будто человека посадить в тюрьму, Разве не так?

— Да, так.

— Разве собака понимает, кто виноват в ее несчастье и разве меняет свое отношение к хозяину?

— Думаю, что нет — отвечала Ядя.

— Теперь пойдем дальше. Собака привязанная и голодная не может сама себе раздобыть еду. И тогда приходит хозяин с миской еды. Собака счастлива. Так?

— Так.

— Напрашивается вопрос — разве собака понимает, что та самая рука, которая принесла еду, перед этим привязала ее к будке? Ну, скажи.

— Наверное, не понимает. Она благодарна хозяину за пищу, но не помнит, что этот хозяин лишил ее свободы таким жестоким способом. В результате она выказывает хозяину благодарность, зато зла на весь свет и с лаем бросается на любого прохожего.

— И таким образом получаем злую собаку и ее добродетеля — человека.

— Вывод из этого следует такой, что многие люди не понимают, кто их доброжелатель, а кто враг.

Мы с Ядей сходились и на том, что стоим выше тех девочек, которые красятся, разговаривают только о прозаических вещах, таких как наряды, мальчики и «шлифуют» тротуары ул. Сувальской. Надо сказать, что ул. Сувальская была местом прогулок всей подрастающей молодежи в Лиде. После обеда мальчики и девочки выходили на эту главную городскую улицу, чтобы заводить новые знакомства. Группками прохаживались несколько раз туда и обратно по улице, разглядывая представителей другого пола.

Уверенно утверждаю, что у Яди как и у меня не было никаких кукол, и она никогда не игралась с ними, даже в младенческие годы. Вещь поразительная, принимая во внимание, что у всех девочек в то время кукол имелось множество. И это не было связано с экономическими трудностями наших родителей. Куклу нетрудно было сделать из тряпочек, если очень хотелось поиграть для успокоения материнского инстинкта. Реальный факт, что не все женщины проявляют этот инстинкт, а если проявляют, то по-разному и в разной степени. Пушкин знал об этом, потому его

Татьяна и не играла в куклы даже в детстве.

Немало истин покоится на страницах научных работ, оставаясь неизвестными для всех. И не одна из них сотни лет ожидает авторитетного признания.

Возвращаясь к Яде, надо отметить существующую между нами разницу в соответствии с истиной, что не бывает двух одинаковых людей. Она никогда не была несмелой, отличалась особой интеллигентностью в разговоре, прекрасно говорила по-польски, но не проявляла интереса к науке. Эта последняя черта отразилась в ее небольших жизненных достижениях. Мы с сестрой даже поначалу спорили, стараясь найти ответ на вопрос — откуда у Яди взялся такой прекрасный литературный стиль в повседневной речи. Сестра вначале считала, что из-за обширного чтения. Но невозможно было поверить, что Ядя прочитала больше книг, чем мы и другие дети, которые не имели такого произношения. Мы пришли к убеждению, что это дано ей от природы, т.е. от рождения по наследству от отца, без заслуги с ее стороны. Способность, впрочем, погибшая, как и много других талантов, не использованных для решения больших задач и достижения значительных целей. Существует много профессий, для которых необходима плавность речи и литературная лексика. Если этого не дано, не поможет никакое трудолюбие и влюбленность в профессию. Человек должен правильно рассчитывать соответствие между своими желаниями и возможностями!

Пани Александра Головкина была приятельницей моей мамы, а позже, в равной степени и нашей. Мама говорила о ней, что таких порядочных и благородных людей теперь уже нет. Мама, как всегда была права. Нет более совершенного сочетания свойств ума и духа в одной личности. Скромная и одновременно свободная в контактах с людьми, необразованная, но смышленная и необыкновенно интеллигентная. Не следила за своим внешним видом, обычно не пользовалась косметикой, но внешне была очень мила, высокого роста и тоненькая. Всю жизнь тяжело работала, но не имела достатка. Зато всегда была готова помочь другим. Отличалась также еще одной прекрасной чертой —

верностью традициям родителей.

Ее привязанность к православию не ослабела за долгие 80 лет жизни. Она пронесла эту любовь в своем сердце, несмотря на религиозную нетерпимость окружающих ее людей на западе Польши, куда ее забросила судьба. Перед войной она работала на фабрике резиновой обуви «Ардадь», владельцем которой был еврей. В Лиду она приехала из Петербурга сиротой и самой старшей из трех детей. Я знала ее всю жизнь. Она была тем человеком, которого чем больше знаешь, тем больше любишь.

Помню, как мы втроем возвращались из церкви: мама, пани Шура (так мы звали ее между собой) и я. Они держали меня за руки. Я была маленькой, а ул. Сувальская длинной, поэтому мои руки, поднятые вверх быстро уставали, однако я не смела в этом признаться. Помню, как мы втроем ходили мыться к электростанции, где какое-то время работал мой отец. Пани Шура жила на Висьмонтах напротив католического кладбища. К ней мы шли по ул. Гражины. На перекрестке улиц Гражины и Гористой стоял дом Шумелевичей. Дом был деревянный, ухоженный, отгороженный от улицы красивым забором. Я никогда не видела владельца этого дома, но хорошо знала его по рассказам родителей. Когда пана Шумелевича спрашивали о его национальности, тот всегда отвечал, что он «тутэйшы» (здешний). Это был, по нашему мнению оригинальный, но достаточно полный ответ. Он был тутэйшы, издавна живущий в этом городе и его не интересовали национальности других жителей.

От дома Шумелевичей ул. Гражины (современная Энгельса) сворачивает направо и пересекает Лидейку во второй раз. Среди домов в конце улицы напротив кладбища стоял маленький домик тети Шуры, а еще дальше старый дом моей бабушки. Половину дома со стороны улицы занимала тетя Надя с мужем и тремя детьми, в крыле со стороны реки жили дядя Николай с женой и дочерью Марысей.

Идя на электростанцию в баню, мы с мамой заходили за тетей Шурой. Я запомнила висящую у нее на стене красивую картину, о которой моя мама говорила, что хотела бы иметь такую у себя. Называлась она «Первая ссора». На ней была изображена молодая

пара в одежде, какую носили перед первой мировой войной. Сразу было видно, что это влюбленные, которые страшно переживают первый конфликт между собой. Она мне тоже очень нравилась.

Мы все вместе шли узкой дорогой вдоль длинной стены кладбища с правой стороны и глубокими ямами с левой. Они остались, вероятно, после выбранного там когда-то гравия. На этом католическом кладбище возле часовни находилась могила моей прабабушки по линии отца. Она сохранилась на долгие годы, потому что памятник был из камня, а сама могила огорожена металлической оградой. На памятнике была видна фамилия — Елена Шимкевич.

Этой дорогой вдоль кладбища ежедневно ходил на работу к электростанции мой отец. Как-то я спросила, не боится ли он ходить один в темноте. Отец со смехом ответил, что не боится, потому что в темноте его никто не видит.

— И вдоль кладбища не боишься? — настаивала я.

— Только один раз увидел я какую-то фигуру в белом, сидящую на кладбищенской стене — шутил отец — но когда подошел поближе, оказалось, что это девушка в белом платье, а рядом с ней стоял солдат.

Там, где заканчивалась стена кладбища располагалось какое-то открытое пространство с ямами. А сразу же за ямами открывался удивительный и одновременно страшный пейзаж. Там тянулся ряд каких-то будок — уродцев. Сбитые из разного материала причем очень неряшливо, они казались только надстройкой над частью помещения, находящегося под землей. На меня они производили ужасающее впечатление. Удивительно, что о них никогда не говорили и никак не комментировали их существование. Они просто стояли и воспринимались как нечто само собой разумеющееся. Однажды сестра сказала, что в одной из этих будок живет ее школьная подруга.

Баня на электростанции, построенная для своих работников, представляла собой очень большую ванну. Настолько большую, что мы залезали в нее втроем и еще оставалось много места. Только мне казалось, что вода для купания была слишком горячей. Сидя по шею в воде пани Шура всегда затрагивала больную для

нее тому. Она жаловалась маме на своего брата, а точнее, на жену брата. Ее брат работал машинистом на железной дороге. Женившись, он принял католичество. По мнению пани Шуры ее брат был безвольным орудием в руках своей жены, которая неприязненно относилась к свояченице, т.е. тете Шуре. Она считала возможным показывать свое превосходство и пренебрежение над особой незамужней и более того небогатой. Эта женщина представляла собой распространенный тогда, да и теперь тоже взгляд, что бедность унижает, а образ жизни старой девы заслуживает пусть и скрытого, но пренебрежения.

Наверное, на заре своей истории люди составили ложное мнение о своих ближних, не понимая их психологии и в результате причиняя им зло. Веками шансы выйти замуж имели женщины прежде всего богатые, а среди бедных только особенно красивые. В предвоенной Лиде женщины имели возможность работать и тем самым были независимы от мужчин. Но все равно они оценивались не по достоинствам ума и души, а только по социальному положению мужа.

РАЗДЕЛ V

Я родилась в православной семье. Ежедневно глядя на замковые руины, я не знала, что они — древний памятник православия. Замок построил Гедимин — великий князь литовский. Его жены были православными княжнами, а сыновья, правившие Русью и Лидой, воспитывались в православной вере. В замке с самого начала была православная церковь, которая просуществовала до 1553 г. Я не знала также как глубоки корни православия на моей земле. Его становление происходило в раннем средневековье в период обострения отношений между греческим Востоком и латинским Западом и падением политического влияния Византии на Западе. 1054 год принес окончательное разделение столиц, претендующих на главенство в христианской церкви. Падение Константинополя в 1453 г. закрепило этот раздел. Только 7 декабря 1965 г. папа Павел VI и патриарх Атенагораз I отказались от взаимного отлучения от церкви и инициировали сближение.

Однако уже в детстве я знала самую главную разницу между православием и католицизмом.

I. Прежде всего, в православной литургии всех славянских народов употребляется старославянский язык. И это, по моему мнению, самое большое сокровище нашей церкви. Сокровище незаметное для многих приверженцев. Оно заключается в неповторимости, уникальности этого языка. Его главное достоинство в древности в возрасте, насчитывающем более 1000 лет, в том, что он славянский.

II. Следующая ценность — православная церковь автокефальная, полностью независимая от западного влияния. Главенство над ней константинопольского патриарха чисто номинальное.

III. Православие отрицает безбрачие низшего духовенства, признавая его только для епископов и монахов. Духовный пастырь, имеющий свою семью как и его парафиане, ближе к людям, лучше понимает их и знает их проблемы.

Так вот, родилась я в православной семье. Я не выбирала себе этого вероисповедания. Могла ведь родиться в нескольких десятках метров дальше в доме Ярки и разделить ужасную судьбу евреев: презрение со стороны христиан, а позже истребление немцами. Могла родиться в соседнем доме под № 13, где снимала квартиру семья полицейского. В 1941 году она была вывезена в Казахстан. Или например, появиться на свет за забором в доме пани Клышейко, в семье относительно богатой и чисто католической, без всяких примесей другой веры. Семья эта также в июне 1941 года была депортирована в Казахстан и в результате рассеялась по свету. Самый старший сын — Янек, избежавший депортации, погиб от руки другого поляка — его застрелили перед белым костелом. Люди считают, что коллективное убийство, которым является война это преступление оправдывает. Они присваивают себе право лишать жизни других людей и считают это справедливым.

Существовала еще одна языковая группа, кроме польской, еврейской и русской, к которой я могла бы принадлежать. Перед нашим домом со стороны улицы находилась площадка, которая в торговые дни по понедельникам плотно заполнялась деревенскими подводами. На торги съезжались крестьяне из окрестных деревень. Нашу площадку они использовали как

стоянку. Говорили они между собой исключительно по-белорусски. Это не был литературный белорусский язык. Мы определяли его как «простой» язык, который мог появиться только на пограничье польской и русской культур. Меня этот язык совсем не удивлял, я воспринимала его наравне с другими. В Росляках, откуда была родом моя мама, все говорили на таком же белорусском языке.

Три главных вероисповедания существовали в Лиде друг возле друга: православие, католицизм, иудаизм. Православие в предвоенной Лиде охватывало большое количество населения. Разные христианские конфессии вместо того, чтобы объединять людей, признающих одного бога, разделяли их, воспитывая в разных культурах, хуже того, часто они бывали источником взаимной неприязни. По-моему, разнородность культур, наоборот, должна становиться духовным богатством народа. О евреях моя мама высказывалась с уважением. Говорила, что у них дружные заботливые семьи. Пьяный еврей на улице — невозможное явление. Мы никогда не слышали, чтобы еврей бросил свою семью и детей. Работоспособность евреев была общеизвестна, также как и их скромный образ жизни. Мама объясняла это так: поляк заработает 1 злотый, а истратит 2, еврей наоборот, заработает 2, а истратит — 1. Евреи всегда очень религиозны и богобоязненны. Перед войной многочисленные лозунги призывали бойкотировать евреев и делать покупки только в польских магазинах и кооперативах. Воодушевленные патриотизмом, мы решили бойкотировать наших соседей. Несколько раз я даже ходила в кооперативный магазин в конце ул. Летной. Но со временем все вернулось на свои места. Яхка была под боком. Она отпускала товары в кредит. Мы ликвидировали задолженность один раз в месяц, первого числа. Евреи не боялись торгового риска. Если деньги вовремя не поступали, то серьезных конфликтов не возникало. Еврей тогда сам навещал квартиру должника и уважительно просил рассчитаться. Я видела таких кредиторов, с достоинством проходящих мимо нашего крыльца вглубь переулка. Я знала, что это означает. Евреи также принимали от покупателей возвращенный товар. Помню, мама

как-то купила материал на плащ в магазине на ул. Сувальской. Это был небольшой отрез, как раз хватало на плащ. Через некоторое время мама передумала. Она решила, что мы не можем позволить себе такую покупку. Владелец магазина принял материал обратно и вернул деньги. Это было перед самой войной. Помню продолжение этой истории. Уже после начала войны и установления советской власти этот еврей сказал маме, что тогда она поступила неправильно и нанесла убыток как продавцу, так и клиенту. У еврея можно было купить товар в любое время дня, даже после закрытия магазина. Большим огорчением для них были клиенты, приходившие в пятницу вечером, когда наступал шабаш. Будучи народом, строго выполнявшим правила и обеты своей веры, евреи в это время избегали какой-нибудь платной работы. С другой стороны они не могли себе позволить терять клиентуру. Проблему эту они решали полюбовно, чтобы и товар продать и канон не нарушить. Помню, я как-то вошла с заднего хода на квартиру Ямки в пятницу вечером. Меня послали за какой-то покупкой. Она завела меня в магазин через черный вход, попросила зажечь свет, взять товар с полки и самой сделать запись в долговой книге. Я под нашей фамилией записала товар и его цену. Ямка, разумеется тактично бросила взгляд на мою запись. Перед выходом из магазина я должна была выключить свет. Во время своих праздников Ямка приносила нам мацу, о которой ходили сплетни, что она замешана на крови христианских детей. Помимо воли я чувствовала какой-то испуг и даже отвращение к этому угощению.

Мы, дети, досаждали соседям-евреям на свой лад. Как-то я сама участвовала в походе через очень высокий забор во двор Ямки, чтобы с помощью длинной палки с гвоздями на конце вытаскивать яблоки из погреба через решетку окна. Яблоки лежали в открытых ящиках, очень большие и красивые, а хозяев не было дома. Нам удалось вытянуть пару яблок, но много больше было поколото гвоздем. Ребята выдумывали более увлекательные способы досаждать нашим соседям. Еврейский праздник умерших проходил, когда созревали дыни и подсолнухи. Из огромной дыни вырезали внутренность, выковыривали отверстия имитирующие

глаза, нос, губы и ставили внутрь свечку. Вечером в темноте подкрадывались к окнам еврейских домов и прикладывали эти светящиеся головы к стеклу, чтобы испугать жильцов. Помню одна старая женщина закричала от страха, а потом началась молчаливая погоня за удирающими хулиганами. Я буквально ощущала в воздухе ярость евреев, не на шутку испугалась и спряталась под скамейкой нашего крыльца. Однако все обошлось. Мы удивлялись педагогическому такту родителей-евреев. Однажды через парадные двери к нам в дом вошли двое ребятшек Ярки: два маленьких мальчика, один меньше другого. Они пытались изложить причину визита к моей маме и выглядели довольно беспомощно. Одновременно в заднюю дверь постучалась их мать и незаметно для сыновей объяснила, за чем она их прислала. Это была простая женщина, ничего больше не могу сказать о ней, однако удивляюсь ее педагогическому таланту. Она оказалась достойной дочерью своего талантливой народа, который не устает удивлять мир.

Наши евреи одевались точно также как и мы. Однако еврея всегда можно было отличить по чертам лица и манере разговора. В центре Лиды возле синагоги можно было встретить типичных ортодоксальных евреев — в длинных халатах, с пейсами, в ермолках.

Мои родители были православными. Православие отступало под напором католицизма. Например, из семьи мамы, в которой было шестеро детей, только она одна осталась продолжательницей ортодоксального православия и то, рискну утверждать, случайно.

Старший ее брат Андрей выехал в Америку еще перед первой мировой войной в поисках заработка и там женился на женщине греко-католического вероисповедания. Вторая жена мамино брата Владимира была католичкой из Ивья. Четыре его дочери были крещены в церкви, но позже вышли замуж за католиков и отошли от православия. Сейчас припоминаю, что когда они были детьми я никогда не видела их в церкви. Сестра мамы Вера венчалась в церкви с протестантом, приехавшим к нам из Эстонии. Их дочь Людмила была крещена в церкви, потом вышла замуж за православного и только поэтому осталась в нашей вере.

Муж тети Веры был представительным высоким мужчиной. Особенно внушительно он смотрелся в форме летчика 5-го полка. Когда они появлялись в маленькой церкви, то обращали на себя всеобщее внимание. Знакомые льстили тете, что они с мужем — украшение нашей церкви.

Тетя Мария венчалась в церкви с католиком. Она до самой смерти была очень сильно духовно связана с православием и муж уважал ее убеждения. Это несомненно свидетельствовало о его уме и силе чувства к ней. Долго тянулись споры, где крестить их двоих дочерей и несколько лет они оставались некрещеными. Наконец, беспокойство за их будущее в католической Польше победило и они стали католиками.

У младшей маминой сестры Елены история замужества началась очень романтично. Без памяти влюбленный в нее молодой мужчина — католик отказался венчаться в церкви, где заключали смешанные браки. Тетя сменила вероисповедание и обвенчалась в костеле, позднее там же крестила свою дочку Ольжуню-Елизавету. Понимаю ее положение — это был единственный шанс уйти из старого крытого соломой дома, где на кухне вместо деревянного пола был ток. Меня только не убедил ее главный аргумент в пользу католического вероисповедания:

— Католики во время службы молятся с молитвенниками, это так романтично!

На венчании тети Елены ее сестры не присутствовали. Притеснение православия католическим костелом принимало разные формы и вызывало неприятные эмоции. Прежде всего костел не допускал так называемых смешанных браков. Иноверцы должны были принимать католичество и тем самым пополняли его ряды. Католический костел в противоположность православной церкви не разрешал разводы. Отсюда произошел неожиданный переход в другую веру таких выдающихся людей как Жеромский и Пилсудский, которые женились вторично. Подобные случаи бывали и с невыдающимися людьми. Лица православного вероисповедания не имели права крестить детей в католическом костеле. На уроках катехизиса детей учили, что посещение церкви является грехом. При этом возникали забавные (или грустные)

ситуации. Однажды тетя Мария с мужем пошли в церковь. С ними была их младшая дочка. Девочка, опасаясь греха, отказалась войти внутрь храма вместе с родителями. Не помогли ни просьбы, ни уговоры, она осталась за порогом, пока родители не вышли. Влияние костела оказалось сильнее любви к родителям. Я слышала о случае, когда дочь не пошла на панихиду в церковь, где на катафалке стоял гроб ее родного отца. Боялась греха или публичного мнения? Эта женщина поменяла вероисповедание только выйдя замуж за католика — костельного органиста. В Лиде был ксендз, который рассказывал детям в школе на уроках катехизиса об ужасах, происходящих с православными детьми. Поскольку православные крестятся тремя пальцами и знак креста кладут сначала на правое плечо, а потом на левое, то в наказание за такое отступничество у православных людей будто бы заводятся черви на плечах, там, где их касались тремя пальцами.

Все личные дела и документы в учреждениях и школах имели графу «вероисповедание». Верующие трех конфессий владели храмами, в которых обращались каждый к своему богу. В Лиде в центре города стояла синагога, которая сгорела во время большого пожара в 41-м году (немцы потом разобрали ее руины), еще в городе было два костела на Сувальской улице и третий в предместье Слобода, маленькая православная церковь на кладбище. В эту церковь из нашего дома нужно было идти через всю Сувальскую улицу. На кладбище входили через большие деревянные ворота с резьбой, голубого цвета. От ворот, которые во время службы были открытыми, широкая аллея среди высоких кладбищенских деревьев вела к самому храму. Вдоль главной аллеи стояли скамейки, опираясь о старые металлические могильные ограды. Древние серые памятники выглядели величественно. Я не боялась этих могил. Наоборот любила гулять по аллеям среди них.

Сразу за церковью находились могилы родителей моей мамы. Мама как-то привела нас сюда и объяснила кто лежит под этим огромным деревянным крестом. Позднее мы всегда, когда приходили в церковь, шли к этим скромным могилам.

Церковь была слишком мала, чтобы в воскресенье вместить всех

верующих. Внутри было тесно, все стояли прижавшись друг к другу, у каждого было свое обычное место. Служба тянулась до бесконечности, поэтому некоторые специально приходили позже и пробирались вперед. Наоборот, те кто стоял впереди, жаждали глотнуть свежего воздуха. Так что перетасовка и толкучка продолжались непрерывно. Рекордсменкой по опозданию на службу была пани Коркуть, крестная мать моего брата, соседка мамы из Росляков. Часто мы встречали ее уже на обратной дороге из церкви. Увидев нас, она смущалась, но старалась не показывать этого и тут же поворачивала назад. Мама шутливо замечала:

— Пани Коркуть опять идет гасить свечи. Но даже свечи гасить было уже поздно.

Пани Коркуть и ее муж были единственной семейной парой, которая неизменно поддерживала дружеские отношения с моими родителями. Пан Коркуть занимал неплохо оплачиваемую должность на почте. Он сначала работал в старом здании на Сувальской улице, а позже в новом красивом здании почты на улице Мицкевича. Его ни разу не сокращали и семейство Коркутей было лучше чем мы обеспечено материально. Пан Коркуть некоторое время руководил хором на клиросе в нашей церкви, у него был хороший слух, хотя и слабый голос. Его жена, наоборот, обладала сильным красивым голосом, но никогда не пела в церкви.

Мама как-то шутливо спросила, как нам нравится пан Коркуть, потому что в свое время он был претендентом на мамину руку. Естественно, я предпочла моего татуса!

У Коркутей было трое детей. Лидка с малых лет проявила способность к сольным танцам, наподобие Айседоры Дункан. Она охотно выступала на школьной сцене, а я в глубине души завидовала ей. Насколько мне известно, она не стала танцовщицей, или балериной. Я запомнила один забавный эпизод, произошедший во время одного из визитов к нам пани Коркуть. Случилось так, что мой брат попросил у мамы немного денег. Его собственная копилка неизменно оставалась пустой с момента получения ее в подарок от родителей. В моей же, наоборот, всегда позванивали монеты. Мама стойко отражала его атаки. Все это

происходило в присутствии гостя, сидевшей на парадном диванчике. Вдруг она потянулась рукой к сумке. Брат заметил это и сразу же сконфузился:

— Нет, нет, спасибо, пани — стал он бурно протестовать. — Не надо мне ничего давать!

К общему удивлению пани Коркуть, придерживая руками сумку, ответила с полнейшим спокойствием:

— Но я ничего не собираюсь тебе давать.

Таким недвусмысленным образом она показала ошибочность представлений брата о щедрости своей крестной матери.

Наша церковь была деревянной, покрашенной в голубой цвет и с двумя прелестными куполами-луковицами. Из-за ее небольших размеров хор располагался с правой стороны от царских ворот. Как известно, служба в церкви проходит исключительно в сопровождении хора. У хористов был отдельный вход на клирос через узкую дверь. Эта дверь, клирос и хористы были для меня чем-то необычным и недостижимым. Я чувствовала их какую-то святость. Хор пел на четыре голоса. Певчих было немного, но все они имели сильные голоса, каждого хватало на несколько слабых. Во всяком случае такое впечатление создавалось в небольшом помещении. Я безмерно завидовала голосам хористов и их счастьем петь в храме. В то время это была моя самая большая мечта. Желание было тем сильнее, что не могло осуществиться. Диапазон моего голоса едва ли достигал децима и у меня отсутствовало врожденное чувство гармонии, которое позволяло бы подстраиваться к первому голосу. Есть счастливики от природы одаренные прекрасным голосом, или отличным музыкальным слухом, или чувством гармонии. Ничего этого я не имела. Однако очень хотелось овладеть всем этим.

Я обычно стояла возле клироса, вслушиваясь в отдельные голоса и испытывала истинное наслаждение. В торжественные минуты, когда стоя на коленях, смотрела на свет в высоком окне купола, а мелодия поднималась все выше и выше, я чувствовала, что моя душа уносится вместе с ней. Сильные голоса певчих достигали каждого уголка свода, кружились там и волшебным дождем

осыпались на головы стоящих на коленях людей — и на мою тоже. Не раз в такие минуты я теряла чувство времени и места. Как-то помню, долгая служба пролетела совсем незаметно. Я была удивлена, как могло так получиться. Я знала каждого хориста в лицо. Прежде всего регента хора, или псаломщика и его сестру, у которой было очень сильное сопрано. Видела, как они прохаживались по аллеям кладбища во время проповеди. Он слегка прихрамывал. Я запомнила его белую рубашку со стоячим вышитым воротничком. Альт был у приятной женщины среднего возраста по фамилии Лебедева. Ее свадьба с одним инженером возбудила всеобщее любопытство. Я не была среди гостей, но очевидцы много рассказывали об этом событии. Говорили, что она прекрасно выглядела и несколько раз громко смеялась во время церемонии, что было не принято и комментировалось по-разному. Красивый тенор носил фамилию Лохач, а прекрасный бас — Заткалик. Этот последний славился сольной партией в Великий четверг. Тогда прихожане стояли с зажженными свечами в руках и слушали чтение 12 евангелий. По мере чтения увеличивалось количество ударов в колокол над нашими головами. Я подсознательно считала эти удары. После восьмого евангелия за царские ворота входил бас — Заткали к и пел соло — песню «Разбойники». Как он прекрасно пел! Я была совершенно очарована его голосом, а он об этом ничего не знал.

После чтения 12-го евангелия мы забирали «святой» огонь домой. В темноте светились огоньки свечей в руках у прихожан. Сначала они двигались широким потоком, потом растекались в разные стороны. Приносили этот огонек домой и на дверном косяке оставляли черный знак креста. Все верующие таким способом становились объединены святым огнем, который оберегал людей от всяческих несчастий.

Церковное пение так сильно действовало на мое воображение, что я стала ходить на все богослужения, в том числе и в субботу вечером. Вечерние службы отличались тем, что шли при небольшом количестве народа. Это имело свои преимущества. Во время войны поход на эти вечерние службы стал довольно рискованным предприятием. Дома на Сувальской улице сгорели,

никто уже не «полировал» мостовую, улица была пустынной. В церковном хоре произошли существенные изменения. Пропало старшее поколение певчих. Появился новый регент-псаломщик. У него был характерный голос — звонкий тенор, каскадом рассыпающийся в воздухе. Он мне понравился. Я уже было начала переживать за судьбу хора, как неожиданно на клиросе появились двое новеньких. Это были мои ровесницы — новая смена, как оказалось, наскоро обученные петь. Не знаю, кто их отбирал, но дело свое этот человек знал хорошо. Что это были за голоса! Я слышала только эти два — сопрано и альт. Они просто заполняли собой все пространство церквушки, взмывали вверх, как будто им не хватало места и забирали всю мою душу, без остатка. Теперь они были моими идеалами. Я удивлялась и завидовала им. Пробовала даже поближе с ними познакомиться, но ничего из этого не вышло. Не раз потом думала — где они? Чем занимаются? Как бы с ними встретиться? Они ушли вместе с давней Лидой, а может и сейчас живут где-нибудь в ней.

Когда мы были маленькими в церковь с нами ходила мама. Она одевала нас одинаково — в праздничные платья, а сама с трудом влезала в корсет, который мы помогали ей шнуровать. Это были торжественные минуты. Мама показала нам могилы своих родителей. Зато ни отец, и никто из его родных с нами в церковь не ходил. Поэтому получилось так, что никто не показал нам могилу моего дедушки по отцу. А я чувствовала удивительную симпатию к этому неизвестному мне дедушке. Говорили, что он какое-то время работал волостным писарем в Олькениках. Я пыталась разыскать его могилу, когда уже стала взрослой, спустя многие годы. И случилась удивительная вещь — помог случай. Дядя Николай прислал нам из Лиды (единственный тогда живший еще брат отца) фотографии обновленных могил своих родителей, расположенных напротив входа в церковь. Надпись на памятнике была достаточно четкой и я смогла прочитать на ней имя, казалось, уже навсегда утраченного дедушки — Теофила. Его могила все время была рядом, а я и не знала об этом. Видимо, могла спросить отца о наших корнях, когда он был еще жив, но тогда меня не интересовали подобные вещи. Хватало проблем с

самой собой. Процесс познания жизни и людей проходил болезненно. Кроме того бедные люди не имеют записанной родословной. Их память не простирается дальше родителей. Тетя Нюта, спрошенная как-то о наших предках, ответила: — Были когда-то два человека с нашей фамилией, наши родственники. Имели дом в Вильно. И на этом все.

Тетя Нюта ходила в церковь только по праздникам, проходившим один раз в году. Помню, как в морозный зимний вечер дядя Саша отвез нас в церковь на телеге. Коня он прикрыл попоной, чтобы тот не очень замерз, ожидая нас. Зимы тогда были морозные. Холоднее всего становилось на «Крещение», т.е. 6 января по старому Юлианскому календарю, или так называемому старому стилю. В тот день из церкви в сторону Лидейки отправлялся крестный ход. Толпа двигалась медленно, с хоругвями над головами. Батюшка Богаткевич шел под балдахин, окруженный верующими. Высоко над головой он держал обеими руками крест. Помню его красные от мороза ладони и удивление — как он мог выдерживать такой мороз. Дорога была длинной. Из церкви шли через всю Сувальскую улицу, затем по Замковой в нашу сторону мимо замковых руин выходили на ул. Гражины к алтарю, построенному перед вторым мостом над рекой. Мама говорила, что батюшка предохраняет руки от мороза, натирая их спиртом. Но я все равно удивлялась и очень его жалела. Позже он приходил к нам на коляды. В нашем салоне — самой большой комнате — в углу висела икона в серебристой металлической раме. Тут же у входа над диваном располагалась небольшая картина, на которой была изображена молодая женщина, полностью обнаженная, лежащая у ручья, поодаль молодой мужчина, тоже обнаженный, играл на свирели. Эти фигуры изображали Адама и Еву. Батюшка, приходя к нам, рекомендовал снять эту картину. Но так как он не слишком настаивал, картина провисела на своем месте до великого пожара в войну.

Во время коляд я услышала в свой адрес похвалу из уст батюшки. Он сказал маме, что ее младшая дочь очень набожна. Эта похвала была для меня неожиданной. Я действительно ходила

на все богослужения, но не предполагала, что батюшка замечает всех своих прихожан. Позже он еще раз показал, что интересуется жизнью своей паствы. Уже во время, войны сразу после коляд к нам прибежала тетя Нюта, сильно возбужденная. Говорила она очень горячо, чего я никогда раньше за ней не замечала:

— Представь себе, батюшка сватал меня за какого-то незнакомого мужчину! Но зачем мне муж? Что я буду с ним делать?

Тетино удивление и беспомощность выглядели очень искренне и убедительно. Я уже вспоминала, что мой отец не ходил в церковь, чего я в то время как-то не замечала. Однако от него я слышала, что существует какая-то сверхъестественная сила и что никаких духов не бывает. Отец также имел привычку громко молиться перед сном. Мы спали в одной комнате, поэтому я слушала эту короткую молитву много раз и она навсегда осталась в моей памяти. И чтобы не терять духовного контакта с отцом, решила позже, что всегда буду торжественно произносить эти слова перед отходом ко сну. Ежедневно вечером я становилась на колени и несколько минут сосредотачивалась на этих словах: «В руке Твоей, Господи! Передаю дух мой. Ты мя благослови, ты мя спаси, ты мя помилуй! И живот вечный даруй мне, аминь!» Долгое время в своей вечерней молитве я молилась за горбатых людей. Перед войной это уродство было довольно распространенным и не всегда встречало снисходительность со стороны других людей. По крайней мере мне так казалось. Я просила Бога защитить их.

Жоржик был первым поклонником моей сестры. Он провожал ее из церкви после воскресной службы. Помню как они познакомились. Был воскресный полдень. В церкви только что окончилась обедня или сута (поздняя обедня). Батюшка стоял возле царских ворот и подавал верующим крест для поцелуя. Сильно верующие старались также поцеловать его руку, хор еще пел, ожидая пока люди разойдутся. Сестра протиснулась ко мне и потянула за собой. После целования креста мы быстро выбрались наружу. Выходя, я увидела Жоржика, стоящего у выхода, перед

этим на него обратила внимание сестра. Мы одними из первых покинули храм. Солнечный свет просачивался через кроны высоких деревьев и яркими пятнами танцевал по аллее. Мы задержались у открытых ворот. Помню, одеты были в одинаковые перешитые мамины платья с бело-красными цветами. Мы обе любили красный цвет, также как желтый и коричневый. Эти теплые цвета гармонировали с нашими темными волосами. На головах у нас были белые панамки — такие шляпки с большими полями, сделанные мамой из льняных ниток. Они тогда считались модными. Я удивилась, когда увидела, что сестра держит в руках мамины перчатки. Ажурные из бежевой ткани они были длинными и расширялись к локтю. Мы стояли боком к церкви, поэтому хорошо видели выходящих и огибающих нас людей. Вдруг я заметила Жоржика. Это был видный парень одного возраста с сестрой, среднего роста, плотный, ладно скроенный, шел он один и держался с большим достоинством. Вдруг одна из перчаток выпала из руки сестры и упала на землю. Она, занятая разговором со мной, не заметила этого. Я уже собиралась поднять перчатку, но меня опередил Жоржик. Он протянул ее сестре и сказал:

— Подружка уронила перчатку.

Жоржик учился в той же государственной гимназии им. Короля Ходкевича, что и сестра. Она обрадовалась, что избежала такой потери. Как бы ей потом объясняться с мамой? Жоржик совсем не имел желания оставить наше общество, а как раз наоборот.

После этого мы возвращались из церкви всегда втроем, это значит, они со мной, потому что сестра никогда не отправляла меня домой одну. Каждый раз перед этой прогулкой она была заметно возбуждена и заранее указывала мне, с какой стороны я должна идти. Я не могла понять, почему должна идти обязательно справа от нее. Очевидно потому, чтобы Жоржик шел с левой. А почему бы ему не идти между нами? Жоржик жил на Росляках в родной деревне моей мамы. Росляки находились за рекой. С Сувальской улицы ему нужно было сворачивать на улицу Лидскую, а потом долго идти не то через мост, не то через кладку над рекой и лугом. С этим мостом у меня ассоциировалась

поговорка: «Нужна, как дырка в мосту». Я всегда представляла существование такой ненужной дырки именно в этом мосту. Жоржик, провожая сестру, не сворачивал на Лидскую, а шел с нами через всю Сувальскую. После проводов он часами задерживался на нашем крыльце с сестрой. Она никогда не приглашала его в дом.

РАЗДЕЛ VI

Что такое музыка — не знаю.

Может просто небо с нотами вместо звезд?

Может мост заколдованный по которому

Волишебные звуки летят до небес.

Как сказал однажды мудрец, ничего вне музыки нет

Из нее одной соткан мир весь и даже небесный свет.

Ежи Керн.

С детских лет я была очарована музыкой, созвучиями, пением, хотя в семье не было никаких музыкальных или вокальных традиций, не было ни одного инструмента, даже мандолины. Видимо, я родилась с закодированной любовью к музыке и потребностью заниматься ею. Я не выбирала себе эту любовь — она пришла помимо моей воли. Ни воспитание ни окружающая среда не способствовали проявлению моих музыкальных способностей и потребностей. В моем случае нельзя говорить о решающей роли воспитания или влияния окружающей обстановки на формирование интересов ребенка. Моя внутренняя духовность и генетическая программа открывались постепенно, вслепую и часто болезненно для меня.

Также и наше тело. Ведь мы не знаем, что скрываем в себе. Оно является для нас тайной и вообще наше ли оно? Если оно навязано нам при рождении, то можно ли говорить о вольной воле и свободном выборе? Отсюда становится понятной мысль Уильяма Шекспира, что человек приходит в мир только для того, чтобы на его сцене сыграть предназначенную ему роль.

Однажды в летнее послеобеденное время я подходила к дому со стороны реки. Вдруг в разогретом солнцем воздухе послышались удивительно приятные звуки. Никогда до этого я не слышала такого удивительного звучания. Как замороженная я пошла в том направлении, откуда неслись эти звуки, пока они не привели меня к нашему крыльцу. Там сидели соседи, а между ними незнакомая

девочка с мандолиной и играла, перебирая струны костяной пластинкой. Я остановилась, с удивлением глядя на инструмент. Левочка закончила играть и, увидев мою заинтересованность, сказала:

— Хочешь поиграть? На, возьми мандолину.

Взяв в руки инструмент, я беспомощно держала его в руках. С надеждой в голосе спросила:

— А ты умеешь ездить на велосипеде? Нет? Могу тебя научить, а ты покажешь мне как играть на мандолине.

К сожалению из этого соглашения ничего не вышло.

Некоторое время спустя я решила собирать деньги на покупку мандолины, разговаривала об этом с отцом, но собирать было не из чего. Никто из детей не получал никаких «карманных» денег. Оставалось два варианта — одолжить мандолину у тети Веры, или у пани Клышейко. Я начала с тети. Тетя отправила меня к своему мужу дяде Герберту, так как на мандолине играл он. Дядя Герберт в свою очередь отправил меня к тете получить ее согласие. Ощувив возникшие трудности, я обратилась с просьбой к пани Клышейко и сразу же получила инструмент.

Кто же научил меня играть на мандолине? Вроде отец показал как настроить инструмент. Я быстро освоила технику игры и вместе с несколькими подружками стала бегать из двора во двор, выступая с бесплатными концертами. Во время одного из таких выступлений кто-то неосторожно задел локтем инструмент и оторвал гриф. Из затруднительного положения меня как всегда выручил отец. Он сумел приклеить гриф так умело, что когда Чесик Клышейко потребовал свой инструмент обратно, то ничего не заметил. Мне было жалко отдавать ему мандолину, хотя из-за своей способности к музыке он мне еще больше нравился.

С некоторых пор меня стал преследовать образ пианино. Впервые этот инструмент я увидела совершенно случайно. Мы с мамой пошли в какую-то зажиточную еврейскую квартиру, кажется для оплаты кредита. Через открытую дверь в гостиной я увидела пианино. Замерла от удивления и восхищения и в тот же миг поняла — это моя мечта! Закрываю глаза и вижу как оно стоит в комнате возле стены под ярким электрическим светом.

Позднее в школе № 5 возле замка я видела как девочки учились игре на пианино у пани Ласковской. Я была удивлена огромным количеством белых и черных клавиш и не понимала, как их можно различить. Одновременно считала совершенно нормальным, что из-за отсутствия денег у отца я не могла стать одной из учениц пани Ласковской.

Уже перед войной на двери Торговой гимназии монахов-пиаров я прочитала объявление: «Учительница музыки дает уроки игры на пианино за десять злотых в месяц». Эта сумма мне показалась такой огромной, что я даже не стала рассказывать об этом объявлении родителям. Отец в то время как поденный рабочий на железнодорожной электростанции зарабатывал около 120 злотых в месяц, из них на обучение троих детей в средних школах родители платили 40.

Влечение к пианино со временем усиливалось. Оно достигло апогея однажды перед закатом, когда я оказалась на берегу Лидейкн в состоянии полного безразличия ко всему окружающему. В самозабвении бегала в гору и назад к реке, не ощущая травы под ногами, не слыша карканья ворон над ольшанником, не видя солнца, уходящего за стены замка. Из неизвестных источников моей души рвалась наружу великая страсть — учиться играть на пианино и вообще учиться. Я слышала какой-то неуловимый призыв, лишаящий покоя и равновесия духа. Какая-то неизвестная печаль шла ко мне от замковых руин через луга, куда-то звала. Казалось, нужно только вырваться из окружающей меня духовной пустоты, которая сжигала неудовлетворенными позывами страсти к артистическому признанию, познанию тайн неизведанного мира, который лежал далеко от Лиды и манил своей недостижимостью. Во мне жила извечная тоска и беспокойство души. Я совершенно не знала проблем других людей, не понимала зависимости между мужчиной и женщиной. Не подозревала об опасностях, подстерегающих молодую девочку. Не знала трагедий людских судеб. Подсознательно искала на все ответы в науке, которая представлялась мне панацеей от моих духовных переживаний. Я хотела учиться дальше... Не знала в то время, что лучшим учителем является не школа, а только

жизненный опыт. Но в тот вечерний час над рекой на первое место выступила мечта об игре на пианино...

До войны ул. Мостовская (ныне Чернышевского) заканчивалась домом Редько. Ганек Редько учился в той же школе № 5, что и я и в том же классе. Он был хорошим товарищем. К сожалению, после окончания учебы в школе я с ним больше никогда не встречалась. За домом Редько по обоим сторонам дороги расстилались поля, а далеко впереди виднелся отдельно стоящий на отшибе дом Вяжелей, закрытый высокими деревьями. Часть этих полей принадлежала моей бабушке и обрабатывалась дядей Сашей. Поля с левой стороны тянулись вдоль ул. Летной, а с правой плавно опускались к мокрым лугам и реке Лидейке. Текла она сюда от нас из Заречья, огибая район Висьмонты, в обществе верных ольх.

Ольхи — самые близкие моему сердцу деревья, хотя их нельзя назвать красивыми. Красотой их превосходит красная рябина, прекрасная белоствольная береза и плакучая ива. Черемуха, обычно спрятанная среди других деревьев выходит на первый план весной, когда она расцветает белым пушистым цветом и манит пьянящим запахом. Ольхи же не имеют ни красных ягод рябины, ни белых цветов черемухи, ни живописной формы берез или ивы. Росли они исключительно над рекой — громадные, темные, беспорядочной массой. И все же красивые. Может быть потому, что всегда были рядом в повседневной жизни, изо дня в день.

С ольхами в тесном симбиозе находились вороны. Они жили очень близко к нам людям, но вели свою особую жизнь, высоко над землей, на подвижных верхушках самых высоких ольх. Их гнезда, отчетливо видимые на фоне неба, создавали целые поселения. Вороны казались мне безобразными, безобразнее воробьев, однако их шумные колонии возбуждали интерес. Они остались в моей памяти неразрывно связанные с лугом, рекой, Заречьем и вообще с Лидой. Может быть поэтому я всегда любила прекрасную балладу В. Гете «Король ольх».

Я часто приходила на поле собирать листья и картофельную ботву на корм свиньям. Однажды из ближайшего дома вышла и подошла ко мне девочка — стройная блондинка с красивыми

локонами волос, маленькая и худенькая. Тонкость ее талии произвела на меня такое впечатление, что наш разговор начался вокруг деталей ее фигуры. Мы согласились, что узкая талия — результат мелкого строения костей, из-за этого фигура становится стройной и диета здесь не причем. Затем разговор перешел на более абстрактные темы. Оказалось, девочку зовут Лида Петрова, она моя ровесница и тоже интересуется музыкой. Более того у нее дома есть большой рояль! Она пригласила меня к себе домой и на пожелтевших от времени клавишах сыграла какую-то очень простенькую мелодию — одной рукой, но в терциях. Эти звуки, извлеченные из расстроенного рояля, при открытых на широкие поля окнах, показались мне особенно прекрасными — как фигура девочки Лиды. С того времени началась наша дружба, основанная на общих идеалах, что мы объясняли как родство душ.

Несколько лет спустя моя учительница музыки Эмма Альтберг увидела Лиду и спросила с одобрением в голосе:

— Кто эта девочка с высоким лбом, свидетельствующим о незаурядной интеллигентности?

Я честно ответила, что нас объединяет любовь к музыке, а также общность духовных потребностей, что мы с ней «ходим одинаковыми дорогами жизни». Запомнилось удивленное выражение на лице пани Альтберг, как будто она не ожидала услышать из моих уст столь возвышенные слова.

К сожалению, несмотря на то, что мы были очень дружны «наши жизненные дороги» вскоре навсегда разошлись. После нашего отъезда в Польшу, Лида уехала на север и не ответила ни на одном из писем. Упорное нежелание Лиды отвечать на мои письма прервало наши отношения.

С Лидой Петровой связано воспоминание о необыкновенной книге под названием «Секреты руки и головы», которая произвела на меня в свое время огромное впечатление. Лида дала мне ее почитать незадолго перед нашим отъездом в Польшу с предупреждением об обязательном возврате, потому что она достала эту книгу у кого-то другого. Что это был за прекрасный источник указаний, как определять людские судьбы и дарования!

На страницах книги были представлены якобы аутентичные рисунки капиллярных линий известных людей. Автор по этим линиям определял их судьбы способом, как мне тогда казалось, очень правдоподобным! По мере чтения разделов, касающихся тайн руки, росла моя заинтересованность и огромное желание самой иметь такую же книгу. Я хотела тщательно изучить и усвоить это таинственное искусство. Детально проследила свои линии, а позднее линии рук моих близких, пробуя прочесть по ним их будущее. Мои линии были обычные типичные, ясно вырисованные, линия счастья пожалуй была коротковатой. Сейчас годы спустя вижу в них подтверждение хода своей вообще-то спокойной жизни.

Много лет спустя я все еще жалела, что так быстро вернула эту книгу, не успев как следует ее изучить. Думаю, что моя добросовестность в этом случае оказалась лишней. Чувство это усилилось, когда, встретив Лидию, спросила о дальнейшей судьбе этой книги. Каково же было мое разочарование, когда она безразлично сказала:

— Пропала, украл какой-то солдат.

Сила воздействия на нас книг очень разная. О большинстве мы забываем тут же после их прочтения. Только некоторое никак не желают исчезать из нашей памяти!

РАЗДЕЛ VII

«Каков в колыбельку, таков и в могилку»

«Хорошего корчма не испортит, плохого костел не исправит»

Но «Капля по капле камень точит».

Считаю все эти поговорки одинаково верными и соответствующими жизненной правде. Большинство родителей не подготовлены к систематическому и терпеливому формированию личности своих детей. Лишь немногие из них имеют желание, время и прежде всего необходимое умение для этого. Функцию воспитания обычно выполняет церковь и школа. Хорошо, когда один из родителей увидит в своем ребенке самого себя, тогда воспитание проходит успешно. Что, однако, происходит, когда ребенок смотрит на мир иначе чем родители, имеет другие духовные потребности и по другому реагирует на разные обстоятельства? Дети из нашего окружения росли без особого

присмотра, предоставленные самим себе. К счастью (или к несчастью) жизнь доказала, что генетическая предопределенность важнее воспитания. Каждый человек берет из окружающей среды то, что ему близко. В каждом человеке заложено как бы врожденное жизненное притяжение. Из множества мнений и примеров, встречаемых в своем случайном окружении, человек выбирает то, что ему соответствует.

Приобретенные в детстве идеалы и истины через некоторое время приходят в негодность и отмирают, если не попадают на благодатную почву генетического наследия. Зная это, можно наверняка предсказать будущее поведение человека, который в детстве любит беспорядок. Несмотря на воспитание под руководством педанта он, когда вырастет, останется неаккуратным! Можно быть уверенным, что врожденное чувство справедливости и этики со временем победит плохие влияния и навыки. Я, например, будучи ребенком оказалась под влиянием старшей девочки с более сильной индивидуальностью, она учила меня выдергивать с корнем цветы перед домами чужих людей. Спустя долгие годы я внутренне стыдилась, что тогда послушалась ее.

Вообще, за редким исключением, родители не подготовлены к воспитанию собственных детей, которых они так жаждут. Очевидно, что кормление и одевание ребенка не является воспитанием, так же как и многочисленные одергивания и запреты.

Как-то я сказала отцу: «Папа меня растит, но не воспитывает». Он обиделся, потому что меньше всего заслужил столь горькое обвинение. Он был для нас самым добрым на свете человеком и являл собой пример порядочной и уважаемой личности. Но мне подсознательно мечталось о таком контакте с отцом, чтобы он проводил со мной каждую свободную минуту и не только разговаривал или советовал, мне хотелось, чтобы он доходил до моей души и формировал ее.

Мы с сестрой как послушные и примерные девочки не создавали проблем родителям и поэтому нам уделяли минимум времени. Зато наш брат был сушим бесенком и главной проблемой семьи. В

кухне на стене всегда висел кожаный ремень в полной готовности к воспитательной работе. Поводов для воспитательных мероприятий с помощью ремня была тысяча: прежде всего жалобы учителей на плохое поведение брата во время уроков и умение досаждать педагогам. Неудовлетворительные оценки в классном журнале напротив его фамилии никогда не исчезали. Но к общему удивлению он никогда не оставался на второй год. После возвращения из школы брат не учил уроки как мы. Он считал, что многие предметы, как например, история или география совсем не требуют домашней подготовки. Достаточно присутствия на уроках. Что касается математики, то он тоже по моему не чувствовал нужды ни в чьей помощи. Вспоминаю отца, сидящего около брата в нашей маленькой комнате, где мы готовили уроки и терпеливо объясняющего ему задачу по математике:

— Поезд выходит со станции А на станцию Б со скоростью... После, как ему казалось, исчерпывающих объяснений, отец один раз закрыл главный вход на ключ, чтобы брат не убежал. Задний вход охранялся родителями. Какими же наивными бывают отцы! Некоторое время спустя я увидела папу, бегущего с ремнем в руке к дому пани Клышейко, где он думал найти беглеца, который попросту удрал через окно, отложив решение задачи на более позднее время.

Школьные свидетельства брата об окончании учебного года никогда не имели неудовлетворительных оценок, но также в них никогда не было оценки за поведение выше, чем «хорошо». Это был серьезный проступок. Мой умный брат понимал это и однажды с триумфом принес домой свидетельство и предъявил его родителям. Сверху возле оценки «хорошо» по поведению, выписанной аккуратным почерком классного руководителя стояло еще одно косо написанное слово «очень». Естественно, подделка была разоблачена. На середину комнаты вынесли скамейку, положили на нее брата животом вниз и сняли штаны. К нашему удивлению он не сопротивлялся, словно понимая всю глубину своего проступка. Мама держала его за плечи, а отец сидел на дергающихся ногах и равномерно охаживал ремнем по ягодицам.

Такие генеральные экзекуции проводились редко. Обычно мама действовала не применяя ремня, она обрушивалась на него с упреками и замечаниями, правда, без особого эффекта.

Мой брат был неисправимым хулиганом. Любил съезжать на портфеле с Замковой горы. Для меня эта поросшая кустами гора казалась такой страшной и недоступной, что я боялась даже взойти на нее. Брат же был отважен и любил спорт. После многократного спуска портфель и учебники в нем имели жалкий вид, но родители были не настолько мелочны, чтобы каждый день проверять их состояние. Дело принимало серьезный оборот, когда он возвращался совсем без портфеля. Это считалось бесспорным нарушением правил поведения и не оставалось безнаказанным.

Все учебники брата были покрыты карикатурами, которые он рисовал во время уроков. Нередко среди них встречались портреты учителей. За эту склонность к рисованию, хотя и несколько своеобразную, его любила учительница рисования пани Ласковская. Она единственная из учителей защищала его на педсоветах.

Позднее добавились экзекуции за курение. Однажды вечером мы с сестрой сидели на противоположных концах нашего большого стола и делали уроки: сестра возле окна, а я — со стороны двери. Неожиданно дверь стала медленно и плавно открываться, потом показалась рука брата, затем он сам спиной к нам. Этот необычный способ проходить в дверь в высшей степени заинтересовал нас с сестрой. Сестра тут же услышала идущий от него запах и закричала:

— Мама, Павел курил!

Она сделала это автоматически из чувства опекуинства над младшим братом, а также потому что курение, по ее мнению, было преступлением. В доме, еще мгновение назад абсолютно тихом, все забурлило: мама загнала брата в угол, откуда долго разносились ее гневные возгласы. Не помню, чтобы брат когда-нибудь мстил сестре за отсутствие солидарности и за ту трепку. Мстительность не входила в число его недостатков.

Брат рано познал успех в любовных похождениях. Из моих подруг ни одна его не заинтересовала. Перед войной у нас

появилась моя ровесница, которая относилась к ребятам совершенно по-иному, чем я. Звали ее Гоноратка и жила она на другой стороне Лидейки. Она неожиданно стала объектом заинтересованности всей команды моего брата. Я узнала об этом совершенно случайно. Однажды, будучи у реки, вдруг услышала хор мальчишечьих голосов. Оглядевшись, увидела, что в кустах на другой стороне реки прячутся пальчики и... поют. Меня, разумеется, они не видели. Когда серенада отзвучала, на крыльцо дома вышла Гоноратка и громко их поблагодарила:

— Спасибо чудесным мальчикам за прекрасное пение. Никогда бы не поверила, если бы не услышала собственными ушами, что наши ребята чудесные и прекрасно поют. Много лет спустя я встретила Гоноратку на пассажирском пароходе «Диана» по дороге в Свиноустье. Она путешествовала с мужем, очень солидная, как бы слегка утомленная и меня совершенно не узнала.

Мама как-то наполовину в шутку, наполовину всерьез спросила меня, что я думаю о воспитании детей — надо их пороть или нет. Я ответила, что система воспитания должна быть разнообразной, приспособленной к конкретному ребенку. Ведь ремнем, висящим на кухне, никогда не пороли нас, девочек, а брату, наоборот, не помогли и частые порки. В последующем он и своей жене создавал столько же хлопот, как и маме. Вряд ли он сознавал, что пороли его для его же пользы. Как-то он приехал из Щетина к маме, которая была наполовину парализованная от кровоизлияния в мозг и несколько лет не вставала с кровати. Когда он сидел возле нее, мама вдруг сказала:

— Так мне жалко, Павлик, что я тебя била. Не знаю, сможешь ли ты простить меня. Брат тут же ответил:

— Я, мама, очень благодарен тебе за эти порки. Спасибо. Эти слова наверняка принесли маме облегчение на еесмертном одре. Она умерла в возрасте 56 лет.

Вообще-то я весьма критически отношусь к тогдашней системе воспитания — у нас было слишком много свободы. Когда становилось тепло, то после возвращения из школы и подготовки уроков мы все остальное время до самых сумерек проводили на улице. И таким образом подвергались риску попасть под влияние

случайных людей.

Мама не ввела меня в секреты полового созревания, не подготовила психически к ожидавшей девушку великой перемене в ее жизни. Это Ольга — старшая подруга со двора объяснила, что детей достают из живота матери. Я пробовала украдкой присмотреться к маме, не найду ли у нее каких-либо следов этого. Когда я ее спросила откуда берутся дети, мама ответила как тогда было принято:

— Узнаешь об этом позже, когда подрастешь. Это позже никогда не наступило и я уже не возвращалась к этой теме.

Ольга Острейко была моей хорошей подругой. Она, казалось, жила беднее, чем мы. Домик ее семьи очень маленький, напоминающий хатку бабы Яни, располагался на другой стороне улицы, плотно втиснутый между другими домами. Ольга никогда не заходила в нашу квартиру. Я тоже редко у нее бывала. Когда мы с ней собирались идти в лес, то я останавливалась возле ее дома и кричала: Ольга! Ольга! — пока она не выходила. Однажды я зашла в ее дом. Меня тогда удивили условия, в которых она жила. В маленькой комнате стояли длинные нары, на которых спали все обитатели этого дома. Во время трапезы за маленький столик садилось несколько человек, чтобы есть из одной миски. Про себя я задумывалась, как они уживаются в такой тесноте. По себе знала, что когда, например, хочешь поделить с сестрой суп, то никак не удавалось разделить его поровну. Когда к одной миске тянется с ложками сразу несколько человек, то конфликты неминуемы — думала я.

Ольга импонировала нам, девочкам, гибкостью своего позвоночника. Она единственная из нас могла сделать мостик без всяких усилий. Я же в этом упражнении добилась весьма скромных успехов. У Ольги были также необыкновенные гибкие пальцы, которые она могла согнуть в первом суставе возле ногтя, а остальная часть пальца оставалась прямой.

Проблемы эротики были для нас закрытой темой. Однако кое-как заглушённые родителями, они все равно вторгались в нашу жизнь. Например, тайной Полишинеля было то, что Галька — племянница пани Клышейко родила внебрачного ребенка. Она

была неполноценной физически и в какой-то степени умственно. Знали мы и отца этого ребенка, им был Кодик — проходящий работник пани Клышейко. Ребенок к счастью умер и был где-то тайно похоронен. Как-то на далеком лугу мы увидели лежащих мужчину и женщину. Их вид был таким шокирующим, что меня обуял страх и я, как можно быстрее убежала оттуда. Метек как-то хвастался, что знает как поступают взрослые, когда остаются наедине. Жестами и мимикой он пытался мне это объяснить.

Большое влияние на меня оказали книги. Читала много и без разбора. Это были книги, одолженные братом, стало быть интересующие мальчишек: об индейцах и путешествиях, а также книги сестры — повести Мнишек, Родевич, Черской, Зажицкой. Черская увлекательно описывала жизнь девочек в пансионатах. Заглядывала я также в книги, которые читала тетя Нюта. Меня интересовало только заглавие и никогда автор. С удовольствием читала странички с диалогами, пропуская описание природы и разделы, посвященные социальным вопросам. С перспективы прожитых лет оцениваю, что единственными полезными книгами, прочитанными мною тогда была трилогия Генрика Сенкевича: «Огнем и мечом», «Потоп», «Пан Володыевский». Фамилии героев этих книг долго фигурировали в наших разговорах. Книгой, которую часто обсуждали девочки по дороге в лес за ягодами была «Мальчишки с площади оружия». Я горькими слезами оплакивала печальную судьбу славного Немечика.

Прочитанная в детстве низкопробная литература оставил прочный отрицательный след в моей психике. Под ее влиянием во мне на долгие годы утвердился идеал девочки-мечтательницы, вознесшей ценности моральные над материальными. У меня сложилось убеждение, что девушке достаточно быть скромной и благородной. Тогда наверняка в нас с первого взгляда и на всю жизнь влюбится мужчина — сильный заботливый, благородный. Нужно только ждать, пока он первым подойдет, без всякого намека с твоей стороны, потом; что любой такой намек мог восприниматься как отсутствия скромности. Как утверждали Родевич и Мнишек, все мужчины превосходили женщин умом и силой характера. Жизнь грубая и жестокая доказала ложность

моих девичьих представлений принесся страдания и разочарования. А ведь учителями в такие дела должны быть родители. Однако мои родители попросту не знали моих духовных потребностей — да, видимо, и не могли узнать, поскольку они росли в несколько иных условиях. Вообще существуют ли родители, которые могли бы обеспечить своим детям счастье. И те и другие являются игрушкой в руках судьбы.

Естественно, мы все время ходили босиком: по лугу, в лес и даже в город и не из-за отсутствия обуви. Не раз случалось, что большой палец на ноге бывал разбит о камень или выступающий корень дерева. Старшие научили нас, что в таких случаях наилучшим средством является влажный листок ольхи, который прилипал к коже и прикрывал ранку. Он считался лучшим средством, чем листок подорожника, который применялся, когда рядом не было ольх. Не раз случалось, что через несколько дней снова разбивали тот же палец. Тогда, несмотря на текущую кровь, лечение повторялось по тому же рецепту.

Ноги мыли вечером перед сном. Обычно они были черными от песка и грязи. Для удобства брали сандалии, мыло и шли к Лидейке. Летом все мылись в реке. Дома ведь не было ни канализации, ни водопровода, только стояла в ведре вода для питья.

Кончался длинный летний день. Над головами с громким карканьем кружились тучи ворон, чтобы потом рассестись на высоких ольхах. В вечерней тишине на недалеком пруду и реке начинали концерт лягушки. Животные и растения готовились ко сну вместе с нами.

В нашей семье бывал и дни, которые заканчивались вечерними спевками. Это случалось, когда отец не уезжал на работу в Волковиск, а позже, когда ходил в ночную смену на электростанцию. Укладываясь на своей кровати я начинала петь девичьим альтом:

Плывет по морю славная морячка

Плывет по морю в голубой простор.

А вслед за ней плывет вторая лодь,

А в ней сидит молоденький моряк.

Отец, лежащий в другом конце спальни, подхватывал мелодию этой простой харцерской песенки и красивым баритоном подпевал мне. Следующий куплет мы пели вместе:

Ах стой, постой, прекрасная морячка.

Зачем ты уплываешь от меня.

Пусть нас одна волна навеки свяжет,

Пуускай одно течение понесет.

Отец обладал приятным голосом и чувством гармонии, позволяющим ему свободно петь вторым голосом. В то время я думала, что так и должно быть у отца, который может все. Не знала, что это особый дар природы. Временами отец сам предлагал попеть вместе.

Однако не все вечера были такими безмятежными. Помню летние ночи, когда густая темнота лежала за окнами, через открытые двери снаружи веяло неизвестностью и мне было очень страшно. Меня пугали страшные рассказы о летаргии и пробуждении ошибочно погребенных людей. Воображение мое рисовало картины, как я лежу на кладбище, в темноте и холоде, мне было страшно! Запомнились слова, которыми меня тогда утешала мама:

— Не бойся! Не нужно думать о смерти. Ты еще такая маленькая. Вся жизнь впереди. И мы, родители, должны жить, чтобы вас воспитывать.

С точки зрения логики ее слова были безупречными.

РАЗДЕЛ VIII

Перед второй мировой войной в Лиде жило около 25 тыс. человек, город был крупным железнодорожным узлом. Из Лиды можно было ехать в Вильно на север — туда было около двух часов пути, в Гродно — на запад, до Барановичей — на юго-восток, до Волковыска — на юго-запад. Почти каждая вторая семья из нашей округи так или иначе была связана с железной дорогой. Мужья пани Клышейко и пани Якимовой также там работали. Две задушевные подруги моей сестры Далецкая и Товгин также имели отцов-железнодорожников. Геля Далецкая —

высокая красивая брюнетка жила в конце ул. Пилсудского (ныне Чапаева) в районе Ферма (теперь на ул. Жвирко). Она отличалась энергичностью и веселым характером. Ее дом (теперь в нем тубдиспансер) от ул. Гражины отделяла только река Лидейка и болото, поросшее аиром. Квартира их в том доме находилась в подвальном помещении, но это была очень хорошая квартира — высокая и светлая. Геля внешне очень напоминала своего отца — высокого интересного брюнета, которого мы знали по его службе на железнодорожном вокзале. Пассажиры, прибывшие в Лиду и идущие с перрона к выходу через здание вокзала, должны были проходить около него и отдавать ему свои билеты. Мы запомнили его руку, на которой не было одного пальца. Ныне они живут в Быдгощи, муж моей сестры как-то встретился с ним и узнал по этой руке.

Отца Янки Тонги и я никогда не видела, может быть потому, что его место службы находилось за Лидой — он был путевым обходчиком. Среди остальных подруг сестры Янка выделялась особой деликатностью — темная блондинка с тонкой фигурой и всегда с приятной улыбкой на лице. Ее младшая сестра Леня была моей ровесницей. Хорошо помню подробности довольно необычного знакомства с Ленией. Я тогда училась в 5-ом классе. Шел урок и вдруг в класс вошел директор Фердинанд Оркуш и с ним невысокая темноволосая девочка. Я сидела недалеко от двери и классной доски. Директор, поздоровавшись с классом, представил нам новенькую:

— Это Лёня Товгин, она будет вашей подружкой, примите ее в свою компанию. Это прекрасная ученица, настоящая жемчужина. Это выражение «жемчужина» глубоко запало в память, поскольку я в тот момент почувствовала мелкий, но чувствительный укол зависти. Позже Леню неоднократно ставили нам в пример как очень способную и старательную ученицу. Мы с ней подружились, может быть потому, что она тоже жила в Заречье, хотя и далековато от нас на правой стороне ул. Летной. Дом ее родителей был маленький деревянный, серо-голубого цвета с застекленным крыльцом. Я запомнила это крыльцо потому, что оно очень отличалось от нашего. Я всего несколько раз приходила

к ней. Зато было время, когда она по дороге в школу заходила за мной ежедневно. Помню, как идя рядом со мной, она говорила:

— И опять понедельник!

Уже тогда мы заметили, что время движется быстро и ритмично, но все наше будущее было еще впереди. Наши жизненные дороги должны были довольно скоро разойтись в разные стороны. Тогда я еще узнала по ее рассказам, что у нее есть дядя — учитель по фамилии Чайковский. Этому дяде нравилось заниматься с Янкой и ее сестрой. Летом во время каникул они проходили программу за следующий класс. Я завидовала, что у нее есть такой дядя.

Очень рано обе сестры были выданы замуж в деревню за зажиточных хозяев. Это было уже во время немецкой оккупации. Их мать таким образом хотела обеспечить своим дочерям спокойную жизненную пристань. Как же жестоко она ошиблась! К сожалению, родители кроме большой любви к своим детям не обладают силой, способной обеспечить им счастье. Лёня после очень короткого счастья семейной жизни пережила страшную трагедию. Ее молодого мужа застрелили, когда он стоял с женой возле собственного дома. Можно себе представить какое она испытала потрясение, когда он на ее глазах упал, сраженный пулей и уже не поднялся. После войны молоденькая вдова вместе с матерью выехала в Польшу и жила в Лидзбаркс. Работала там директором книжного магазина. Там в этом магазине она познакомилась со своим вторым мужем. Янка и ее муж (весьма импозантный мужчина) за короткое время родили пятеро дочерей. По правде сказать, она стеснялась своего статуса деревенской хозяйки и при случайной встрече со школьными подругами старалась этот факт скрыть. Говорила, что ее муж работает на железной дороге в Лидс. В то же время она гордилась его музыкальными способностями и умением играть на скрипке.

Говорили, что после войны она пережила большую любовь к другому мужчине, к сожалению запоздалую. Жизнь ведь правят слепые случаи. В довершение своих несчастий она попала в тюрьму в связи с финансовыми злоупотреблениями по месту работы. С собой в тюрьму ей разрешили взять самого младшего грудного ребенка. Что она испытала и сколько вытерпела можно

только догадываться. Результатом стала ее преждевременная смерть. Самую младшую девочку удочерила Лёня и увезла ее с собой в Польшу.

С моей точки зрения стороннего наблюдателя Янка была нежной хрупкой бабочкой, запутавшейся в мрачной паутине судьбы. Ее жизнь могла бы служить писателю хорошей темой для повести — увлекательной и трагической. Мне даже представляется, что она была нашей госпожой Бовари!

У сестры была подруга — Дануся Гульповская-Шульц, имевшая несомненное интеллигентское происхождение. Ее родители работали учителями. Отец Густав преподавал математику в восьмилетней школе им. Габриэля Нарutowича, где училась моя сестра. Два года он даже был классным руководителем у сестры и Дануси.

Дануся, кроме интеллигентского происхождения отличалась от своих одноклассниц и в других отношениях. Она была наделена исключительной красотой. Ее прекрасные глаза с каймой хорошо сочетались с красивыми и блестящими густыми темными волосами. Надо добавить сюда смуглую кожу лица с природным румянцем. Я с восхищением смотрела на нее каждый раз, когда она приходила к сестре. Несмотря на свою красоту она всегда оставалась скромной и серьезной. Ходила на собрания марианского религиозного братства, не проявляла интереса к представителям противоположного пола, словно не замечая парней. Именно эта черта еще больше выделяла ее из среды подруг моей сестры. Это ее отсутствие интереса к мужчинам опровергает распространенное мнение, что поведение женщины зависит от ее красоты. Жила Дануся где-то на Пясках на ул. Вишневой и поэтому приходила к нам довольно редко.

Нужно вспомнить ещё об одной подруге сестры — Гане Пилявской. Ее родители тоже были учителями, а отец работал школьным инспектором. Жили они на ул. Пилсудского (ныне Чапаева) недалеко от железнодорожного вокзала. Ганя появилась в нашем окружении незадолго до начала войны и считалась как бы нездешним, пришлым элементом. Она была очень симпатичной и вызывала к себе всеобщую симпатию. У нее был старший брак

Казик, который мне запомнился, как человек высокой личной культуры. Долгие годы спустя Ганя стала женой Стаса Палшиса.

Замковые стены были буквально обвиты улицами. Возле самых стен вилась улочка носящая имя Гедимины. С востока проходила ул. Замковая, с западной стороны — ул. Мицкевича. Обе направлялись на север, чтобы за школой и домом Миклашевичей слиться в главную улицу города — Сувальскую (ныне Советская). В месте пересечения этих улиц располагался скверик треугольной формы. Он имел ограду и ярким зеленым пятном выделялся среди качественной застройки центра. Посередине сквера возвышался памятник Независимости.

Улица Сувальская была плотно застроена по обеим сторонам: разнообразные магазины и магазинчики почти без промежутков прижимались друг к другу. Создавалось впечатление большого торгового центра. Почти все магазины принадлежали евреям. В моей памяти остались только две славянские фамилии: Версоцкий и Родевич. Большинство предприятий бытового обслуживания в том числе мужские и дамские пошивочные мастерские принадлежали также евреям.

По соседству с замком располагались большие здания общественного назначения. Неподалек от руин замка стоял огромный белый костел. От улицы его отгораживала длинная белая стена. За костелом раскинулась Деканка — луга и пруды, куда зимой мы ходили кататься на коньках.

Напротив костела размещалась гостиница — внушительное импозантное здание с красивыми застекленными дверьми. Она интересовала меня и буквально манила к себе. Однажды, когда мы с отцом проходили рядом, я попросила его:

— Папа, можно посмотреть, что там внутри? Сколько раз слышала о гостиницах, но никогда ни в одной не была. Можно зайти туда с тобой?

— Хорошо, зайдём как-нибудь — пообещал отец. К сожалению, я так никогда и не удовлетворила свое любопытство и не узнала, что скрывалось внутри людской гостиницы.

На той же стороне улицы, что и гостиница размещалась

городская библиотека. Я ходила туда по поручению сестры и тети Нюты. Библиотекаршей работала молодая красивая брюнетка. Помню, как однажды, открыв рот, чтобы произнести название нужных книг «Дикарка» Зажицкой и «Пятнадцатилетний капитан» Жюль Верна, не могла подать голос. Могла говорить только шепотом или слишком громко для такого святого места, как библиотека. Попробовала говорить нормальным голосом и опять не получилось. Я испугалась. Рассказала об этом случае маме, которая завела меня к врачу-ларингологу. Он сделал заключение, что через десять лет нужно будет провести операцию. Это событие оказалось для меня важным, поскольку долгое время отпугивало от профессии учителя. Я была убеждена, что мои голосовые связки не подходят для этой работы. Однако до операции дело так и не дошло, а мои голосовые связки оказались вполне подходящими для работы учителя.хлопот с голосом никогда не возникало, наоборот, он был моей сильной стороной.

Библиотекаршу я встретила после войны возле костела в Мосине (около Познани). Мы разговорились. Она оказалась очень милой и скромной особой и первым делом спросила:

— Как я тогда выглядела? — она имела ввиду впечатление, которое производила на читателей. Я искренне ответила, что очень хорошо.

Возле самой западной стены замка стояла аптека. Красивое белое здание с колоннами у входа сохранилось до сих пор. В эту аптеку отец иногда посылал меня за порошками, когда мучился от сильной головной боли. Помню однажды вошла туда, никого кроме меня не было, и попросила порошки «для головной боли». Старый почтенный аптекарь внимательно на меня посмотрел и спросил:

— Ты хочешь порошки для головной боли, или от головной боли?

Я растерялась, но быстро исправила свою ошибку. «Хорошо, что аптекарь не выполнил заказ буквально» — думала по дороге домой.

Как-то возвращаясь из аптеки, я заметила внутри замка какое-то движение и вошла во двор. То, что увидела там, сильно меня

удивило. На восточной стене был растянут огромный экран, а на нем показывали фильм. Как оказалось, это была «Галка» Станислава Монюшко в кинематографической версии. Я стала смотреть фильм вместе с другими зрителями, совершенно позабыв о поручении и о времени. Забыла, что меня с лекарством ожидает отец. Он как обычно не рассердился на свою доченьку.

Кино в то время было для жителей Лиды единственным культурным развлечением. Все три кинотеатра находились на Сувальской улице: «Эдисон», «Эра» и «Маленькое». Тетя Нюта водила меня в «Маленькое». Там у нее была знакомая билетерша которая впускала меня без билета. Места в кинотеатрах не нумеровались. При желании можно было остаться в зрительном зале на несколько сеансов. Позже я ходила одна, деньги обычно давал дядя Саша. У родителей просить я не смела, даже каких-то 20 или 40 грошей. Фильмы часто производили на меня очень сильное впечатление. Я тогда выходила из кинотеатра ошеломленная. Бежала по длинной Сувальской улице и только у Замка начинала успокаиваться. Это были неприятные переживания, но я никогда не признавалась в этом родителям. К счастью, такая реакция постепенно прошла. Учителя не разрешали молодежи показываться на улице без взрослых после 20 часов. Тем более ходить в кино на вечерние сеансы. Я ходила в кино после обеда. Только некоторые смельчаки шли на риск напороться на дежурного учителя. Я к ним не принадлежала. Слышала, что некоторые одевались как взрослые, чтобы попасть на вечерний сеанс. Такие походы вносили некоторое разнообразие в монотонную школьную жизнь.

Здесь следует заметить, что каждый ученик за пределами школы мог быть легко идентифицирован. Ученики общеобразовательных семилетних школ носили на фуражках, а ученицы на беретах орла спереди и номер класса с левой стороны, а на рукавах были нашивки с номером школы (кусочек плотной голубой ткани, пришитый или пристегнутый). Помню как каждый год перед началом учебного года (перед 3 сентября) мы ходили с мамой покупать новый темно-синий берет с номером следующего класса.

Я любила эти выходы в город, предшествующие началу учебного года.

Помню как Ядя Титовицкая обращала на себя внимание номером на своем берете. Никто не верил, что такая маленькая девочка ходит в 7-й класс, считали, что она хочет казаться старше и для этого перевернула цифру 2 вверх ногами, чтобы было похоже на 7. Школы, следующие после семилетки имели свою форму: в общеобразовательной государственной гимназии с четырехлетним обучением (там училась моя сестра) девушки носили темно-синюю плиссированную юбочку и белую льняную блузку. К блузке прикреплялась лента, а на рукаве носили голубую повязку. На берете был также голубой кант. В двухлетнем лицее, куда поступали после окончания гимназий, кант, бант и повязка были бордового цвета. Чтобы попасть в среднюю школу нужно было сдать вступительный экзамен. Принадлежность к школе и ношение формы мы считали честью для себя. Помню с какой гордостью моя сестра, прочитав свою фамилию в списке поступивших, в тот же день купила себе берет с голубым кантом.

Перед войной в Лиде действовали две общеобразовательные гимназии: трехлетняя Купеческая (торговая) монахов пиаров, а также средняя профессиональная школа (ремесленное училище) напротив православного кладбища. В этой школе учились Бронек Клышейко, Чесик Титовицкий и Лёлек Якимов,

Самый высокий ранг имела государственная гимназия им. Гетмана Кароля Ходкевича. Она размещалась в красивом четырехэтажном здании прямоугольной формы на улице Школьной (теперь там педучилище). рядом находилась восьмилетняя школа им. Габриеля Нарутовича (ныне школа N 1). Район этот назывался «Выгон», говорили еще «школа на Выгоне». В гимназии им. Кароля Ходкевича когда-то учился Ежи Путрамент, который увековечил этот факт в своих воспоминаниях.

Много гимназисток — подруг моей сестры бывали у нас дома, поэтому по их рассказам я знала всех учителей. Сестра гордилась своей принадлежностью к этой гимназии и с удовольствием рассказывала нам о гимназической жизни. Ее учителя

пользовались большим уважением как среди учеников, так и во всем городе. Польскому языку ее учил пан Маевский по кличке «Крысенок» из-за длинного носа, а математике — пан Калецинский. Помню, что это был высокий представительный мужчина, отец двух сыновей, которые погибли во время войны в партизанах. Учителем гимнастики у девушек была пани Попко, ее называли «Зексувка». Пан Садевич посвящал учеников в тайны латыни.

Сестра очень любила иностранные языки, а латынь в особенности и с восхищением отзывалась о латинисте. Физику преподавал пан Евгений Шулакевич — тактичный милый человек. Учителем химии был пан Зыгмонт Манке. После войны он оказался в Слупске. Учитель географии пан Рутковский носил кличку «Кукса».

Ученики могли выбирать для изучения немецкий или французский языки. В нашем окружении немецкий пользовался значительно большей популярностью, поэтому его преподавало несколько учителей-германистов. Пан Собаньский по кличке «Фальш» на уроках имел привычку повторять «das ist falsch», другого молодого учителя звали «Шаде» (жаль). Эта кличка так приклеилась к этому учителю, что я даже не запомнила его настоящей фамилии (а может быть никогда и не знала ее). Сестра как-то выяснила, откуда взялось это прозвище. Этот молодой учитель выказывал явную симпатию красивой преподавательнице географии. Однажды кто-то из молодежи заметил их разговаривающими в коридоре и услышал отчетливо произнесенное поклонником слово «Шаде». Оно мгновенно облетело всю школу и навсегда прикипело к автору.

С географичкой связано другое забавное происшествие. Урок географии начинался сразу после урока математики пана Калецинского. Тот терпеть не мог, когда ученики на уроке зевали, считал это признаком дурного тона и свидетельством отсутствия интереса к предмету. Однако всем известно, что зевание вещь заразительная, особенно когда его стараешься сдерживать. Достаточно одному ученику зевнуть, как уже весь класс изо всех сил удерживает зевок. Однако на следующий урок приходила

учительница географии и начинала свою работу именно с зевка, причем делала это открыто и с большим шармом. Такое сочетание двух абсолютно разных подходов к своей работе очень веселило учеников,

Известным всей Лиде германистом был пан Кляйндиенст. Его сын Ясек, худенький блондин одно время учился со мной в одном классе во время войны и симпатизировал мне. С паном Кляйндиенстом у меня случилось особое происшествие. Я сидела на первой парте возле доски, а парты тогда не имели передней стенки. Как раз была контрольная работа и я никак не могла вспомнить какое-то немецкое слово. Долго не думая, открыла под партой учебник, забыв, что учителю все видно. Пан Кляйндиенст заметил это и отреагировал неожиданно и быстро. В большом волнении он выхватил эту злосчастную книгу вместе с портфелем из парты и изо всей силы швырнул под доску. Я была ошарашена и чувствовала себя преступницей. От страха не могла вымолвить ни слова. Должна заметить, что никогда ни до, ни после этого случая я не прибегала к списыванию. Очень любила учиться и особенно заниматься иностранными языками. Кроме того, что сейчас самой кажется неправдоподобным, ни разу не пошла в школу неподготовленной. Приготовление уроков было моей святой обязанностью, которую выполняла сразу же после прихода из школы. Справедливости ради надо признать, что до войны не существовали такие сильные искушения как телевидение, магнитофоны и видео, поэтому перед войной, видимо, легче было стать примерным учеником.

Как я жалею, что никогда не извинилась перед Кляйндиенстом за свою глупость. Особенно потому, что он оценил мою классную работу справедливо, не приняв во внимание мой проступок. Я знала это, хотя в классе мне не верили, в том числе Яська. Как жалко, что учитель умер, так и не узнав о моей большой любви к иностранным языкам. Я даже не знаю, где он похоронен. Яська Кляйндиенст — светловолосый мальчик погиб в партизанах. Преподавателя катехизиса ксендза Витольда Нелюбовича ученики называли «Помидорчиком». В то время в гимназии латинский язык преподавала также пани Ядвига Мостович. Хотя она не

учила мою сестру, о ней нельзя не вспомнить из-за ее брата Тадеуша Домню-Мостовича, автора многих замечательных повестей, из которых «Карьера Никодема Дызма» была дважды экранизирована.

Я не выбирала себе начальную школу. Пришлось идти в ту, которая находилась ближе к дому, не пришлось выбирать ни учителей, ни школьных товарищей.

Эта школа № 5 возле замка! Обыкновенный кирпичный двухэтажный дом за северной стеной замка, приспособленный под школу. Главный вход был со стороны замка, на первом этаже располагались младшие классы с первого по четвертый. В глубине здания находилась общая раздевалка — ряд крючков и деревянных колышков, вбитых по всей длине стены. Направо от раздевалки был большой проходной зал, где проходили уроки гимнастики и проводились собрания харцеров.

Во дворе с задней стороны здания узкая и крутая деревянная лестница вела на второй этаж. Временами она еще снится мне. На главном фасаде с правой стороны располагалась широкая, но очень крутая лестница, ведущая в учительскую на втором этаже. Ею пользовались только учителя. Помню какое почтение вызывала у меня учительская, никогда бы не отважилась войти туда одна.

Первый класс я пропустила, сдала экзамен и была принята сразу во второй. Классным руководителем у нас был пан Зыгмунт Лисецкий. Молодой представительный мужчина среднего роста, с элегантными манерами. Помню, как он входил в класс, небрежно держа свой портфель за самый уголок. Он больше остальных учителей импонировал нашему детскому воображению. Как-то нарисовал на доске земной шар и людей на нем, затем обратился к классу с вопросом:

— Как получается, что эти люди ходят головами вниз и не отрываются от земли?

Увы, мы не знали решения этой загадки.

Классным руководителем в третьем классе была пани Янина Носевич — высокая худая девушка, все время кричавшая на нас. Это она велела мне стоять в углу в наказание за то, что после

звонка я не сидела за своей партой. Она не управляла учениками, а старалась поддерживать дисциплину с помощью крика. Когда во время войны она пришла к маме заказать для себя вязаный свитер, я с удивлением увидела, что это совершенно другая женщина — кроткая, с милой улыбкой. Когда договаривалась о цене, то пробовала ссылаться на то, что учила нас до войны. Однако мама была в этом отношении твердой и не уступила.

В 4-ом классе нас опекала пани Янина Прутковская — молодая, мягкая женщина. Не помню почему мы взбунтовались именно против нес. Возможно, не понравилась её манера выделять детей из зажиточных семей. Пани Прутковская тогда плакала. После этого случая она несколько раз просила меня ей помочь, хотя я была не из богатой семьи. Это пани Прутковская разрыдалась, когда разнеслась весть о смерти маршала Пилсудского, нашего «дедушки». Тогда все дети стали рыдать как по сигналу. Хорошо помню, я сама плакала, словно потеряла близкого человека.

И наконец пани Янина Богдевич. Она была покровительницей и добрым ангелом нашей харцерской дружины. Я единственная из нашей семьи участвовала в харцерском движении. Носила серую форму, сшитую мамой, толстый кожаный пояс, темно-голубой треугольный платок. На спине он свисал углом, а спереди был завязан как галстук. Берет был небольшой, тоже серый с харцерским значком в виде лилии. На груди с левой стороны завивался шнур соответствующего цвета. Какое-то время он у меня был даже серого цвета, как знак принадлежности к руководству. После присяги на груди появился харцерский крест. Все эти аксессуары я сохранила до настоящего времени.

Харцерские заповеди: нельзя курить, пить алкоголь, всегда быть готовым помочь своему ближнему, а также служить Отчизне, Богу — я воспринимала всерьез, как и другие дети.

Харцерское движение привлекало меня своей культурной деятельностью и интересным времяпровождением. Я любила сборы, заполненные товарищескими играми, полные юмора, песен, шуток. Навсегда остались в моей памяти песни, которые мы пели в лесу у костра! Например, такие серьезные:

— *Горит костер в лесу, ветер печальную песню несет...*

— Идет ночь, солнце уже спустилось с гор...

— За Неман, за Неман и зачем же за Неман?...

— На один путь судьба направила нас, к приключениям позвала...

— Серое полотно палатки объединило нас...

— Все, что наше, Польше отдадим...

А вот песни остроумные, брызжущие юмором:

— Случилось чудо однажды, ох! Дед обратился к иконе, ох!
Икона ему ни слова, ох! Такая у них беседа, ох!

Ой! ой! ой!

— Красный пояс, за поясом меч и топор, что блестит издалека

— На далекой Украине, где живет испанский народ.

Святая река Ганг струится, прекраснейшая из всех вод.

— Застрелюсь я револьвером, или каким другим манером.

Или пушку дай мне, я застрелюсь!

— От Кракова идет фура. На ней едет Валигура!

Пьет чай, шоколад, черный кофе.

Пьет чай, чай, чай, шоколад, ром, какао!

Эти песни захватили мою детскую душу.

Страшно интересным было следопытство в лесу — бег среди деревьев от знака к знаку с картой в руке. Самым замечательным событием был харцерский лагерь, организованный перед войной на высоком берегу Немана. Он стоил только 10 злотых, а продолжался целый месяц! Однако радость моя оказалась неполной. Везде куда бы я ни отправлялась, со мной была моя врожденная несмелость, не позволяющая мне свободно чувствовать себя в большой компании.

В лагерь мы ехали прелестным вагончиком по узкоколейке через лес. Жили в огромных армейских палатках, способных вместить десяток человек. Они стояли на высоком берегу Немана, приготовленные заранее. Единственным их интерьером были нары для спанья. Столовая под открытым небом была устроена очень просто, я считала ее очаровательной. Простота заключалась в том, что ее заменял длинный ров в форме круга. Очаровательная — так как мы сидели просто на земле с ногами, опущенными в ров,

столом служил центральный круг, покрытый сосновыми иглами. Над головами шумел лес. Внизу среди песчаных берегов тек Неман — медленный, широкий, величавый. Еда, приготовленная в лесу, имела неповторимый вкус.

Хорошо было стоять в карауле ранним утром. Кончалась короткая летняя ночь, на фоне неба постепенно прорисовывались очертания деревьев, а воздух был наполнен свежим запахом леса: Вдруг в утренней тиши на реке раздавалось пение. Это пели плотогоны. Песня неслась широко, многократно умноженная эхом. Как мне хочется еще раз услышать эту песню! Как хочется увидеть с высокого берега Немана плотогонов, уплывающих на своих плотах вниз по течению! Они уплыли навсегда и остались только в наших воспоминаниях.

Лагерная жизнь была очень разнообразной. На другой стороне Немана разбили лагерь харцеры-мальчишки, тоже из Лиды. Наши контакты проходили как а официальной форме, т.е. посредством взаимных визитов, так и в неофициальной — с помощью так называемых ночных походов. Ночью незаметно отправлялись на другой берег и старались унести что-нибудь из чужого лагеря. Лучшее всего знамя, что нам однажды удалось сделать. В таких походах принимали участие только старшие харцерки.

Помню один визит к нам соседей. Они пришли облаченные в широкие военные плащи, спадающие до самой земли — молодые, стройные, загорелые. Они стали вокруг костра и запели. Их мальчишеские голоса звучали прекрасно, по крайней мере по моему восприятию. Лучшее всех пел командир. Я стояла недалеко от него, очарованная его голосом и статью, вся обратившись в слух и зрение. Он казался мне настоящим принцем из сказки. Его стройная фигура с гордо поднятой головой, четко вырисовывалась на фоне темного неба в блеске костра.

Удивительным совпадением обстоятельств мне в скором времени удалось с ним познакомиться ближе. Оказалось, что этим прекрасным принцем из сказки был Стах Пакшис, знакомый моей сестры. Обстоятельства знакомства были пожалуй прозаическими, меня удивила скромность принца, который совсем не стремился казаться прекрасным.

Наша дружина отправилась с ответным визитом. Харцерский костер был организован идеально. Представление следовало за представлением как в настоящем кабаре. Я стояла захваченная этим концертом. Репризы сменялись пением, которое мне нравилось больше всего. Это были мои первые впечатления от такого рода мероприятий у костра. Вдруг ко мне подошла старшая харцерка и тихо шепнула:

— Тебе нужно сейчас же вернуться в наш лагерь и стать в караул. Вполне возможно, что они захотят пробраться к нам именно сейчас, надо на всякий случай быть готовыми.

Как обидно и досадно было мне уходить от костра именно сейчас, когда все было так прекрасно! Но я не отважилась послушаться старшую и не хотела придумывать отговорки. Видимо, у меня было сильное чувство долга. В то же время мне казалось, что меня выбрали потому, что никто другой бы не согласился уйти в такой момент. С горечью в сердце вместе с другой девочкой я пошла в наш лагерь и стала на страже в кустах. Мы долго стояли неподвижно, вслушиваясь в ночь. Однако ничего не происходило. Я думала о том, что на этот раз буду наверняка отмечена за мое послушание. Была твердо уверена, что заслужила поощрение.

По старинному лагерному обычаю каждое утро отряд выстраивался для торжественного поднятия флага. Перед строем называлась фамилия отличившейся харцерки и давалась команда выйти из шеренги. Названная подходила к мачте и поднимала знамя, которое разворачивалось над нашими головами. Вечером та же харцерка опускала флаг. После исполнения «Идет ночь» мы расходились по палаткам. Помню в темноте тогда блестели яркие светлячки. Было их множество. Удивительно, но никогда до этого и после я не встречала таких ярких светлячков, как тогда в лесу над Неманом.

С первого дня лагеря я мечтала о минуте, когда выйду из строя и среди торжественной тишины подойду к флагштоку. Однако столько линеек было уже позади, а меня так ни разу и не вызвали. Видимо, я ничем не заслуживала такого отличия. Но теперь эта минута наступила, я была в этом уверена! Эта мысль

поддерживала мой дух в кустах на посту.

Утром, стоя в шеренге, я испытывала радостное возбуждение и готовилась выступить вперед. Однако меня ожидало большое разочарование, меня опять не назвали. Даже не знаю, что было сильнее разочарование, или удивление. К мачте в тот раз подошла Ядя Зинкевич, моя звеньевая. У нее был красивый голос и возле костра она часто пела задорные песенки. Помню слова одной из них:

— Для милых гостей диковинка. У нас здесь целый магазин. Все отдадим, потому что любим вас...

Я признавала ее вокальное преимущество, но все равно почувствовала разочарование. Ядя вскоре умерла, я видела красивое надгробие на ее могиле. Но тогда никто не мог и подумать о ее близкой смерти.

В лагерной жизни часто происходили забавные случаи, которые и многие годы спустя я вспоминала со смехом. Это были, к примеру, ночные тревоги, которыми проверялась наша готовность. Одна из таких тревог мне особенно запомнилась. Глубокой ночью нас поднял с нар громкий свисток. Наши мундиры лежали возле постелей, аккуратно сложенные и застегнутые на все пуговицы. Чтобы быстрее одеться, я натянула мундир через голову, не расстегивая пуговиц и не заметила, что в спешке надела его задом наперед. Однако времени на переодевание уже не было. Я выскочила из палатки и встала в шеренгу как была, надеясь, что пояс и платок замаскируют непорядок с мундиром. Начальница лагеря с фонарем в руке медленно шла вдоль строя, оценивая наш внешний вид. Я вздохнула с облегчением, когда она прошла мимо, ничего не заметив. В глубине души однако сомневалась, действительно ли она ничего не заметила, или только притворилась.

Пребывание в лагере имело также воспитательно-познавательное значение. Наш отряд ходил на экскурсию на неманский стеклозавод. Меня сильно заинтересовал труд стеклодувов, особенно процесс выдувания сосудов самой разной формы. Помню, там возле печей было очень жарко.

Так же как пани Мария Богдевич для харцеров, для харцеров добрым ангелом был пан Ришард Михневич. Ежедневно он у нас вел уроки пения, аккомпанируя себе на скрипке. Одновременно он опекал мальчишечью харцерскую дружину. Мы любили его за спокойную манеру держаться с нами. В качестве старшего инструктора Союза харцеров на разных праздничных парадах он выделялся своей превосходной выправкой. Часто повторял, что любит своих харцеригов. Приятно было смотреть, как он шел во главе отряда в великолепном мундире, высокий и стройный, а за ним в ровных шеренгах шли маленькие по сравнению с ним харцеры.

Говорили, что пани Богдевич была влюблена в пана Михневича, но возможно, это были только выдумки.

Сотни учеников прошли через нашу школу; десятки учителей старались передать им свой опыт и знания. Однако удивительно, что никто из них не обратил наше внимание на великолепные замковые руины, расположенные буквально на другой стороне улицы. Никто не рассказал ученикам легенду о двух соснах под стеной замка, которые на самом деле были не соснами, а заколдованными княжнами — дочерьми князя Гедимина. Они много веков ждут, когда их расколдуют. И еще говорили, что в полночь по надрезам на стволах тех сосен стекала людская кровь, однако мы так ни разу не сходили туда ночью, чтобы убедиться в этом самим.

А княжны все ждали и звали своих освободителей. Я представляю, как они зовут:

— Придите к нам! Мы ждем вас!

И однажды ночью раздался протяжный звук и вздрогнула земля. В замке из-под земли вышел отряд средневековых рыцарей с князем Гедимином во главе. Я сама их видела. Все каменные дома в городе разрушились от этого толчка. Длился он всего несколько секунд и опять стало тихо. Исчезли сосны — литовские княжны, не осталось следа от школы — она сравнялась с землей и была покрыта тротуарными плитами, словно надгробиями.

Только замковые стены продолжают стоять и смотреть на новые,

внезапно выросшие здания, совершенно не похожие на старые, на иной город и новых его жителей.

РАЗДЕЛ IX

И отпусти нам грехи наши Как и мы отпускаем виноватым нашим.

О начале войны я узнала от сестры. В один прекрасный солнечный день после обеда она вбежала на кухню и крикнула:

— Война началась!

С выражением ужаса на лице, она почему-то стала лихорадочно мыть ноги в тазу. Моей первой реакцией была радость. Перед глазами замелькали разнообразные военные эпизоды, вычитанные в одной из книг И. Крашевского. Особенно захватывающим было описание ночного перехода через фронт в неприятельский тыл. Я в тот момент забыла, что в книге геройские поступки совершал мальчик, а не девочка, которая боится темноты и не может оставаться в доме одна.

Независимо от наших реакций на ту новость, ни я, ни моя сестра не имели ни малейшего отношения к этому событию. Война была нам навязана. Нам была предназначена роль бессловесных животных, преследуемых и охваченных паническим страхом. Все чего-то боялись. Одни вывоза в Сибирь, другие ареста и тюрьмы, некоторые смерти и все опасались голода.

Удивительная вещь война. Она страшила, но не удивляла нас. Когда в мирное время человек убивает другого человека, его судят и карают даже смертной казнью. Наоборот, когда начинается массовое убийство, каким является любая война — наказание несет только побежденный.

По моему мнению не выдерживает критики надуманное разделение войн на захватнические и оборонительные. В действительности существует только разделение на сильных и слабых. Агрессорами всегда становятся сильные, а обороняющимися — слабые. В истории случалось, что агрессоры и обороняющиеся со временем менялись местами, когда слабые становились сильными и наоборот. «Человек — это звучит гордо» — правда это, или ирония?

Войны с их бессмысленными массовыми убийствами стали настолько нормальным явлением, что участие в них почитается как героический поступок, убивающих называли героями, а сами войны восхвалялись выдающимися писателями. «Мужественно стоял в бою» — читаем в трилогии Г. Сенкевича, полностью забывая об одной справедливой на мой взгляд вещи, которую можно выразить так: «Убивал незнакомых людей, которые лично ему ничего плохого не сделали».

Агрессия является неотъемлемой чертой человеческой культуры, причем до такой степени, что духовные особы также уступают ей, или не имеют отваги ей противостоять. Даже христианская религия распространялась с помощью меча и крестовых походов. Создается впечатление, что в действительности никто не боится небесного суда, отягощая себя страшнейшим из грехов — убийством.

Приметы близкой войны появились в Лиде еще до ее начала. Нас учили правильно наклеивать полоски бумаги на окна, чтобы стекла не лопались во время бомбежек. Всюду висели лозунги, призванные поднимать дух народа: «Сильные, сплоченные, готовые». По радио время от времени передавали призывы вносить деньги в Фонд народной обороны. С тех пор как тетя Маня с мужем и двумя дочерьми поселились у нас, в доме появилось радио. Они вернулись в Лиду из Несвижа и ждали возможности поселиться в Росл яках в родном доме тети и мамы. Радио значительно обогатило нашу ежедневную жизнь. Это из этого ящика я слышала разные пленительные мелодии, например, из оперетты «Водяная девушка» (Русалка) и прибегала к аппарату, как только слышала первые аккорды.

В те предшествующие войне дни по радио передавали бодрые передачи. Не прекращались уверения в готовности к отпору врагу и терпению. Действительно многие женщины воодушевленные патриотизмом, отдавали на оборону свои украшения и даже свадебные кольца. Одна харцерка отдала свой берет с лилией, сказав при этом, что теперь она сможет ходить с высоко поднятой головой.

Наша харцерская дружина организовала акцию в помощь раненым солдатам в госпиталях. Мы обращались к людям с просьбой давать теплые носки и папиросы. Я ходила от дома к дому и люди давали по несколько папирос. В глубине души чувствовала себя немного оскорбленной, поскольку в других районах люди были более щедрыми.

Однажды к нам забежал Чесик с подпиской на пожертвования в пользу родины. Мы решили, что самой полезной вещью для солдат будет наш мужской велосипед.

За несколько лет до войны отец в качестве достижения своей трудовой жизни купил два велосипеда — мужской и дамский. Летом родители вместе с пани Клышейко организовывали велосипедные походы. Сохранились групповые фотографии из этих поездок. Долгими осенними вечерами отец ухаживал за техникой. В кухне он разбирал велосипеды на части и перемывал их в керосине. Я всегда удивлялась, как ему удается разобраться во множестве этих загадочных деталей. Особенно нравились мне серебряные шарики, которые отец называл шарикоподшипниками. После сборки велосипеды подвешивались к потолку в коморке, чтобы не портились шины.

И вот в трудный для страны момент родители без колебаний отдали мужской велосипед для польской армии. Чесик поспешно выкатил велосипед на улицу и мы его больше никогда не увидели. Не однажды задумывались над его судьбой. Лично я во время войны не видела солдат, ездивших на велосипедах. Мы допускали, что наш велосипед так и не пригодился армии и скорее всего был брошен где-нибудь в канаве. Я чувствовала сожаление в голосах родителей, когда они говорили об этом и мне было их жаль.

Сообщение сестры о начале войны оказалось правдивым. Назавтра утром над Лидой появился самолет. Он летел медленно и очень высоко. Его размеренный громкий гул привлек всеобщее внимание. Мы не знали, чей это самолет. Допускали, что это могут быть маневры. Ситуация прояснилась, когда на окраину города упала первая бомба. Тогда мы убедились, что это немецкие самолеты, от которых нужно прятаться. Никакой противовоздушной обороны не существовало, не было

бомбоубежищ. Я искала укрытие под высоким забором Ярки. В недалеком будущем нам предстояло узнать, что такое настоящие массовые налеты. Бомбы падали со страшным визгом, парализующим волю и, казалось, каждая из них летит на наши головы.

Однажды утром город облетела весть, что в Лиду вступили русские войска, встреченные на окраине города евреями хлебом-солью. Мама коротко прокомментировала:

— Евреи готовы хоть черта приветствовать, только бы не пришли немцы.

В середине августа 1939 г. отцу предложили место машиниста на железной дороге. После стольких лет отсутствия постоянной работы мы восприняли это предложение с радостью и надеждой на лучшую жизнь. Помню, как был возбужден отец, когда готовился к первой после большого перерыва поездке на паровозе. Обычно медлительный и сдержанный он заметно волновался. Помню, вышел из дома, потом вернулся за темными очками, которые должны были помогать смотреть вдаль. Погода была хорошая солнечная, я стояла во дворе вместе с другими детьми. Понимала, что отец должен был сделать что-то трудное и очень важное для всех нас. Не знали, что наша радость будет недолгой и это обретение работы окажется просто иронией судьбы.

Война никому не помогала с работой. В случае с отцом добавилась еще и угроза для жизни. Во время немецкой оккупации партизанка в нашей округе, воюя против немцев, одновременно воевала против obsługi товарных поездов, особенно опасно было работать на локомотиве. Взрывая эшелоны с немцами или боевой техникой, идущей на фронт, партизаны жертвовали жизнью местных людей, работавших на этих паровозах.

Такой была судьба бедного человека. Перед войной отсутствие работы, а значит средств для жизни, во время войны — работа под постоянной угрозой для жизни. И все потому что христианские народы не отказались от войны, не отказались от стремления господствовать над другими народами.

У папы был друг Александр Теслюк. Поначалу я знала его только по разговорам, которые родители вели между собой в моем присутствии. Он жил в глубине нашего Заречья, имел жену и двух сыновей. Незадолго перед войной он сумел построить себе маленький домик, который стоил 1000 злотых (или около 10 месячных зарплат моего отца). Я приходила в этот дом, когда собирала папиросы для солдат в госпитале.

Мне запомнилось, что работа пана Теслюка заключалась в лазании на электрические столбы, значит, он, наверное, был электромонтером. С ним лично я познакомилась во время войны, когда он стал помощником машиниста и работал вместе с отцом. Мы тогда уже жили в другом доме — N 13. В ожидании отца он садился на кухне возле стены и пока папа собирался, они перешучивались. Папа, например, подтрунивал над его белым шарфиком, который на рабочей одежде выглядел довольно странно. Пан Теслюк был грузным мужчиной с красным лицом и выше ростом за отца. С точки зрения темперамента они взаимно дополнялись. Пан Теслюк в отличие от отца был разговорчивым, резким и вспыльчивым человеком. Мой папа больше молчал, отличался спокойствием и застенчивостью.

В глубине души я была довольна этими приходами, пан Теслюк благотворно действовал на меня, и как мне казалось, на моего папу. Казалось в его присутствии отцу будет спокойнее и безопаснее, во всяком случае приятнее идти темными улицами. Я радовалась, что они уходят вместе.

Пани Теслюк не стремилась поддерживать дружеские отношения с моей мамой. Из разговоров родителей я сделала вывод, что она не была счастлива со своим мужем. За его больной матерью требовался постоянный уход, пани Теслюк возмутилась и заставила мужа сделать выбор между матерью и женой:

— Решай, или я, или твоя мать. Дальше нам нельзя жить под одной крышей.

Ситуация героини из драмы Корнелия «Сид» — Имены — была такой же, когда она была вынуждена выбирать между любимым и отцом. Этот случай удивляет меня как проявление постоянства человеческих проблем. Пан Теслюк не послушал свою жену и она

от него ушла. Но судьба соединила их во второй раз после смерти матери. Следует отметить, что пани Теслюк была необыкновенной женщиной. Она принадлежала к тем «избранницам судьбы», которые уверены, что получают от жизни меньше чем заслуживают.

Человеческие амбиции бывают разными. Одни с малых лет стремятся достигнуть материального благополучия. Другие ищут славы на артистическом поприще. Третьи стремятся к дальним путешествиям, или к работе на океанских кораблях. Например, младший сын пани Теслюк мечтал стать моряком дальнего плавания, хотя в детстве никаких контактов с морем не имел и отец даже отговаривал его от подобных желаний. Однако после войны парень все-таки добился своего, стал моряком, доказав тем самым силу своего характера.

Пани Теслюк появилась на свет с уверенностью, что она случайно оказалась в нашей среде и должна принадлежать к высшему обществу. Однако она не показала достаточной настойчивости, чтобы получить образование, или выйти замуж за человека, который ввел бы ее в соответствующее общество. В то время приятная наружность и врожденная элегантность еще не была гарантией для осуществления такой мечты. Но после войны, потеряв мужа, она все-таки своего добилась — вышла замуж за отставного прокурора. Такой же тип амбициозной женщины появился в нашем ближайшем окружении в лице невестки пана Станислава Клышейко. Дом, в котором жила пани Клышейко, был собственностью трех братьев: Яна, Адольфа и Станислава. Самый старший — Ян был ее мужем, Адольф занимал маленькую комнатку со стороны огорода. Он занимался этим огородом и любил выпить с друзьями. Все его звали «дядя Доля», так его стали называть собутельники, стараясь утешить человека в его холостяцкой жизни. Станислав вместе с женой, сыном и дочкой жил в правой половине дома. Я не помню ни Яна, ни Станислава, из трех братьев только Адольф дожил до начала войны. Сын Станислава Эдвард и дочь Анеля обладали артистическими способностями. Я сама видела как пани Анеля на обыкновенном листе бумаги простым карандашом рисовала по памяти группу

детей на санках. По моему мнению рисунок был прекрасным. К сожалению этих способностей она не развивала.

Я встретила с ней после войны в Познани. Она жила с больной матерью в ужасном бараке. Всю неделю, которую я провела в Познани, она принимала меня на ночлег и устраивала на столе, стоявшем посередине единственной комнаты. Ее брат Эдвард перед войной учился в университете на художественном факультете, после войны окончил факультет биологии. Кроме этого он прекрасно играл на цимбалах. Этот образованный и талантливый мужчина из зажиточного дома взял в жены Сюзанну из деревни Бутрыманты — красивую блондинку с голубыми глазами и круглым личиком. Она принадлежала к типу женщин имеющих о себе слишком высокое мнение и желающих быть выше своего окружения. Есть народная поговорка: «Родилась пани, но Бог панства не дал». В случае с пани Сюзанной ее амбиции были удовлетворены сначала выгодным замужеством, потом подходящей должностью.

С семейством Теслюков связано одно смешное происшествие. Было это уже после войны в Щетине, где мы вместе поселились. Мои родители решили отпраздновать 25-летие совместной жизни и пригласили ближайших друзей и соседей. Гости собрались, а Теслюков все не было. Обеспокоенные, мы пошли к ним на другой конец города. К нашему большому удивлению пан и пани Теслюк сидели в праздничной одежде и дремали в креслах, ожидая нас. Они считали, что юбилеяры должны были прийти и лично отвести их к себе в гости. Кто бы ожидал, что люди из одного окружения могут иметь такие разные взгляды на приличия. Три года спустя после смерти отца пан Теслюк уехал с семьей в Гдыню и его след затерялся.

Я уже упоминала, что пана Адольфа Клышейко друзья называли «Дядя Доля». Уменьшительно-ласкательные имена были у нас весьма распространены. В то время я не знала, что мужские имена у нас выговаривают по-белорусски: Например: Метек — Мечка, Чесик-Чэська, Эдвард — Эдзик, Петрусь — Петра, Павелек —

Паулуша.

Сына пани Якимовой Александра называли Лёлек. Он был приятным блондином с легким косоглазием. Этот маленький дефект провоцировал друзей называть его Косым (ничего не показывало на то, что из него вырастет такой представительный мужчина). Он ходил в ремесленную школу вместе с Бронекком Клышейко и Чесиком Титовицким. Но настоящую кличку, не связанную с наружностью имел только мой брат, как и положено настоящему атаману. Никто не называл его иначе чем «Фирма». Брата совсем не обижало это прозвище, он воспринимал его как должное. Я думаю, что могу проследить происхождение этой клички: Фирма — Ирма — Ирмантович — Ярмонтович. Брат не хотел и не мог высказывать претензий по этому поводу, тем более что он был единственным парнем, имевшим такое оригинальное прозвище.

РАЗДЕЛ X

1939-1940 учебный год я начинала во 2-ом классе государственной гимназии им. Кароля Ходкевича в Лиде. Так получилось потому, что мама в ответ на мои настойчивые просьбы похлопотала о переводе меня туда из Купеческой гимназии пиарского монастыря, где я проучилась один год.

Я ничего не имела против этой гимназии, ее учителей, или учебных дисциплин, таких как счетоводство, товароведение, организация и реклама торговли. Все предметы сами по себе были интересными и стоящими изучения. От той учебы у меня остались навыки каллиграфического письма, не раз позже пригодившиеся, и навыки быстрого счета. Между прочим нам давали задания упражняться в быстром счете, применяя мысленное сложение цифр до десяти.

Не пугали меня и порядки в той гимназии, хотя они были более суровыми, чем в государственных школах. В государственных гимназиях обучение велось совместно, в то время как в Купеческой мальчики и девочки занимались в отдельных зданиях с разных сторон костела и не имели права встречаться или вместе

показываться на улице! Мой брат учился в той же гимназии в одно время со мной. Когда мне нужно было передать ему бутерброд, то приходилось это делать украдкой через забор, разделяющий два участка за костелом. Единственное, что мне не нравилось, так это слишком короткий срок обучения — три года.

Все мое школьное образование проходило достаточно неординарно и под влиянием двух равнозначных и взаимно дополняемых факторов. Во-первых, это решения моей мамы, которым в детстве я полностью подчинялась. Во-вторых, позже — мои собственные решения, которые, однако, складывались под влиянием случайных обстоятельств.

Так, когда мне исполнилось семь лет, родители решили, что я буду поступать сразу во второй класс. Я не знаю причины такого необычного решения. Я никогда не выделялась особенными способностями или исключительной памятью. Учеба всегда была для меня тяжелым трудом. Принимая такое решение, родители, видимо, учитывали мое раннее овладение умением читать и писать. К первому в моей жизни экзамену меня подготовила сестра. Такой перескок через первый класс имел важные последствия. Мои ровесники Тезя и Метек пошли в первый класс. А для меня сэкономленный год, учитывая надвигающуюся войну и несколько потерянных для учебы лет в конечном счете имел огромное значение.

После того как я окончила 6-ой класс начальной школы N 5 им. Людвика Нарбута, родители в результате долгих обсуждений и консультаций направили меня в трехлетнюю частную Купеческую гимназию. Они руководствовались чисто практическими соображениями. Посылая уже третьего своего ребенка в среднюю профессиональную школу, они желали обеспечить ему возможность как можно быстрее стать самостоятельным. К сожалению. В скором времени набрал силу второй фактор моих поступков — сильная тяга к науке, к самому процессу получения знаний. Она пробудилась во мне очень рано. Помню была еще такой маленькой, что не доставала головой до стола в спальне, где сосредотачивалась наша тогдашняя семейная жизнь, а уже решила для себя, что должна научиться читать так же хорошо, как и мои

родственники. Я подсознательно чувствовала, что без умения читать возможности познания мира будут ограничены.

Когда я начала учиться в Купеческой гимназии, опять дало о себе знать мое давнее стремление к науке. Оно становилось все сильнее и не давало мне покоя. Я не хотела ни самостоятельности, ни работы в торговле. Угнетала мысль, что мое образование продлится только три года. Будущее после окончания Купеческой гимназии представлялось какой-то пустотой, которую не знала как заполнить.

Манила к себе государственная гимназия им. Кароля Ходкевича. Учеба в ней виделась в самых розовых тонах. Сначала четыре года, а потом еще два года в лицее в том же здании, без необходимости уезжать из родного города и от семьи. Кроме того меня привлекали гуманитарные дисциплины. Искушение возвращалось вновь и вновь, пока я не высказала горячее желание перейти в общеобразовательную гимназию.

Здесь может возникнуть вопрос, почему я обратилась с этой проблемой к маме, а не к отцу? Любил ли меня отец меньше мамы? Или, может, не захотел бы мне помочь? Или я опасалась, что не поймет меня? Нет! Нет! Нет! Я не обратилась с этой проблемой к отцу, потому что чувствовала — он не является человеком действия. Подсознательно я понимала, что папа «принимал все превратности судьбы с полным спокойствием», безропотно им подчиняясь. Он никогда не вступал в борьбу с «обстоятельствами, которые мог изменить». Это исходило из врожденных черт характера, которые были сильнее его: то ли природной скромности и излишней впечатлительности, или другими словами, несмелости. Может быть он не обладал также врожденным даром понимания того, «что он может изменить, а что нет». Как я его понимала! Понимала потому, что унаследовала от него ту же несмелость.

Мама в отношении ориентации в жизненных обстоятельствах была прекрасным дополнением отцу. Она умела не только спокойно воспринимать все жизненные коллизии, но самое главное, обладала совершенным чувством того, «что можно изменить, а что нельзя». Она обладала той врожденной

мудростью, о которой молятся люди по всему миру. С той минуты, когда она знала, что «можно изменить», у нас хватало энергии это сделать. Поэтому часто то, что отцу казалось невозможным, для нее становилось реальностью.

По этой причине я обратилась именно к ней и она устроила мой перевод в государственную гимназию им. Кароля Ходкевича — во второй класс.

Неожиданно на первой же лекции я встретила моего учителя немецкого языка из Купеческой гимназии — пана Семиньского. Он меня тоже узнал и ласково поздоровался. В знак признания моих заслуг, он поручил мне проверить домашние задания учеников. Пан Семиньский использовал оригинальный метод обучения, который я поэтому и запомнила. Его учебные пособия в виде таблиц, иллюстрирующих склонение и спряжение были очень популярными, и применялись другими учителями иностранных языков. Однако особенностью метода этого преподавателя являлось разрешение ученикам надписывать карандашом польский перевод немецкого текста в книге. Обычно учителя запрещали такое «загрязнение» учебника, считая этот способ изучения языка недостаточно эффективным. Пан Семиньский же утверждал, что надписывая перевод над оригинальным текстом, мы таким образом используем зрительную память для быстреего запоминания слов. Не знаю как в дальнейшем сложилась судьба этого учителя.

Из других учителей Купеческой гимназии я хорошо запомнила пана Брыльского — учителя польского языка, и пани Бузирову. Это была красивая женщина в годах, брюнетка, средней полноты. Мы, ее ученики сильно удивлялись, когда она во время лекции не видела, что происходит в классе. Ученицы, сидящие за дальними партами, например, Галина Кульбицкая могли без всякой опаски смотреть во время ответа в открытую книгу. Я также заметила, что читая на карте географические названия, пани Бузирова очень близко приближала к ней глаза, едва не касаясь карты носом.

Говорили, что в нее влюбился молодой учитель, пан Янушик, который обучал нас технике и рекламе торговли. Помню, как на концерте классической музыки, который проходил в кинотеатре и

куда мы пришли всей школой, этот учитель громко бисировал менуэт Бетховена. Это, несомненно, свидетельствовало о его музыкальности. Никто из нас тогда не знал, что через несколько лет этот кинотеатр будет лежать в руинах, слушатели концерта разлетятся в разные стороны, а пан Янушик хотя и останется в Лиде, станет одной из жертв войны.

Известие о его трагической гибели глубоко потрясло меня. Было горько от этой бессмысленной жестокости судьбы. Говорили, что его случайно убили партизаны, когда обстреливали машину, в которой он ехал через лес по служебным делам. Я всем сердцем сочувствовала пани Бузировой, с которой пан Янушик связал свою жизнь и которая осталась без того, кого любила. Мне было ее очень жаль. Они оба оставили в моей памяти милые воспоминания.

После занятия города советскими войсками, наша гимназия превратилась в десятилетнюю школу с белорусским языком обучения. Большинство довоенных учителей оставшихся в школе, пользовались русским. Приехал новый директор, кажется, из Минска. Он тоже говорил по-русски, во всяком случае, это нельзя было назвать литературным белорусским языком.

Помню, как однажды он объяснял молодежи, почему в Советском Союзе существовала только одна политическая партия: — Капиталистические страны обвиняют Советский Союз в том — говорил он — что у нас существует только одна политическая партия. У них же действует неограниченное количество партий, что считается проявлением демократии. А зачем нам много партий, если союз рабочих и крестьян, скрепляющий два близких класса, представляет собой единство целей и задач? Зачем нам другие партии?

Он говорил это с какой-то торжествующей улыбкой, как будто его объяснение было удивительно простым и ясным.

Новая учительница, также прибывшая из Советского Союза — русистка Мария Наумовна преподавала в старших классах. Сестра говорила, что она была строгой, но на заключительном экзамене помогала всем ученикам.

Единственным учителем, который удивил меня владением белорусского языка, по моему убеждению, совершенным, был очень молодой учитель, еврей, Наум Голямполь. Как сейчас его помню — черный, красивый, с манерами уверенного в себе человека. В то же время видно было, что он происходил из беднейших слоев общества. Он учил нас геометрии, но однажды начал дискуссию на тему о существовании Бога. Обмен мнениями был настолько оживленным, что мы, ученики, напоминали свору, нападающих на него псов. Даже я поддалась азарту дискуссии, позабыв о своей несмелости. В какой то момент выкрикнула, срываясь со скамьи.

— Бог добрый! Бой никогда не карает!

Голямполь с триумфующим выражением на лице отбивал наши атаки как опытный футболист мячи. И на этот раз он язвительно возразил:

— О, нет! Бог тоже карает, когда нужно!

Я бы ему не поверила, если бы мои товарищи тоже не признали мое мнение ошибочным. Я сразу же сдалась и больше ничего не говорила. Надо признать, что мы тогда не могли равняться с ним по умственному развитию и не замечали логических ошибок в его рассуждениях. Признавая, что Бог насылает на людей кару, он тем самым признал и его существование.

Если вспомнила товарищей, то должна отметить, что с открытием школы на новых условиях, в нее быстро влилась еврейская молодежь. Перед войной в наших средних школах иногда попадались ученики Моисеевой веры, но они происходили скорее всего из самых богатых семей. Теперь же в школу хлынула целая волна, словно вода через открытые шлюзы. Один еврей, сидя со мной за одной партой рассказывал мне однажды, как выглядело обучение в частных еврейских школах.

— Учителя зависели от платы за наше обучение, поэтому спускали все наши выходки — говорил он. В то же время мы по этой же причине считали, что можем не слишком усердствовать в учебе и позволяли себе разные выкрутасы. Могли, например, во время урока разлечься на последней парте. Мы сильно досаждали своим учителям.

Помню, как я удивлялась лингвистическим способностям еврейской молодежи. Некоторые пользовались русским языком совершенно свободно. Зная о том, что некоторые богатые еврейские семьи перед войной говорили дома по-русски, я спросила однажды у своей одноклассницы-еврейки:

— Скажи, вы дома говорите по-русски? Откуда ты так хорошо знаешь этот язык?

— Да нет — отвечала та — иногда мы говорил по-польски, а так только по-еврейски.

Не было причин ей не верить.

Был еще один новый учитель, кажется из Минска. Не помню его фамилии (может это был Виктор Бутвиловский) да и не это главное. Хорошо помню то искреннее удивление, которое он у меня вызывал. Он вел, кажется, уроки физического воспитания и внеклассные занятия. Был молод, высокого роста, хорошего сложения. Глядя на него, создавалось впечатление, что по причине его явной несмелости он ходил как-то бочком. Эта манера находилась в разительном контрасте с размахом его начинаний.

За короткое время он организовал в школе две команды акробатической гимнастики, отдельно из мальчиков и девочек. Я сразу же записалась и не жалела об этом. Это были для меня совершенно новые переживания. Обе команды часто выступали в гимнастическом зале, при полном сборе.

Участники нашей команды создавали композиции, используя физические возможности девушек. Самые способные делали разные стойки, мостики, шпагаты. Мне с трудом удавалась стойка на руках с помощью подруги, которая поддерживала меня за ноги. Я любила наши эффектные выступления, атмосферу общего напряжения сил.

Ребята демонстрировали физическую силу, ловкость и отвагу, создавая на наших глазах многоэтажную пирамиду. Внизу стояли самые сильные, на их плечи вставали ребята полегче, и на них еще более легкие и заканчивалась пирамида эффектной стойкой на голове. Среди тех самых сильных, по моему мнению, выделялся Жоржик Вишневецкий.

Рядом с гимнастической командой, как гриб после дождя,

появился ансамбль песни и танца. Песни пели на белорусском. Они трогали меня своим романтизмом, поэтому некоторые из них я запомнила, например:

*Што за месяц, што за ясны
Калі узыдзе, калі не
Што за міленькі дружочак
Калі прыйдзе, калі не...*

Или:

*Скіну тулуп на паліцу
Сама выйду на вуліцу
На вуліцы скрыпка грае
Мяне маці не пускае.*

Танцы были русские народные, в том числе и «вприсядку». В танцах особенно способным оказался Сташек Игнатович, мой коллега из школы №5, брат Геньки, с которой я была в харцерском лагере на Немане. Выступления ансамбля песни и танца также характеризовались широким размахом, темпераментом и лиризмом. Не переставала удивляться, что такая эффективная артистическая деятельность была делом рук одного молодого человека, которого вообще не было заметно!

В школе возникла еще одна внеклассная организация по интересам — школьный оркестр смешанных инструментов. Конечно, я сразу же туда записалась. Пан Драмович, известный в Лиде учитель пения, хорошо проверял наш слух, но принял в оркестр всех желающих. Я играла на скрипке. Как я пришла к этому?

Да, я стала владелицей скрипки. Без каких либо заслуг и усилий с моей стороны. Она сама по себе ко мне попала. Как-то пришел к нам Валерий Попроцкий, муж моей самой молодой тети Гели и принес мне скрипку старую, но в хорошем состоянии, только смычок оказался стертый. Хозяин ее был неизвестен, обстоятельства утери также неопределенными. Шла война, началась миграция людей и находка скрипки никого не удивила. Я была благодарна этому дядюшке за то, что он помнил обо мне и хотел сделать приятное. Заслужил этим мою всегдашнюю благодарность. Что касается смычка, то отец доделал его из

настоящего конского волоса, вытащив его из хвоста лошади! Он добыл также канифоль и запасные струны. Я сразу же начала играть, подбирая части гаммы от мандолины к скрипке. Домашние смотрели на меня с удивлением. Как я узнала позже, соседи несколько раз видели меня стоящей над рекой и играющей в одиночестве и такой меня запомнили.

Произведения исполняемые оркестром были очень простыми, особенно партия скрипки. Как-то мы выступали в кинотеатре. В зале находилась моя мама. Она мне потом рассказала, что пан Драмович нервничал из-за партии скрипки, которая звучала слишком слабо. Я знала причину этого, очень странную для меня самой. Возле меня стоял другой скрипач, парень по фамилии Риппер. Как-то я с удивлением обнаружила, что он не играет, хотя двигает рукой со смычком, имитируя игру! Он не смог освоить такой простой партии как наша! Я еще и сегодня ее помню. Я удивлялась и одновременно огорчалась от его нечестности.

Среди многочисленных артистических выступлений в школе, один из номеров программы глубоко запал в моей памяти. И хоть он продолжался недолго, я не забыла о нем до сего времени.

Вижу перед собой гимнастический зал, погруженный в полутьму и заполненный до отказа. Из его гула тихо, как привидения, выступили три старших девушки и встали перед сидящими учениками. Я не видела их лиц, не знала кто они. Они запели довольно долгую песню-балладу на польском языке. Я запомнила ее почти полностью, такой она была романтической:

*«Читала я книгу — обычный роман,
В трех томах о счастье и разлуке.
Как кто-то с кем-то сплел в истоме руки,
И был навечно в мир любви отдан...
Уже не помню имена тех молодых.
Речь не о том, не нужно их имен,
Суть в том, что есть она и он
И в этом суть таких любовных книг...
Все началось из встреч, случайных слов,
Беседы те сплелись из сладких слов
Любой из них пленителен и нов*

Чудесен разноцветен — и окончен первый том.

*А после — грусть и горечь в сердце молодом
И плачет кто-то, горем мир печалю»
Потом же в окончательном финале
Начертано «конец» — и то был третий том.
Когда прочла, то думала о нас.
О счастье, о любви, что с нами была.
Она нас также позабыла
О ней и был написан тот романс..."*

Не смутила меня ни наивность слов, ни простота мелодии. Наоборот! Я была очарована романтизмом песни и печальная история любви, казалась взятым прямо из жизни примером извечно возрождающихся чувств между парнем и девушкой.

Трио, окончив песню-балладу, исчезло так же тихо, как и появилось, но не исчезло из моей памяти, о чем я здесь и свидетельствую.

РАЗДЕЛ XI

Шла война, названная историками второй мировой. Мама говорила — это уже третья война в ее жизни, что наводило на мысль о неизбежности войны в жизни каждого поколения. Народы Восточной Европы напоминали муравейник, в который вогнали кол, и представляли собой жалкое и одновременно ужасающее зрелище.

Одни мужчины «шли в бой» защищая независимость страны. Другие несли низшим слоям общества «освобождение из-под эксплуатации привилегированных классов», видя в них главное зло человечества. Дело дошло до перемещения с прежнего местожительства представителей этого высшего в общественной иерархии класса. Вместе с ними перемещали и административный аппарат, который обеспечивал неравный раздел привилегий. Тысячи людей спасались паническим бегством, снимаясь с обжитых мест.

В это время в моей незаметной жизни маленького муравья произошло чудо № 1. Исполнилась моя самая горячая мечта, до того времени неосуществимая. Без малейшего участия с моей стороны. Среди ужасов войны и как бы наперекор ей.

Было хорошее весеннее утро 1940 г. Я готовилась идти в школу, завтракала на кухне. Мама суежилась вокруг. В квартире было спокойно и тихо-обычный день. Неожиданно постучались в дверь кухни и вошла какая-то женщина средних лет. Я знала ее в лицо, она уже несколько раз приходила к маме. Это было новое знакомство последних месяцев. Женщина медленно вошла с озабоченным лицом. Мама пригласила ее в спальню; поскольку между спальней и кухней дверей не было, я могла свободно прислушиваться к их разговору, не прерывая завтрака.

После нескольких общих фраз, соответствующих приличию, женщина приступила к делу, с которым она пришла.

— Прошу прощения — сказала она медленно, неуверенным голосом — у меня серьезная проблема и я пришла спросить, может вы могли бы мне помочь?

— Охотно — отвечала мама — если только смогу.

— Моя проблема в том, что у меня есть рояль, но негде его держать. Это, правда, кабинетный рояль, но все же занимает много места. Последнее время он находился у моих знакомых. У них достаточно просторное жилье. Однако неожиданно им пришлось пустить к себе на квартиру родственников и моя знакомая не может больше держать инструмент у себя.

Женщина говорила запинаясь и действительно была весьма озабочена. Я же, услышав слово «рояль», перестала есть и вся превратилась в слух.

— Она просит сейчас же забрать инструмент, но что мне теперь с ним делать? Вы же знаете, я сама снимаю угол.

Наступила короткая пауза, во время которой я затаила дыхание.

— Прошу вас — выдавила из себя, наконец, женщина — может вы сможете взять рояль к себе? Средняя комната у вас достаточно большая, чтобы она поместилась и не мешала вам.

В ее голосе слышались просящие интонации.

— У вас две дочери. Возможно, они захотят учиться играть на

этом инструменте. Вы согласны?

Я сидела, как пораженная громом и не верила собственным ушам. Эта женщина со своей просьбой явилась как добрая фея, которая одним взмахом волшебной палочки исполнила мое самое горячее желание. Бальное платье Золушки и парадная карета из сказки казались пустяком по сравнению с таким неожиданным появлением в нашем доме рояля!

Благодаря этой женщине я подружилась с пани Ласковской, моей первой учительницей музыки. Пани Ласковская, похоже, не имела соответствующей квалификации для преподавания фортепьянной музыки. Вдова с двумя детьми, она работала в средней школе N 5 учителем рисования. Была родом из Житомира и говорила о родстве с семьей известных художников Коссаков. В нашей простой среде она была заметным явлением. Ее артистический темперамент и глубокая любовь к музыке, создали тот фундамент, на котором возникла наша долгая дружба.

Внешность ее также была необычной. Маленькая, худенькая с седыми прямыми волосами, обрезанными без всяких претензий, как у девочки. Эти ее белые волосы я помню с самого начала нашего знакомства, но это была преждевременная седина. Вместо привычных очков она пользовалась старомодным биноклем. Всегда имела хорошее настроение и была доброжелательна к людям.

Так как у нее не было своего инструмента, она приходила ко мне на занятия два раза в неделю. Пани Ласковская высоко ценила мое трудолюбие и методичность. В то время я занималась только три часа в день. В школе у меня была вторая смена, домашние задания готовила вечером после школы, а утро могла посвящать упражнениям на рояле. Помню свой режим дня, который сама себе определила и старательно выполняла. Не очень-то легко было изо дня в день вставать утром и садиться к инструменту. Остальные члены семьи еще спали. Нужно было собирать волю в кулак и преодолевать желание поспать.

Пани Ласковская легко привила мне два принципа, обязательных для будущей пианистки. Она велела:

1. Упражняйся регулярно, каждый день.

2. Береги руки — пианистка не должна носить ничего тяжелого.

Я с большой охотой, даже с рвением выполняла оба принципа, тем более, что условия для этого были самые благоприятные. Я не только не выполняла в доме какую-либо тяжелую работу, но не было необходимости работать по дому вообще. Родители все труды выносили на своих плечах, ничего на меня не перекладывая. Кроме того, я была самой младшей в семье и имела полную свободу действий. Помню, мы пошли с отцом по грибы. Насобирали много, корзина была очень тяжелой, но я и не подумала помочь отцу, так как берегла свои руки. Сожаление и стыд пришли позже, я поняла, что это было большим эгоизмом с моей стороны. Если говорить о регулярных упражнениях, то мне казалось, что на свете нет ничего более приятного! Окончилась компания ровесников. Окончились частые визиты к Яде. Теперь она приходила ко мне, чтобы послушать мою игру, и даже быстро выучила несколько самых приятных мелодий из школы Бейера! Я не без зависти удивлялась ее явным способностям. Доказательством моей систематичности в работе пусть послужит следующая сценка из того времени:

Однажды ко мне пришла новая школьная приятельница Ядя Ольшевская. Я знала, что она приехала в Лиду из СССР вместе с семьей своей сестры и хотела с кем-нибудь подружиться. Поскольку она жила в доме Шумилевича, недалеко от нас, то в первую очередь обратила свои стопы ко мне. Я все это понимала и ничего не имела против нее самой. Однако она имела несчастье явиться утром до школы, и как водится у молодежи — без приглашения. Я была очень недовольна этим визитом, потому что он совпал с моими ежедневными упражнениями на рояле. В то же время боялась показаться негостеприимной. Быстро приняла решение. Посадила ее на стул посреди комнаты и завела дружескую беседу, спокойно продолжая играть. Надо признать, что подружка проявила большое терпение в поддержании такого оригинального способа общения и не казалась обиженной. Вскоре оказалось, однако, что это был первый и последний ее визит ко

мне.

РАЗДЕЛ XII

В июне 1941 года, после нападения немцев на Советский Союз в нашем районе возобновились военные действия. В результате немецкой бомбардировки зажигательными бомбами центра Лиды город охватили пожары и он был практически разрушен. Огонь распространялся с огромной скоростью и из-за реки приближался к нам.

Ожидая самого худшего, родители начали упаковывать и выносить вещи из дома. Остался только рояль. Я была совершенно выбита из равновесия и не знала, что делать. На всякий случай начертила на его зеркальной, теперь покрытой пылью поверхности, знак креста. Когда каменный дом Ярки уже превратился в стену красного огня, мужчины вытащили рояль. Уже горели хозяйственные постройки и было так горячо, что я удивлялась, как они выдерживают эту жару. Мне она казалась невыносимой. Помню, как дядя Александр инстинктивно заслонил лицо пиджаком, что явно не очень помогло. Наконец рояль стоял на лужке на безопасном расстоянии от огня. Он очень странно выглядел на открытом месте.

То, что произошло позже, долго вспоминалось нашей семьей, как драматическая битва за спасение соседнего бабушкиного дома, под номером 13. Поскольку наш дом уже сгорел, все усилия спасателей сконцентрировались на нем, где мы могли бы найти приют. Спасателей было много. Кроме моих родителей, родственников и брата отца дяди Александра в деле активно участвовали несколько соседей, заинтересованных в сдерживании этого все — уничтожающего бедствия. С готовностью помочь прибежал Валерий Попроцкий. Тот самый, от которого мне досталась скрипка. История его недолгой жизни была трагичной. Он был в подполье Армии Краевой. В Лиде ему стало опасно оставаться и он решил уходить в лес. Попрощался с женой и 3-летней дочерью и вышел из дома. Однако далеко не ушел. Подходил уже к мостику над Лидейкой, когда неожиданно наткнулся на патруль власовцев. Видимо, он решил, что они идут его арестовывать, поэтому повернулся и бросился бежать через

огороды на Росляках. За ним погнались, стали стрелять, ранили и схватили. Он умер в тюрьме. Его тайком похоронили в лесу немцы, но ночью тетя откопала тело и перевезла на сельское кладбище около Лиды. Светлая ему память!

Сидя на огороде среди вынесенных вещей, я не замечала всех этих усилий по спасению дома. Издали только слышала отчаянный крик, видела беготню от реки к дому и людей на крыше. Я даже позволила сгореть своим нотам, совсем забыв о них!

В конце концов люди одержали победу над стихией и пожар был приостановлен. Можно без преувеличения сказать, что задержав огонь, наша семья спасла Заречье. Мне приятно, что это стало нашей «исторической миссией», хотя мы не планировали ее сознательно. Можете себе представить, что произошло бы, если бы не спасли дом номер 13! Пожар легко уничтожил скученный, но все же каменный центр города. С нашей стороны реки он сжег как соломой каменный дом Ярки и деревянную пивную Сорки, совсем рядом с домом N 13. Дальше располагалась деревянная застройка Заречья и многочисленные сараи, крытые соломой. В такой ситуации достаточно одной искры, чтобы все пошло прахом.

С другой стороны улицы пожар дошел до дома семьи Титовицких, уничтожив его дотла. Титовицкие нашли убежище сначала за городом в одном из тех домиков, мимо которых мы ходили в лес за ягодами. Потом перебрались в район Фермы, откуда была родом мама Яди. Ядя позже рассказывала мне, как во время пожара она так испугалась, что смогла вынести из дома только будильник! Эту семью постоянно преследовали несчастья. Всего несколько лет спустя, их дом сгорел во время бегства немцев.

На следующий день после пожара, мы вместе с дядей Сашей вышли в город. Не знаю почему в это странное путешествие он взял именно меня, видимо, случайно.

Дядя Саша был старшим из четырех братьев. Внешне он отличался от моего отца. Не имел таких красивых черных волос и

был намного щуплее. Больше походил на бабушку Юлю, высокую худую старуху с седыми волосами. Мой папа похоже, получил свою внешность в наследство от отца, которого я никогда не видела. У дяди Саши было специфическое лицо по причине деформированного носа. В результате болезни и операции часть носа была удалена. Это в глазах людей делало его некрасивым, но я воспринимала его лицо как нечто привычное и само собой разумеющееся.

В то же время характер и привычки были у братьев одинаковыми. Не курили, совсем не употребляли алкоголя, были очень немногословны, но всегда в хорошем настроении. Как типичные домоседы избегали компаний.

В молодости, перед первой мировой войной дядя работал на железнодорожном телеграфе, а по профессии он был электриком. Только однажды он начал вспоминать те времена, словно хотел избавиться от глубоко затаенного переживания. То, что он мне рассказал, лучше всего свидетельствует о его глубокой порядочности. Это произошло, когда он проводил свет в доме какого-то еврея. Во время работы он должен был забраться под потолок. И вдруг увидел на изразцовой печи, заметную снизу очень красивую шкатулку. Заинтересованный, он поднял крышку и от удивления едва не упал с лестницы. Шкатулка была полна драгоценностей, каких он никогда в жизни не видел. Первым чувством был страх, что его могут обвинить в воровстве. Он поспешно закрыл шкатулку и как ни в чем не бывало продолжал работу. Через некоторое время в помещение вбежал явно встревоженный еврей — хозяин и сразу же полез за шкатулкой, чтобы удостовериться в сохранности своего сокровища. Все происходило без слов.

В то утро, сразу после пожара, мы с дядей отправились на осмотр города. Благодаря этому я стала одним из первых непосредственных свидетелей исторического перелома в жизни Лиды. Ее культурно-торговый центр перестал существовать и вместе с ним довоенная Лида исчезла навсегда. Уцелели оба костела, но сгорела синагога, расположенная между рынком и Школьной улицей. Как будто в предвидении, что скоро уже

некому будет служить!

Ни одно строение не уцелело на участке между костелами. Как по волшебству исчезла библиотека, куда я часто заглядывала и гостиница, внутри которой я ни разу не была. Будто растворился в воздухе маленький книжный магазин пани Шкоп, вместе со школьными учебниками. В прах обратились учебники польского языка «Говорят века» вместе с напечатанными в них прекрасными стихами и возвышенными мыслями, как например, этот фрагмент.

*«... Может быть над рекой Лимпопо
Будет черный друг тебя ждать.
Ведь живет на земле человек для того,
Чтоб другого человека понять!»*

Так «второй» человек превратил в ничто возвышенные слова и сбросил на наш город зажигательные бомбы, нисколько не пытаясь понять его жителей! Исчезли кинотеатры с пронумерованными местами, где можно было просидеть несколько сеансов подряд. Обрушились все магазины, большие и маленькие, те самые с элегантными витринами, о стекла которых расплющивались наши носы в восхищении от шоколадных зайчиков, баранок и яиц с сюрпризами внутри. И те, с обувью, в которых продавец сажал маленького клиента на столик и, стоя на коленях, примерял ему несколько пар сапожек. Такое внимание было возможным потому, что клиентов обычно приходило немного — летом мы ходили босиком, а зимние сапоги носили до полного износа.

Перестали существовать магазины одежды, где продавец сам одевал клиента, расхваливая товар так, что каждая следующая вещь по его мнению была шикарнее и еще более к лицу!

Только в воспоминаниях остались текстильные магазины, хозяева которых встречали каждого потенциального покупателя многократным поясным поклоном и лично провожали к дверям, уверяя в своей готовности служить и далее.

А эти мясные лавки, возле которых нельзя было равнодушно пройти из-за роскошных запахов, даже купленные в них мясные обрезки имели неповторимый вкус! Этот мир исчез с началом

войны, а пожар уничтожил все его следы. Мы шли с дядей хорошо знакомой улицей Сувальской, но то что мы видели уже не было улицей, а скорее какой-то неровной дорогой. По обе стороны как стены возвышались высокие завалы обожженного кирпича с бесформенными грудями железа. Развалины еще тлели, кое-где вверх поднимался дым и от пепелищ тянуло жаром. Была хорошая погода, блестело на солнце железо из развалин, вокруг стояла тишина, от которой становилось еще страшнее.

Подвалы сгоревших домов были большей частью открыты, в некоторых остались, брошенные в спешке товары. Всех их владельцев как будто смело ветром — разлетелись в поисках спасения, куда судьба снова не свела их в гетто!

Руины и развалины оставались в городе долгое время, до самого конца войны, однако они уже никогда не производили на меня такого впечатления, как в тот раз сразу же после пожара. Они уже не дымились, почернели и не заваливали тротуары. Тем не менее — мы старались обходить их стороной.

В лучшем состоянии находилась южная часть города, на нее упало всего несколько бомб. Я убедилась в этом по пути к дому Шумилевичей, возле соединения улиц Гористой и Гражины. Там жила моя школьная подруга, приехавшая из СССР, Ядя Ольшевская та самая, которая однажды была у меня с визитом и с которой мы недавно тряслись от страха перед ответом урока физики. Не понимаю откуда у меня взялся этот страх, может быть передался от Яди. Помню, как она горячо повторяла: «Боже! Боже!, а я боялась вместе с ней.

Я шла к дому Шумилевичей через их огород, прямо посередине, как вдруг, с правой стороны глазам моим предстало ужасное зрелище! Опершись плечами о забор, сидела женщина с неестественно вытянутыми ногами и руками. Заметила, что на ногах у нее были толстые чулки и домашние сандалии. Глаза широко открытые и неподвижные, как у куклы. И вся ее фигура напоминала куклу. Подойдя ближе, я убедилась, что это труп сестры Яди. Меня охватил такой панический страх, что я бросилась наутек. Даже не увидела, что стало с домом.

Позже я узнала некоторые детали этой трагедии. Немцы наступали так быстро, что их атака была неожиданной даже для советских войск, расположенных в Лиде. Об этом свидетельствовала судьба семей военных, которые не имели времени на планомерную эвакуацию в глубь СССР. По семью Яди, то есть ее сестры и деверя, военный грузовик приехал в последнюю минуту. Ядя успела схватить ребенка своей сестры, а та была убита осколком бомбы и осталась непогребенной!

Через несколько дней после пожара маму навестила пани Анна Бинькевич, ее подруга времен девичества. Она жила с семьей на Сувальской, сразу за Школьной улицей. Я знала, что она слишком быстро говорила. Даже мама не всегда могла ее понять.

По своей привычке она вошла в кухню. На этот раз она выглядела и говорила не так как обычно. Помню, я сидела за роялем и разучивала сонату Моцарта. Однако, долетевшие из кухни слова, заставили меня прекратить игру. Я безмолвно замерла возле рояля, потому что пани Бинькевич плакала!

— Слушай — долетел до меня ее голос — мой сын мертв. Мой младший сын, Казик, мертв.

— Что ты говоришь, Анька! — закричала моя мама, как это мертв? Что случилось?

— Его убило бомбой. Он словно сам себе искал смерть. В тот день, когда стали падать бомбы, мы все разбежались. Не знали куда спрятаться. Он со своим дядей спрятался в соседнем здании. О боже! Зачем он туда забежал!

Она опять прервала рассказ и залилась слезами. Мама также как и я сидела тихо, придавленная ее болью.

— Когда самолеты улетели, мы не знали где его искать. Мы все ждали и ждали, может сам придет. Искали повсюду, но его нигде не было. Потом стали разгребать развалины соседнего дома, Я нашла его перочинный нож. И ничего больше от него не осталось. Сторел полностью. Только ножик остался!

Что можно сказать охваченной горем матери в такую минуту? Мы не находили слов утешения. Я боялась пошевелиться, чтобы не обратить на себя внимания.

— Я думала, что они поженятся с твоей младшей дочкой. Оба они такие музыкальные. Она ему нравилась. Рассказывал мне, что на репетиции оркестра, куда они вместе ходили, дочка твоя говорила, что у нее не было струн. Он хотел ей помочь. Была бы у меня невестка — твоя дочка, а теперь? Боже! Боже!

Мое сердце буквально замирало от жалости и сочувствия. Я сознавала, что что-то хорошее и желанное прошло мимо и исчезло безвозвратно. Эта неожиданная потеря причиняла боль. До сего времени помню эту раздирающую сердце жалость. Чувство бессильного отчаяния.

Когда годы спустя я навестила пани Анну в Прокотиме под Краковым, уже после смерти мамы, она вообще не завела разговора о сыне. Время залечило раны. А может мне это только показалось?

В уцелевшем доме N 13 мы сначала занимали только одну комнату. Через некоторое время пани Садовская — квартирантка, смогла выехать, несмотря на трудности с поисками крыши над головой в сожженном городе. С этого времени мы имели в своем распоряжении все жилье. Оно размещалось в правой половине дома со стороны замка. Квартира была меньшей за прежнюю и имела только один вход через крыльцо. Из довольно большой прихожей входили прямо на кухню, справа находилась большая комната, где стоял рояль. Спали мы в проходной комнате между гостиной и кухней. В кухне новостью для меня был настоящий насос для накачки воды! Мы имели ее в ограниченном количестве, из-за его малой мощности.

Наш новый дом оказался первым среди уцелевших со стороны города и виден был издалека. Вскоре он стал известным всей округе из-за моего музицирования. Я сидела за роялем возле окна со стороны замка и играла почти без перерыва. Все люди, направляющиеся из Заречья в город и обратно, должны были проходить мимо нашего дома и слышать мою игру.

Дом находился недалеко от соединения улиц Освобождения и Гражины, которая в свою очередь соединяла Сувальскую улицу с шоссе, ведущим в направлении Немана. Это была главная

коммуникационная артерия города. Вечером, в темноте, когда нельзя было зажигать свет во время комендантского часа, грозно блестели фары автомобилей, идущих по шоссе и освещающих комнаты нашего дома.

Первый раз я увидела немецкого солдата у реки, где мыла ноги перед сном. Он медленно подошел со стороны мостика и спросил, что я делаю. Я его поняла и ответила по-немецки, стараясь говорить правильно, что мою ноги. Тогда он спросил откуда я знаю немецкий. Ответила, что учила этот язык в школе до войны. Он удовлетворился ответом и отошел.

Днем на наше крыльцо приходили немцы. Они были молоды и спесивы, весело говорили с мамой по-немецки. Мама не без умысла сообщила им, что помнит немецкий язык еще со времен первой мировой войны. По моему теперешнему мнению, это не было для немцев основанием считать, что они оставили такие глубокие следы после того своего непрошенного визита на наши земли.

Немцы не вели с нами дискуссий по поводу существования бога, как это делали два года назад русские офицеры. Зато каждый солдат на пряжке поясного ремня носил надпись «С нами бог». Это означало, что в отличие от нас они имели непосредственный контакт с богом и его благословением, и что это вдохновило их на миссию подчинения себе народов Европы. В разговоре с мамой они с презрением говорили о русских, называя их «русские свиньи». Мама была уверена, что если в нашем присутствии они называют русских свиньями, то между собой поляков они тоже называют «польские свиньи».

Благодаря практическому знакомству с немецким языком моей мамы, а также ее присутствию духа, она несколько раз спасла нас от неприятностей во время немецкой оккупации.

Первая опасная ситуация возникла в связи с выполнением приказа о завешивании вечером окон для маскировки освещенных помещений. Это распоряжение скрупулезно нами выполнялось и мы всегда вешали плед на окошко в кухне, где проходила наша семейная жизнь. Однако как-то случилось, что кто-то из нас пренебрег этой обязанностью и произошел конфликт с немецкой

властью. Незадолго до отхода ко сну на кухне вдруг погас электрический свет. Мы сняли с окна плед, но забыли повернуть выключатель. Уже все спокойно спали, когда нас неожиданно разбудил стук в дверь. Мама вскочила первой и побежала посмотреть, что произошло в одной ночной рубашке. Я затаилась в кровати. Услышала громкий голос грозно что-то выкрикивающий по-немецки, вперемежку с покорным голосом моей мамы, непрерывно повторяющей «простите меня». Оказалось, это был жандарм, который проходя возле нашего дома, увидел явное доказательство игнорирования распоряжений властей и пришел покарать виновных. Потом я услышала, как этот же крик послышался ближе, в кухне и раздался треск бьющегося стекла. Как мы могли догадаться, это был звук от разбитой о стол лампочки. Мама позже заверяла нас, что таким мягким наказанием мы отделались только благодаря ей. Потому что в доме была пожилая женщина и говорила на родном языке жандарма. Я верила ее словам.

Другой раз какой-то немец зашел в бабушкин сарай, который днем обычно был открыт и вышел оттуда с нашим дамским велосипедом. К счастью мама находилась поблизости и быстро оценила ситуацию. Она стала просить немца по-немецки, чтобы тот не забирал велосипед, так как он принадлежит ее дочери. На удивление, вмешательство мамы окончилось успешно и велосипед еще долгие годы оставался в нашем владении. Он пропал только после войны, уже в Польше, украденный из закрытого подвала.

Как-то мой брат влип в большую неприятность. Он сидел на каком-то столбике возле нашего сгоревшего дома и смотрел на прохожих, идущих напрямик от ул. Освобождения к мостику. Проходил этой дорогой немецкий солдат. Не знаю точно, действительно ли были у него какие-то основания, но не понравилось ему выражение лица моего брата. Он остановился и начал грозно кричать, что тот своей ухмылкой оскорбляет его, немца! Ситуация была неприятной, но к счастью для брата на помощь прибежала мама. Она стала объяснять немцу, что ее сын ухмыляется сам себе, потому что такой уже он дурачок от

рождения и нужно его извинить.

Теперь мне ясно, что объяснение мамы, хотя и убедительное, было достаточно рискованным. Мы знали, что немцы безжалостно уничтожали умственно недоразвитых людей, особенно других национальностей. Например, на нашей улице перед войной жил «Альбертка», молодой человек, умственно недоразвитый, хотя и не опасный. Мы часто видели, как он маршировал быстрым шагом по улице, отмахивая в такт правой рукой. Потом вдруг останавливался, чтобы сделать энергичный поворот кругом. Альбертка неожиданно исчез из нашей округи, говорили, что его застрелили немцы.

Я лично тоже имела столкновение с немцем. Это было уже в конце войны в последний год. В то время был у нас свой радиоприемник, купленный по случаю, его спрятали, замуровав под кухонной печью, потому что имелся приказ, запрещающий слушать радио. Однако мы знали ситуацию на фронте с СССР и знали, что немцы отступают. Они уже не вызывали у нас страха. Однажды какой-то одинокий немецкий солдат разбил палатку на берегу Лидейки. Он был виден нам как на ладони. Как-то после обеда он подошел к нам, собравшимся на крыльце. Он, видимо, был не простым солдатом, культурный, вежливо принял участие в разговоре. В ходе общего разговора он незаметно предложил мне пойти с ним в палатку, обещая дать шоколад. Я отреагировала тем же спокойным тоном, что мне не разрешит мама. Мы предполагали, что это был дезертир.

РАЗДЕЛ XIII

Стояло позднее лето 1941 года. Тишина и покой заполняли наш дом. Через открытое окно струился разогретый воздух. Я была совершенно одна, поглощенная музыкой. Родители отправились на дальнее поле на конце Мостовской улицы. Неожиданно во дворе слышались голоса и через минуту в мою комнату вошли несколько молодых мужчин. Одного из них я знала, он был сыном хозяйки рояля. Он приходил к нам несколько раз. Первый раз когда мы жили еще в прежнем доме. Тогда он сам играл и говорил с сестрой о музыке. После пожара он появился снова. С радостью воспринял известие о спасении рояля. Мама угостила его свежими

блинами.

— Я приехал забрать рояль — без всякого вступления сказал он и мужчины стали готовить инструмент к транспортировке. Однако они натолкнулись на укрытые под ним копчености и остановились, считая, что не могут трогать чужую собственность.

У меня был только один выход.

— Я сбегала за родителями — и тут же умчалась. Бежала через всю Мостовскую улицу без памяти, как будто на крыльях отчаяния. Была еще слабая надежда, что, может, родители не отдадут рояль, может что-нибудь придумают. До этого времени они всегда знали что делать!

На этот раз, к сожалению, ничего не получилось и хозяин уехал, увозя с собой свою собственность, совершенно равнодушный к тому, чем стала для меня эта его собственность. Как говорится в старой народной пословице: «С чужого воза и на половине пути слезешь». Так и я оказалась на середине пути, бесцеремонно сброшенная с чужого воза.

В нашей семье наступило замешательство. Все уже привыкли к тому, что я играла без перерыва. И хотя кроме меня никто даже и не дотрагивался до клавиатуры, все понимали значимость моей потери и сочувствовали мне. Даже моя сестра, которая никогда не проявляла ни малейшего желания играть и должна была терпеть мое безостановочное «бренчание», вдруг сказала:

— Я буду работать, чтобы купить тебе рояль.

Я оценила этот высокий порыв сестринского сердца. Однако ее благие намерения, похоже, должны были так и остаться благими намерениями. Тогда произошло нечто неожиданное. Отец философски оценил это происшествие: «Счастье одних основывается на несчастье других». Это очень пессимистичная сентенция. Разве может на самом деле человек быть счастливым только за счет другого?

Немцы начали свою истребительную акцию против евреев. Вскоре после своего прихода они ввели ношение евреями желтых звезд на левой стороне груди. Потом запретили им пользоваться тротуарами. С этого времени евреи имели право передвигаться только по проезжей части вместе с лошадьми. Тем самым они

были приравнены к животным. Я воспринимала все это как страшное надругательство над человеческим достоинством и ощущала это как касающееся лично меня. Несколько раз я видела группки еврейской молодежи с метлами и лопатами на уборке города. Среди них были мои одноклассницы, в том числе и та, интеллигентная и красивая, которая импонировала мне знанием русского языка. Я так сильно стыдилась их унижения, что делала вид, будто никого из них не узнаю. К несчастью, я всегда слишком близко к сердцу принимала людское горе.

Я объясняю это своей излишней впечатлительностью. Помню аналогичный случай, когда пани Клышейко вернулась из советской тюрьмы. Она некоторое время провела в тюрьме до депортации в Казахстан. Я увидела ее через окно нашего дома, но не хватило смелости показаться ей на глаза. Я пряталась за листьями фикусов, словно от чувства вины. А ведь в таких случаях, когда у людей горе или неприятности, надо вести себя иначе. Нужно подойти, поздороваться, выказать сердечность и готовность помочь. Так поступала моя мама. Я этого тогда не понимала. Впрочем, определяющими причинами наших поступков являются спонтанные рефлексии. Разум здесь играет, к сожалению, второстепенную роль.

Следующим распоряжением немцев относительно евреев был приказ оставить свои дома (после пожара их немного и осталось) и переселиться в определенный район, называемый гетто. Оно находилось в северной части города. (Я несколько раз ходила туда с пакетами, которые тетя Нюта передавала через меня своим бывшим жильцам)

Помню, однажды пришла к нам Дверка, дочка Сорки, бывшей хозяйки пивной. Она смеялась и этот смех произвел на меня жутковатое впечатление. Она рассказала, что в такой безнадежной ситуации, в которой оказались евреи, им ничего не осталось кроме смеха. Это было выражением безнадежного отчаяния. Тогда я увидела еще слезы, медленно сползающие по ее щекам. Казалось, она не замечает этих слез, будто они появились из-за холода, было и правда холодно. В будущем, много раз видя слезы на щеках у старых людей во время холодов, я всегда вспоминала эту молодую

еврейку, которая жила рядом с ними от самого своего рождения и однажды пошла на смерть вместе со своим народом.

Мы удивлялись их покорности. Почему они не оказывали никакого сопротивления? Может быть трудно было не подчиниться приказу ходить по проезжей части, возле лошадей и с желтой звездой, как с клеймом. Но когда их вели за город к выкопанным ямам на расстрел — почему они не организовали сопротивление? Я знаю, что несколько человек убежали из гетто. Таким образом спасла свою жизнь дочка небогатого портного, который после начала войны 1939 г. жил в доме № 13. А ее старшая сестра была застрелена в тот момент, когда выскочила из шеренги и бросилась бежать. Мы, девушки, между собой говорили, что она, видимо, предчувствовала близкую смерть, потому что совсем не берегла свои красивые платья, как это все мы делали.

Говорили, что в расстреле евреев участвовала полиция, которую набрали из наших парней. Это было также своего рода бесчестье немцами молодых поляков.

Мой добрый ангел пани Ласковская начала энергичные поиски рояля. И на этот раз мне исключительно повезло, так как первый же человек, к которому она обратилась по этому делу, как раз хотел избавиться от так желанного мною инструмента. Случайно оказалось, что это был еврей. Его семья вместе с другими получила распоряжение немецких властей немедленно перебраться в гетто. Новые условия жизни в гетто совершенно исключали возможность забрать с собой роскошную мебель и прочее.

Рояль фирмы Беккера был кабинетным, не слишком большим, в хорошем состоянии. По причине вынужденных обстоятельств, в каких находились евреи, его цена была пожалуй невысокой, но для мамы непомерно большой (3100 рублей). Я пишу «для мамы», потому что именно она в нашей семье бралась за рискованные дела, взялась и сейчас.

Таким неожиданным образом я стала хозяйкой настоящего рояля! Все остальные благоприятствующие обстоятельства проявились как-то вдруг, как будто специально, чтобы облегчить

мне науку музыки.

У меня имелось бесконечно много свободного времени. Я не ходила в школу, в то время в Лиде вообще не было школ. У меня была милая, приятная мне учительница музыки, которая приходила ко мне давать уроки. Сложились очень благоприятные условия для учебы, которые я тогда не оценила надлежащим образом. Мы жили в одноэтажном домике без соседей ни за стеной, ни внизу, ни вверху, никто не высказывал возмущения в мой адрес. Полная свобода. Что касается моей близкой и дальней родни, то они проявляли какое-то невероятное терпение к моему непрерывному «бренчанию». Я не замечала с их стороны ни малейшего проявления недовольства. Впрочем, честно говоря, я совершенно не интересовалась их реакцией.

Можно ли себе представить лучшее исполнение желаний? Во время войны и как бы наперекор войне!

Дни, после этого события были однообразные, но одинаково прекрасные, поскольку я могла безраздельно отдаться музыке. Я помню расписание моих ежедневных занятий в то время. Вставала рано, где-то после шести часов утра. Выходила в маленький садик, со стороны замка, чтобы открыть ставни окна (того самого, где перед войной рос развесистый каштан — мое надежное убежище). В нашем новом жилище имелись ставни, открывающиеся снаружи. Независимо от того, было в помещении тепло или холодно, я садилась за рояль. Начинала всегда с гамм, чтобы размять пальцы. Я очень любила это упражнение и с удовольствием играла одну гамму в разных вариантах — октавах, терциях, секстах, децимах, в мажоре, миноре, позже, соответственно, трезвучие, доминанту септима. То же самое и с хроматической гаммой. Со временем, для разнообразия я сделала (по совету пани Эммы Альтберг) что-то вроде лотереи. На небольших квадратиках бумаги написала все варианты гамм и поместила их в мешочек. Наугад вытягивала эти квадратики, один за другим, чтобы играть «вразбивку».

Произведения для исполнения мне доставляла пани Ласковская со своей библиотеки. К сожалению, они не разделялись по степени сложности. После школьных пьес Рожицкого и Бейера и

нескольких салонных композиций, очень приятных для уха; после сонат Клементи, Кулау и Днабелли я приступила к сонатам Бетховена. Они были трудными и чтобы в них разобраться я тратила много времени. Зато углубление в мелодию, открывание все новых музыкальных фраз было наивысшей наградой за труды. Из полифонических произведений я почти сразу приступила к прелюдии и фуге Иоганна Себастьяна Баха. Не припомню, чтобы в то время я играла «мелкие произведения» или инвенции.

Между тем просыпались домочадцы, мама топила печь, если было холодно и готовила завтрак. Я очень мало времени отводила себе на еду, самое большее 10 минут, так торопилась снова играть. Помню, брат однажды пробовал взбунтоваться против моего бездельничанья, я и сама испытывала некоторые угрызения совести оттого, что не помогала родителям. Но отец занял весьма решительную позицию в этом деле. Он коротко заметил, что моя игра — это наука, а, значит, и работа. У меня были очень хорошие родители, добрые и снисходительные. Мое сидение у рояля часто продолжалось до 17 часов. Помню, как тетя Геля, будучи однажды у нас, сказала уважительно:

— Или из тебя что-нибудь будет, или не будет ничего.

Насколько эта сентенция по своей неясности похожа на предсказание Пифии, настолько тетя в конце концов оказалась права. Мой контакт с музыкой начался многообещающим, но, к сожалению, окончился фиаско. Если только можно назвать «фиаско» богатство эстетических впечатлений, выпавших на мою долю, незабываемые минуты духовных взлетов во время открытия прекрасных музыкальных фраз и мелодических линий в исполняемых мной произведениях. Нет! Эти долгие дни самозабвенного музицирования, ни в коем случае не могут быть названы напрасными. Это был для меня подарок судьбы. Можно с полной уверенностью сравнить этот дар с материализованным пожеланием влюбленного мужчины своей возлюбленной:

— Я бы хотел небеса к тебе склонить!

Я и жила на небесах. Вокруг шла война и люди убивали друг друга.

РАЗДЕЛ XIV

Одним июльским днем (помню, это было 7 июля 1942 г.) в мои руки попала очень интересная книжка, написанная венгерским ксендзом Арпада Тота «Юноша с характером». Я помню, она учила читателей как воспитать в себе силу воли. Она сразу же захватила меня. Автор доказывал, что от нас самих зависит воспитание нашей воли и формирование сильного характера, с помощью которого мы можем преодолевать любые трудности и побеждать. Многочисленные приведенные примеры подтверждали эти призывы.

Например, один пианист, потеряв правую руку, не сломался психологически, а путем настойчивых упражнений сумел достичь такого совершенства в игре левой рукой, что слушатели не замечали разницы!

Простым способом, но очень успешно, можно бороться с чрезмерной любовью к сладостям. Достаточно поставить перед собой вкусное пирожное и как можно дольше оттягивать момент его съедения. Видимо, вместо пирожного можно использовать другое любимое блюдо. Через некоторое время научишься не поддаваться соблазну.

Если речь идет о нелюбимых блюдах, по нашим понятиям невкусных, то мы должны стремиться овладеть искусством употреблять их, не показывая нашего нежелания, или отвращения.

Там были также советы, как закалять свое тело и таким образом подготавливать его к жизненным трудностям. Рано утром, когда еще была роса на траве, и также вечером, когда роса уже выпала, нужно бегать босиком по траве, достигая тем самым общей закаленности организма.

Прочитав книгу, я с большим желанием взялась за рекомендованные упражнения для воспитания сильной воли, поскольку она должна помочь в преодолении жизненных трудностей. Особенно во время войны. Пример с пирожными был неактуальным. Я не могла им воспользоваться по той простой причине, что их никогда не было на столе. Не существовало также нелюбимых блюд. Основой нашего питания была жареная картошка, неизменно, каждый день, а се я, к счастью, очень

любила. Подходящим местом стал луг между нашим домом и рекой, где можно было пользоваться холодной росой без всяких ограничений. Я решила, что бегая по нему, можно дополнительно бороться с чувством страха. Несмотря на почти тепличные условия в моем доме, меня редко когда оставляло это чувство. Причиной была ситуация общей угрозы со стороны немецких властей. Источник моего страха был следующий: однажды я получила из трудового ведомства вызов на работу. Такие повестки получили все мои ровесники и явились по вызову. Тезя Титовицкая начала работать в молочной. Ее сестра, Ядя явилась в немецкое бюро и получила работу телефонистки. Она мне говорила, что став телефонисткой, может подслушивать разговоры немцев и предавать их содержание участникам сопротивления. Меня, однако, она в эту деятельность не втягивала. Однажды она пришла к нам и пригласила меня на прогулку. Мы медленно пошли вниз по улице Освобождения. Помню, что я была так поглощена философскими размышлениями, что не заметила молчания Яди. Возле одного дома мы задержались и к Яде вышел какой-то незнакомый мужчина. Она некоторое время разговаривала с ним, а потом мы вернулись без каких либо объяснений со стороны подружки. Только позже я поняла, что была использована для конспиративной работы в городе.

Моя сестра вместе со своими подружками стала работать в Zentral Handels Gesellschaft — торговом предприятии в качестве бухгалтера. Мой брат сначала был работником у дяди Саши, потом возчиком в пекарне. Янек Клышейко, самый старший из братьев, который избежал депортации в Казахстан, так как во время вывоза был в тюрьме, вступил в полицию. Также как и несколько других старших парней.

Мои любимые родители решили, что я не должна идти ни на какую работу. Их решение горячо поддержала пани Ласковская. Она твердила, что немцы хотят уничтожить польскую культуру и науку и поэтому нужно изо всех сил сопротивляться. Решено, что в рабочее ведомство пойдет фальшивая метрика, по которой я проходила младшей на три года. Это было возможно, так как православная канцелярия выдала мне новую метрику, а еще, с

другой стороны, в этом ведомстве работал один из польских учителей пан Кобылянский. С его помощью пани Ласковская успешно произвела замену моих метрик. Таким образом я могла безопасно сидеть дома и играть, но одновременно панически боялась любых встреч с немцами по причине отсутствия документов, подтверждающих мою личность.

Приступая к воспитанию сильной воли, я решила каждый вечер босиком обходить луг туда и обратно. Маршрут не был длинным, однако каждый раз приходилось преодолевать страх. К несчастью, через несколько таких прогулок, со мной случилось одно происшествие, когда я уже возвращалась в дом. Точно помню, что это было 1 августа 1943 г. Это происшествие глубоко запало в моей памяти, как проявление столкновения двух противоположных явлений нашей жизни — свободы и поражения, следующих сразу одно за другим. Был прекрасный солнечный день. Мы с Ядей совершили долгую прогулку по лесу за Росляками. У опушки мы остановились, я прислонилась к толстому стволу бронзово-золотистой сосны и слушала шум деревьев. Он захватывал меня. На широких полях уже стояли шеренги снопов, свежесжатой ржи. Я наслаждалась этой атмосферой полного покоя, единения с природой, летней расслабляющей безмятежности. Ядя тогда говорила, что я очень тонко чувствую природу и этим отличаюсь от других девушек — наших ровесниц.

Справедливой оказалась народная примета, что нельзя хвалить день до захода солнца. Вечером того же дня и случилось это страшное для меня происшествие. Как обычно я возвращалась с луга, пролезла через дырку в заборе в переулок и вдруг увидела двух мужчин идущих со стороны города ко мне. Как потом оказалось, это были украинцы на службе у немцев. Я инстинктивно почувствовала исходящую от них опасность и бросилась к дому. Случай помог, что они увидели меня позже, чем успели отрезать от дома. В вечерней тишине началась молчаливая погоня. Я в последнюю минуту успела добежать до двери дома и закрыть ее за собой, но это не остановило их. Они стали стучать в дверь и требовать, чтобы их впустили. Я была так испугана, что выскочила в окно и спряталась в картошке. Лежала там пластом,

боясь пошевелиться.

Тем временем в доме проходило совещание, как избавиться от агрессивно колотящих в дверь мужчин. По счастливому стечению обстоятельств именно в тот вечер у нас в гостях был жених сестры Юрка Гульповский — Шульц. Он остался ночевать из-за комендантского часа, а жил в дальней деревне Дворище, где его отец перед войной был директором школы. Благодаря этой случайности у нас для обороны было два молодых мужчины, готовых схватиться с нападавшими.

Судя по позднейшим частым похвальбам моего брата, они с Юреком договорились напасть на власовцев неожиданно. Брат догадался, что те не вооружены, по громкому окрику одного из них: «Давай винтовку!», обращенному к приятелю. Этим криком он хотел напугать жителей дома и заставить открыть дверь. Не знаю, что было бы, если бы в доме находились одни женщины или старшие люди. Только благодаря «слепой» случайности получилось наоборот. По позднейшим рассказам, брат резко открыл дверь, выскочил вместе с Юркой на крыльцо и оба неожиданно бросились на захваченных врасплох власовцев, садясь им на спины и лупя кулаками. Брат позже хвастался, что он на своем проехал несколько десятков метров. Во всяком случае нападавшие не вернулись больше ни тогда, ни позже. Так агрессия отступила перед агрессией. Брат триумфально уверял нас, что видел в городе двоих власовцев с фингалами под глазами и это явно были их жертвы.

Кем был жених моей сестры? Этого молодого человека я увидела впервые, когда однажды летним днем он зашел за сестрой в комнату, где я сидела за роялем. Я тогда не знала кто это. Но знала, что это был не только будущий муж моей сестры, а также новый член нашей семьи, а в недалеком будущем, после преждевременной смерти моих родителей — мой ближайший опекун.

Получилось так, что наследуя мамино везение на замужество, сестра как будто многократно приумножала его и оно распространилось на всю нашу семью, включая и меня. Он пришел к нам уже со сформированными чертами характера,

которые обеспечили ему безоговорочное принятие в нашу семью. Его характеризовали большая личная скромность и равнодушное отношение к материальным благам. К этому еще следует добавить бережливый, соответствующий нашему стиль жизни.

Никогда и никому он не дал почувствовать своего интеллектуального превосходства, больших знаний, особенно в области истории и культуры. Наоборот, он был пожалуй единственным человеком, к которому я всегда могла обратиться без стеснения или боязни быть осмеянной.

Его врожденную честность и чувство справедливости не смогли пошатнуть никакие превратности судьбы и общение с разными людьми. Он как будто не замечал зла и злых умыслов вокруг себя.

Видя у него чувство большой ответственности за каждое действие и слово, создавалось впечатление, что иначе и не может быть между людьми, так как и наша семья имела такое же серьезное отношение к жизни и такое же чувство собственного достоинства.

Сближало с нами также его любовь к семейному уюту. Мы все были типичными домоседами. Все выходы и выезды проходили только в семейном составе. И мужчина создавал ощущение полной безопасности. Казалось иначе и быть не может.

Так же как и мой отец он имел «золотые руки» и способности к ремеслу. Из-за такого продолжения в семье этих способностей у меня сложилось впечатление, что умелые руки — врожденная черта всех мужчин.

Кроме общих с нами достоинств зять принес в нашу семью новые. А именно, интеллигентное обхождение, что выразалось в высокой культуре быта и широких горизонтах мышления, а также высшее образование — юридическое. Но, главное, он оказался настоящим кладом для совместного ежедневного быта. В этом отношении он был как бы продолжением отца, а в некоторых моментах превосходил его. Он не страдал несмелостью в отличие от моего отца. И вместо медленных движений в нем бурлила радость жизни, возможная только у человека совершенного физического и психического здоровья. Именно в здоровье кроется тайна настроения человека (В здоровом теле, здоровый дух).

По моему мнению они с отцом оба принадлежали к тому виду флегматиков, которые слабо реагируют на внешние возбудители и сразу же о них забывают, во всяком случае в разговоре не вспоминают о своих ощущениях. Это было необычайно мудро, так как любая дискуссия, в которую один из них бывал втянут, обрывалась в самом начале и не приводила к ссоре. Однако, как часто, некоторое время спустя, я убеждалась, что он был прав!

И еще одна существенная деталь характера этого флегматика — он не мог выносить чужого горя или печали вокруг себя. Сразу же спрашивал о причине и старался помочь. Как будто для него это было необходимым условием хорошего настроения и удовольствия от жизни.

Чтобы понять преимущества совместной жизни с флегматиком, надо припомнить другие менее совершенные типы темпераментов. Моя сестра была сангвиником. На все внешние раздражители она реагировала бурно и громко выражала свое неудовольствие. Через некоторое время она возвращалась в нормальное состояние и к нормальным отношениям. Не раз даже просила прощения за свое возбуждение, или резкое реагирование. Невозможно было не уступить и не простить ее даже такому неисправимому меланхолику, как я. Так как я — типичный меланхолик, то обычно реагировала спокойно. Вместо вспышки раздражения, громкого возмущения, я замыкалась в себе, мои уста автоматически закрывались и обычно требовалось много времени, чтобы они открылись вновь. Можно определить достаточно точным образом, что я «была впечатлительна». Эта черта характера мне много испортила крови, когда я работала в бюро и находилась в одном помещении с одними и теми же людьми, а именно с женщинами по 7-8 часов ежедневно. Это было для меня настоящим мучением.

Как ни странно, проблемы такого рода не возникали в нашей семье среди сангвиников и флегматиков! Все как будто уступали мне. Так еще раз подтверждалась теория, что «на все есть способ, только надо его знать». Даже меланхолик может хорошо себя чувствовать в благоприятствующих условиях, то есть если не окажется в компании другого меланхолика, или также холерика, который резко реагирует и по впечатлительности не уступает

меланхолику. Так я объясняю мои хорошие отношения с членами семьи. Все зависит от индивидуальности человека, или случайных сочетаний черт его характера и темперамента. Мне кажется, что к полному успеху в совместной жизни ведет единство интересов и мировоззрения, и также наличие хотя бы одного флегматика в качестве катализатора! К сожалению, природа несправедлива в своих дарах людям и не заботится об этом! Она щедра только к немногим. У моего шурина, например, трудно найти какой-нибудь недостаток или несовершенство характера. С другой стороны, я убеждена, что не существует людей идеальных, или совершенных во всех отношениях. Во всяком случае с точки зрения посторонних. Каждому человеку можно что-нибудь вменить в вину. Но такие претензии вредят совместной жизни только в случае частоты их проявления другими словами в зависимости оттого, какой сферы они касаются — важной или менее существенной.

Для подтверждения своей теории несовершенства человеческой природы я и у своего шурина заметила определенный недостаток. Это был недостаток аналитичности, особенно в оценке психологии людей и умении творчески мыслить. Довольно часто я наблюдала у него ошибочную интерпретацию мотивов поступков других людей. Впрочем, это явление я наблюдала у большинства мужчин. Женщины, наоборот проявляли большую способность к пониманию чужих мыслей и ощущений.

Воспользуюсь примером, наилучшим образом иллюстрирующим мои рассуждения. Однажды, уже после войны пошли мы в кино: шурин, его отец, приехавший навестить его из Люблина и я. Фильм был психологический. Богатая американка, приехала в Италию с целью эксгумации останков своего мужа. Однако после посещения кладбища и случайного выяснения подробностей его жизни в Италии — изменила решение. Она узнала, что у ее мужа был роман с молодой итальянкой, которая любила его и поддерживала в тяжелое военное время, и что от этого союза родился сын, для которого могила его отца является святыней. Жена отказывается от эксгумации.

Выйдя из кинотеатра пан Гульповский с удовлетворением

заявил, что отказ от эксгумации был актом мести со стороны обманутой жены. Для меня же было совершенно очевидным, что его жена не только простила ему измену, а руководствуясь благородными побуждениями, принесла жертву в пользу сына своего мужа. Меня удивила эта ошибочная, по моему мнению, интерпретация паном Гульповским мотивов поступка той женщины.

Со всего этого я сделала вывод, что даже самые интеллигентные и образованные люди могут совершать удивительные ошибки! Не существует совершенного разума.

Возвращаюсь к той летней послеобеденной поре когда сестра вошла в комнату со своим будущим мужем. Я была, как обычно, занята музицированием. Сестра сразу же исчезла в глубине дома, а молодой человек свободно подошел ко мне и, подавая руку, очень четко назвал свою фамилию. Такую же фамилию носила Дануся, классная подруга сестры. Мне хотелось спросить, не брат ли он ей, но помешала моя стеснительность.

Что касается внешности неожиданного гостя, то он был самым совершенным молодым человеком из тех, кого я встречала. Высокий, хорошо сложенный, темный шатен с правильными чертами лица. Также прекрасна была грива вьющихся волос и смуглая кожа. Он был очень похож на свою сестру Дану.

С того дня я часто его видела. Он сидел с моей сестрой на диване с левой стороны от меня и немного сзади, когда я играла на рояле и вел с ней долгие беседы. Я слышала каждое их слово. У меня никогда не было ощущения, что могу мешать им своей игрой и своим присутствием. Никто меня тогда не просил выйти из комнаты. Мне хорошо запомнились мелодии, которые я тогда играла. Помню, я исполняла песню без слов Мендельсона. Помню также его похвалу в мой адрес:

— Твоя сестра очень методична.

С наступлением долгих осенних вечеров, когда за окнами быстро сгущалась темнота, они сидели возле угольной печки с открытой дверкой. Свет и тепло, струящиеся из нее, создавали милую романтическую атмосферу.

РАЗДЕЛ XV

Однажды пани Ласковская пришла ко мне на урок вместе с пани Эммой Альтберг. Это была приятная женщина средних лет с темными волосами, быстрыми черными глазами и немного семитскими чертами лица, одетая в полушубок на крестьянский манер. Пани Ласковская представила ее как известную клавесинистку, учившуюся в Париже. Не пряча сожаления от расставания со мной, пани Ласковская решила отдать меня под опеку педагога такой высокой квалификации. Говорила, что под ее руководством я добьюсь намного больше. Так начались уроки с пани Альтберг. Потом я узнала детали их необычного знакомства.

Пани Ласковская была главным кормильцем своей семьи. Кроме взрослой уже дочки Ирены имела на содержании младшего сына Лёлька и старушку-мать умершего мужа. Чтобы обеспечить своей семье постоянные средства к существованию она купила козу и часто сама ее пасла. Выгоды от козы общеизвестны, а особенно полезна она была во время войны. Являясь интеллигентной женщиной, пани Ласковская пасла козу и читала книги в том числе и на французском языке, который знала с детства.

Такое странное сочетание — седая женщина, сидящая на траве — коза и книга на французском языке, возбудила понятное любопытство со стороны пани Альтберг, которая случайно оказалась поблизости. Результатом был завязавшийся разговор со странной пастушкой. Люди во время войны брались за любые занятия, только чтобы выжить.

История пани Альтберг была типичной для того времени. Она очутилась в Лиде совершенно случайно, считая это местечко временным убежищем от немцев. Как известно, немцы уничтожали не только верующих евреев, но и католиков еврейского происхождения. Пани Альтберг была еврейкой, принявшей католицизм. Только имя осталось еврейским, и, разумеется, семитское происхождение. Прибыв в Лиду, она не имела ничего, кроме своего музыкального образования и поэтому пани Ласковская благородно уступала ей занятия со мной. С тем условием, что мама теперь должна была платить больше.

Я запомнила сцену, когда мама впервые вручала ей деньги за

урок, надеясь получить сдачу. Каково же было мое удивление, когда пани Альтберг, как обычно сердечно целуя маму, успокаивала ее, что остальное можно доплатить в следующий раз!

Ее уроки оказались дальнейшим углублением моей драмы, которая началась непостижимым образом, украдкой и как бы обманом. Пришли в действие самые жестокие законы человеческой жизни и все более давали о себе знать. Некоторые люди характеризуют это явление следующими словами: «за все надо платить». Это пессимистическое утверждение означает, что минуты счастья проходят, уступая место печали, или даже боли, в зависимости от силы нашего ощущения. Это очень субъективная способность, не зависящая от нашей воли. Признаки моей позднейшей трагедии стали проявляться как бы в виде отдельных тучек над головой. Методично и неумолимо они собирались все в большем количестве. Трагедия усугублялась тем, что происходила во мне самой, незаметная для посторонних, она не была вызвана ни агрессией других людей, ни их вмешательством в мою жизнь. Вступал в действие какой-то новый неизвестный до этого фактор. Он не позволял мне справиться с проблемой.

С некоторого времени у меня во время игры стала появляться боль в предплечьях. Она заставляла меня прерывать игру, иногда надолго, но сразу же появлялась, когда я опять начинала упражняться. Все говорили, что я слишком много упражняюсь и это было правдой, но добровольно отказаться от игры я не могла.

Какие методические указания получила я от своих первых учительниц? Пани Ласковская требовала, чтобы пальцы лежащие на клавиатуре, были полусогнуты, а вся рука не должна была наклоняться к пятому пальцу. Пани Альтберг, принимая меня уже как ученицу с определенными навыками, полностью проигнорировала проблему расположения рук на клавиатуре, как будто ее не существовало и я тогда не считала это неправильным. Вместо этого она сосредоточила внимание на исполнении. Начали мы с сонаты А. Моцарта с вариациями и турецкого марша. Помню с каким терпением она на уроках многократно повторяла со мной тему, но я все больше костенела, мои руки становились все тяжелее и единственным желанием было, поскорее прекратить это

мучение! Когда занятие окончилось, я сразу же выбежала во двор, чтобы выплакаться. Я чувствовала, что имела место какая-то странная несправедливость по отношению ко мне. Если я так сильно хотела играть, если столько сил и терпения вкладывала в исполнение — то почему, когда дело доходило до игры в требуемом темпе, наступало странное окаменение рук, они костенели и болели.

Оттого моя радость от игры стала половинчатой. Пока я учила произведение, вслушиваясь в выходящие из-под пальцев мотивы и мелодические линии, это доставляло мне огромную радость. Зато когда должна была играть более трудное произведение, эти же пальцы вдруг переставали слушаться, болели и твердели. Это было завершение моей карьеры пианистки еще до ее начала, хотя я об этом еще не знала. Не понимала что со мной происходило ни тогда, ни много лет спустя, когда наперекор смирению перед судьбой и поражениям, во мне опять помимо моей воли возрождалась жажда музыки. Я не могла остановить это стремление, заменить его чем-нибудь другим. Тем более тогда.

Должна приобщить сюда свое наблюдение, которое объясняло мое положение. Я заметила, что в отношении к музыке ее любители делятся на две категории. На меломанов, которые находят удовольствие в слушании музыки, исполняемой другими и на тех, кто сам хочет создавать музыку, то есть музицировать. Меломаны ходят на концерты, коллекционируют пластинки и кассеты с серьезной музыкой, в то время как сами в большинстве своем не играют ни на одном инструменте. Принадлежность к первой группе не требует никакого риска, не приносит никаких трагедий. Те же, кто стремится музицировать сама, никогда не удовлетворяются слушанием музыки в исполнении других людей. Я, к сожалению, принадлежала к этой второй группе, была «включена» в нее без участия моей воли, без права на выбор.

Видимо, можно быть счастливым вообще не имея контактов с музыкой. Но в то время я об этом не знала и была твердо уверена, что люди для полного жизненного удовлетворения нуждаются в музыке! Поэтому в минуты душевного возвышения я для собственной радости предлагала людям науку игры на рояле.

Помню резюме моей мамы:

— Она готова сама заплатить за возможность учить.

Отсутствие школ в период немецкой оккупации пробуждало понятное беспокойство родителей, имевших детей школьного возраста. Пробелы в начальном образовании в дальнейшем угрожали негативными последствиями. Поэтому я с сестрой стала учить сыновей пана Теслюка. Я обучала младшего читать и писать, а сестра проводила обучение старшего на более высоком уровне. Непроизвольно прислушиваясь, я удивлялась ее умению вести дискуссию, полученному, несомненно в средней школе, что делает честь ее бывшим учителям.

До сих пор помню два текста из учебника польского языка «Говорят века», обработанных сестрой на своих уроках. Оба оканчивались глубокой народной моралью и определенно имели большое воспитательное значение. Один из них рассказывал о мальчике, который был слабым физически, чувствовал себя неполноценным, и поэтому был несмелым и одиноким. К счастью, нашелся среди его товарищей умный мальчик, который решил ему помочь. Он внушил ему, что он сможет сравниться с лучшими спортсменами класса, проплыв на лодке определенное расстояние за то же время, что и они. Несмелый мальчик выигрывает спор и впервые избавляется от комплекса, уверовав в свои возможности. Он не знал, что его товарищ тайком передвинул стрелки часов, чтобы помочь ему победить.

Вместе с сыновьями пана Теслюка к нам приходили также мои младшие двоюродные сестры Дануся и Люда. Этих кроме письма и чтения, я немного учила играть на рояле. Делала я это с большим вдохновением!

Дануся оказалась более терпеливой чем Люда. Все лето она приходила из далеких Росляков через луга и поля, разогретая солнцем, пахнувшая ветром. Она была стройной блондиночкой, необычайно тонкой и впечатлительной. На нее все обращали внимание, удивляясь ее красоте, и больше всего дугами очень темных бровей, которые красиво контрастировали с белыми волосами и голубыми глазами. Нас тогда соединяла большая духовная близость.

О тайном обучении в Лиде детей на уровне средней школы я узнала от Янки Стенпень. Перед войной я ходила с ней в один класс в школу N 5 возле замка. Был случай, когда однажды на уроке ей стало плохо и учительница отправила ее домой в моей компании. Тогда я узнала, что она живет в Росляках, на левой стороне улицы в глубине сада. Она говорила мне, что родители когда-то построили себе дом, получив участок и с недавнего времени там поселились.

Однажды во время немецкой оккупации я зашла к ней и узнала, что она ходит на тайные уроки пани Кляйндиенст. Я позавидовала ее возможности учиться. Она просила никому не говорить об этом.

Никогда не видела пани Кляйндиенст — учительницы географии, хотя ее муж учил меня немецкому языку, а сын Ясек был в моем классе и выказывал ко мне симпатию. Искренне было его жаль, когда он не возвратился из леса.

Зато я читала воспоминания пани Юзефы Гжимковской-Кляйндиенст о тайном обучении в Лиде, изданные много лет спустя, под названием «Школа в подполье». Она описывает работу с группой молодежи, и последние минуты расставания с сыном, перед его уходом в партизаны. Вспоминает, что испытывала тогда отчаяние, а он простился со словами: Так надо, мама!

РАЗДЕЛ XVI

Это случилось в день Божьего тела 1943 года. Погода была прекрасной, как обычно бывает в этот день. Все было затоплено солнцем. Я стояла у окна и смотрела как наши молодые соседи шли в город, проходя мимо дома. Янек был в мундире немецкого полицейского, а пани Яся, как обычно, элегантная с копной волос, завитых над лбом. Мой взгляд провожал их по открытому пространству мимо руин и дальше к белому костелу. Потом я вернулась к мазуркам Шопена. Они были прекрасны, но трудны в исполнении. Я потеряла ощущение времени. Вдруг какой-то шум снаружи оторвал меня от рояля.

Я подбежала к окну и увидела ужасное зрелище. Как и раньше светило солнце, небо было такое же голубое и чистое. Но в

переулок выезжала простая телега, а в ней навзничь лежал молодой мужчина в форме полицейского! Пани Яся молодая, красивая, шла рядом и повторяла: — Они убили его! Они убили его!

Тяжело выразить всю глубину жалости и печали, которые нас охватили. Мы все были потрясены случившимся. Моя мама помогала пани Яси положить тело в гроб и организовать похороны. Помню, она достала большое белое покрывало, чтобы прикрыть им скамью под покойником, говоря, что оно уже использовалось для этой же цели много лет назад — при похоронах его отца.

Я была на панихиде в костеле, том самом, возле которого его убили. Видела, как пани Яся, вся в черном, упала лицом вниз на пол костела, раскинув руки крестом. Стоящие рядом женщины пробовали поднять ее, но она пролежала так до конца литургии. Это было печальное зрелище, усиливающее впечатление отчаяния. Я уверена, что отпечаток ее тела остался там до сих пор, хотя он виден только посвященным. Отошли в мир иной свидетели тех дней, но костел все пережил.

Похоронили его в красивом месте на кладбище, сразу же за часовней. Пани Яся произвела новую сенсацию, поместив на кресте надпись в виде длинного стихотворения, начинающегося со слов: «четки моих воспоминаний».

Могила Янка вместе с другими на этом кладбище была со временем разорена и осталась только в памяти людей.

Что привело к смерти самого старшего сына пани Клышейко, который избежал депортации в Казахстан? Единственный из своей семьи. Пани Яся много раз повторяла детали этого происшествия. Шли с мужем в город, были как раз напротив белого костела, как вдруг из-за его высокой белой ограды, выскочил незнакомый молодой мужчина и выстрелил в мужа. Янек упал. Пани Яся в отчаянии схватила его винтовку и бросилась в погоню за убийцей. К сожалению, тот исчез, как будто растворился в раскаленном воздухе. А Янек остался лежать на тротуаре. Действительно твердой была рука, убившая его, так же как и быстры ноги! Пани Яся остановила проезжающую по улице телегу и попросила

отвезти Янека домой.

Здесь нужно написать об окончании этой истории. Эта трагедия не исчезла бесследно, а осталась в памяти многих людей. Еще несколько десятков лет спустя польская полиция в Белостоке интересовалась этим делом и опрашивала свидетелей. Совершенно новый свет на это происшествие пролил наш знакомый из Лиды. Он утверждал, что был свидетелем экзекуции над мужчиной с таким же как у Янека именем и фамилией. Немцы повесили того человека на рынке в Лиде на глазах согнанных людей. Из этого вытекало, что наш сосед Янек Клышейко мог стать жертвой ужасной ошибки. Во всяком случае мы, его ближайшие соседи, не знали причины, объясняющей смертный приговор. Люди вынесшие его, не заявляли об этом публично.

Так же покрытым тайной осталось убийство другого молодого человека по имени Ежи Дунько. Я познакомилась с ним на товарищеском вечере в Росляках. Случайно оказалось, что я сидела рядом с ним. Он был приятен, хорошо сложен, полон жизни. Я его хорошо запомнила, потому что он по-своему мне докучал — несколько раз спрашивал, почему я молчу. Я молчала по причине стеснительности, а также потому, что он не сумел, а точнее не захотел втянуть меня в разговор. Никто из присутствующих не предчувствовал, что он также в скором времени будет убит по заочному приговору, выданному самозванными судьями.

Мой брат решил пойти в партизаны. Дух патриотизма кружил головы молодым людям и заставлял их идти в лес. К ним присоединялись девушки в качестве связных. Они принесли в город партизанскую песню: «Расшумелись плакучие ивы».

Мой брат никогда не был трусом, а его боевитость проявилась уже в детских военных играх. Мама боялись за него, боялась его потерять, она придумала тайный план и посвятила в него меня. Она заметила, что брат тайком от нее упаковал рюкзак и спрятал его в старом подвале нашего сгоревшего дома. Мы с мамой украдкой пробрались туда и с триумфом реквизируемали это доказательство его замыслов. В рюкзаке были: полотенце, зубная щетка и мыло. Наша радость от удержания брата в доме сменилась

чувством досады, когда на следующий день оказалось, что брат исчез, оставив нам нашу добычу. Досада сменилась чувством вины и сожаления, когда отец объяснил нам ошибочность наших рассуждений. Такая мелкая вещь как зубная щетка не могла отвернуть брата от исполнения своей миссии! В то же время ее отсутствие было для него ненужным бытовым затруднением.

Брат вернулся из партизан так же неожиданно, как и исчез. Помню момент его возвращения. Я сидела за обеденным столом над открытым дневником, за спиной находился насос для воды. Ведение дневника являлось моим ежедневным занятием, оно исходило от необходимости сохранения душевного равновесия и было подсознательной терапией. Как типичный интроверт, я перерабатывала все идущие ко мне внешние возбуждения в себе, в своем мире «идеалов и мечтаний». Для этого действия мне обычно было достаточно бумаги, ручки и минутного отстранения от действительности. Таким образом мой дневник становился терпеливым и заслуживающим доверия другом.

Брат вошел в кухню неожиданно через открытую дверь со двора. Я увидела широкую улыбку на его лице, но не успела ничего сказать. Проходя быстрым шагом в спальню, он шутливо бросил:

— У тебя изменился почерк!

Откуда он мог знать, если даже не задержался возле меня?

Он никогда не рассказывал нам о своей жизни у партизан. Во всяком случае в моем присутствии. Он также оказался не мелочным человеком и ничего нам с мамой не припоминал!

Из партизан не вернулось много молодых парней, потенциальных мужей для девушек моего поколения. Не вернулись сыновья профессора Калецинского, которых я не знала, так как они были постарше. Не вернулся светловолосый Ясь Кляйндиенст из моего класса. Не вернулся также Ромек Садовский, который пошел в лес в возрасте 14 лет!

Пани Садовская жила в бабушкином доме N 13 за несколько лет до начала войны. Она была землевладелицей, вдовой с двумя детьми. Янка, приятная девушка, старше меня; красивая, носила шикарные платья с многочисленными оборками, из-за которых я ей завидовала (у меня не было ни одного платья с оборками по

причине экономии материала). Сестра занималась с Янкой, зарабатывая деньги на карманные расходы. Ромек был младшим. Помню как пани Садовская разговаривала громко, весело, всегда мимоходом, на бегу, с моей тетей. Статная с рыжими волосами и легким косоглазием. Говорили о ней и она сама признавалась, что ее муж-помещик, женился на ней, простой девушке из-за ее красоты. Она избежала высылки в Казахстан благодаря странному стечению обстоятельств. В начале войны, после прихода советских войск, она пошла работать на железную дорогу и страшно исхудала. Явно, что не только физическое напряжение так повлияло на изменение ее внешнего вида. Семья пани Клышейко (кроме Янека, который находился в тюрьме) была вывезена перед самым приходом немцев, а она осталась. Разве для того, чтобы ее 14-летний сын не вернулся из леса? Или для того, чтобы Янка еще перед концом войны умерла во время родов второго ребенка! Помню, как-то я случайно увидела Янку, сидящую в окне дома с маленьким ребенком на руках. Она казалась смущенной своей ролью такой молодой матери.

После войны мы слышали, что пани Садовская поселилась в Тчеве. Она держала там киоск при железнодорожном вокзале вместе со своим вторым мужем. Я не раз вспоминала ее, но больше мы никогда не встречались. Так же было с пани Ясей Клышейко. После войны следы ее затерялись. А так мы поддерживали контакты со всеми остальными лид чанами.

Из леса не вернулся самый старший брат Яди Титовицкой — Сташек. Его семья никогда не узнала, что с ним произошло!

Вернулся Владек Вяжель, тот, который жил на выселках за нашим, т.е. нашей бабушки полем. Тот, о котором Ольга Рахманова шутливо говорила, что ходит слишком ровно и даже яйцо, положенное на голову не упадет. Она часто его видела, когда жила в начале Мостовской улицы, которую ему нужно было пройти до конца, чтобы попасть домой. Я его знала только в лицо, но много слышала о семье Вяжелей от своих родителей. Наши отцы дружили в молодости. Владек пришел из партизан с простреленной левой рукой. Она на всю жизнь осталась неподвижной.

Витек Залевский тоже вернулся домой из партизан, только после отбывания высылки в Калуге. Он был старшим братом Генка с которым мы учились в одном классе школы № 5. У них были еще три младшие сестры. Их мама была двоюродной сестрой пани Александры Головки. Они жили на Висьмонтах недалеко от нее. А их отец Бронислав был родным братом Яна — мужем моей тети Нади. Несмотря на родство мои родители не поддерживали близких отношений с семьей Залевских.

Мой брат вернулся из леса не один, а привел с собой Рыська Стафиньского. Они были в одном отряде. Рысек внешне сильно отличался от брата. Высокий, худой, светлый блондин. Держался мило и интеллигентно. Они вместе с братом спали в сарае, столовались у нас и вместе ходили на работу на железную дорогу.

Сидя у окна я видела как Рысек возвращался с работы, неся на плечах длинные деревянные брусья, предназначенные для топки печей. Он хотел хотя бы таким способом отблагодарить моих родителей за гостеприимство. Вечера мы проводили вместе. Когда разгадывали ребусы из «Рютука» мне несколько раз удавалось его опередить и было видно, что это ему импонировало. Я сама удивлялась своей сообразительности.

Примерно через две недели из Вильни приехала его мама, чтобы лично поблагодарить нас за опеку над сыном. Она была явно возбуждена. Говорила о великом долге перед нашей семьей. Никто из нас тогда не догадывался, что возможность вернуть этот долг появится в недалеком будущем.

Когда она вышла, мама в моем присутствии высказала свои впечатления от этой пани. Сказала, что она интересная женщина и явно пользуется успехом у мужчин. Я не понимала, что она имела в виду, но когда поселилась у пани Стафиньской в Вильне, от нее самой узнала, что мама была права.

Пани Стафиньская была незаурядной женщиной с богатой индивидуальностью. В некотором отношении она была похожа на героиню «Потерянного автобуса» Джона Стсйнбека, о которой я узнала намного позже. Та героиня также везде, на каждом шагу сталкивалась с явным интересом к себе со стороны мужчин. Она не стремилась к этому и даже чувствовала досаду.

Пани Стафиньская призналась мне, что всю свою жизнь искала настоящего чувства у мужчин, но никогда его не находила. Даже ее муж, за которого она вышла против воли родителей, убежав из дома, не ответил взаимностью на ее сильное чувство к нему. Желая, чтобы я ее правильно поняла и подбирая соответствующие слова, она определила это таким образом «он просто исполнял свои супружеские обязанности и даже не целовал меня!». В то же время разные мужчины, где бы она не появлялась, говорили ей о своей любви, которая была исключительно проявлением страсти. Она пользовалась их вниманием, даже когда была в положении, хотя обычно беременность делает женщину менее привлекательной для мужчин. Она также сказала мне, что красота цветов может приносить боль.

С Рыском после войны мы переписывались, когда он жил во Вроцлаве. Туда шел трамвай N 7, «семерка» — таким же был его псевдоним в партизанах. Первый раз моя мама ошиблась, считая, что он был ко мне равнодушен, во что я тоже легко поверила. К сожалению, это милое знакомство оказалось прерванным им по невыясненной причине. Просто его последнее письмо, которое я с нетерпением ждала, было написано в насмешливой форме и болезненно ранило меня.

Когда я теперь мысленно переносусь на ту виллу в Гдыне на ул. Фоха 14, куда я приехала после войны навестить пани Стафиньскую и застала всю ее семью в сборе. Вижу высокую фигуру Рыська, тихо ухаживающего за нами. Уже, вероятно, нет в живых пани Стафиньской. Видимо, она похоронена где-то в Гдыне. Я хотела бы отыскать ее могилу. Это заявляет о себе мой меланхолический тип, который слабо реагирует, но долго помнит. Просто, я не могу забыть всех тех людей, которые встречались мне на жизненном пути.

Произошло то, что должно было произойти и моему отцу пришлось пережить драматическую встречу с партизанами. Однажды какая-то группа партизан задержала поезд, который вел отец и приказала паровозной бригаде, это значит отцу и его молодому помощнику Борису Бака сойти. Их обвинили в

сотрудничестве с немцами и приказали идти в лес на расстрел. По рассказам Бориса отец просил их сохранить им жизнь. Ссылаясь на необходимость кормить жену и детей. Он был испуган. Однако далеко они не ушли, как вдруг один парней назвался товарищем Бориса и вступился за них. Отец уже не вернулся на паровоз и сильно похудел от переживаний. Однако никогда при мне сам не рассказывал об этом случае. Никогда я не слышала от него ни слова жалобы!

Однажды холодным зимним утром (19 января 1944 года) пани Александра Головкина живущая в Висьмонтах напротив католического кладбища, с удивлением обнаружила исчезновение калитки из забора возле дома. С еще большим удивлением увидела ее лежащей дальше на лугу. Видимо, ее использовали для перехода через болото убежавшие из тюрьмы, партизаны из АК. Именно в эту ночь с 18 на 19 января, партизаны освободили из Лидской тюрьмы 69 своих людей. Тюрьма находилась на улице Сырокомли, возле железной дороги. Беглецы уходили через кладбище и усадьбу пани Александры в сторону Лидейки. Немцы не предпринимали репрессий против населения. Может потому, что партизаны оставили в живых коменданта тюрьмы Битнера.

РАЗДЕЛ XVII

Война вступила в следующую фазу и началось отступление немецких войск с востока на запад. Фронт был рядом. На этот раз войска шли прямо через Лиду. Мы боялись оказаться между беглецами и преследователями. Ночью 7 июля 1944 года появились в нашем доме немецкие офицеры, играли на рояле, курили сигареты. Почти каждый немец был музыкальным и умел играть. Они никак нас не притесняли. На небе в темноте отражалось зарево — горела Ферма та, где жила пани Ласковская и где после пожара укрылась семья Титовицких.

Утром мы решили выйти из района боевых действий и удалиться от главных коммуникаций. Перед выходом мама хотела накормить свиней в сарайчике возле дома, чтобы тс визгом не выдали себя. Они были основой нашего существования. Я ужасно боялась и требовала от мамы, чтобы она не занималась кормежкой свиней, которые в ту минуту не представляли для меня никакой ценности.

Мы все бросили на волю случая. Только дядя Саша решил остаться и сторожить имущество. В моих глазах он сразу стал героем.

Сперва мы направились в Росляки, где убедились, что наши родственники убежали оттуда за пределы города. В саду тети Веры был большой подвал, над землей от него выступал только поросший травой выход. Мы залезли туда и со страхом ждали атаки советских войск. Неожиданно к нам подбежал немецкий солдат, весь трясущийся. Он нетерпеливо спрашивал о железнодорожном вокзале. Вокзал находился на другом конце города и я сильно сомневалась, сумеет ли он туда добежать, не зная местности.

Долгие часы мы провели в подвале. В это время мама сумела пройти огородами к дому, опять покормить свиней и вернуться. Я удивлялась ее отваге и самоотверженности, меня эта атмосфера тревожного ожидания страшно угнетала.

Вдруг в двери подвала показался сначала изготовленный к стрельбе автомат, а за ним молодой советский солдат. Я услышала крик отца:

— Товарищ, не стреляй, мы местные жители!

Реакция отца была молниеносной и увенчалась успехом. Солдат не выстрелил. Он спустился на половину ступенек заметно успокоенный. Отец угостил его сигаретой.

Если советские передовые части дошли уже до Росляков, мы решили, что здесь оставаться будет опасно, когда немцы начнут сопротивляться. Мы двинулись вперед, только бы за город. Уходили по обочине шоссе, а прямо на нас шли обозы советских войск. Ехали не спеша, веселые, может быть пьяные. Не показывали никакой готовности к бою. Мы шли гуськом — мама я и отец позади, он не мог идти с нами в ногу. Я очень за него боялась, поскольку он был мужчиной еще не старым, но, к счастью, никто не обращал на нас внимания.

Остановились мы в первой же деревне, где попросились в сарай на сено. Издалека видно было зарево пожаров над Лидой. Весь город горел. Наутро мы вернулись. Дом был на месте, но выглядел так, как будто кто-то его очень сильно потряс, так он был

расшатан. В стенах между бревнами появились щели. На обочине улицы я увидела лежащий в пыли труп. Это было страшное зрелище. На замковом дворе появились огромные воронки от бомб, но сами стены, о чудо — стояли целые!

Мама испекла хлеб и вручила мне две большие буханки. Одну из них я должна была отнести пани Ласковской, вторая предназначалась для другой знакомой пани. Обе они жили на Ферме. Пани Ласковская обрадовалась хлебу. Она сказала, что уже который день питается сухарями. Она выразила глубокую признательность моей маме, подчеркнув ее бескорыстие при оказании помощи людям. Когда годом позже пани Ласковская с семьей уезжала в Польшу, мама отнесла им в вагон немного продуктов, чем опять заслужила благодарность. Когда я уже жила в Польше и мы с ней встречались во Влоцлавке, пани Ласковская не раз возвращалась к этой теме и объясняла мне:

— Твоя мама — исключительный человек. Люди обычно помогают другим, ожидая чего-нибудь взамен. Твоя же мама руководствовалась исключительно благородными побуждениями и приносила муку и кашу тогда, когда я уже ничего не могла для нее сделать. Не много таких людей на свете.

Пани Ласковская не знала о многочисленных посылках с проектами, которые мама высылала в Казахстан. Адресатом была пани Старчевская, жена довоенного полицейского, которая слала нам отчаянные письма. После войны о ней как и о ее детях не было никакого слуха. Остались только квитанции от посылок, как немые, но убедительные свидетельства благородства моей мамы. Странно, как часто мертвые вещи переживают своих создателей. Люди уходят и вещи могут многое о них рассказать.

Выйдя от пани Ласковской со второй буханкой хлеба, я направилась к известному мне дому на Ферме, чтобы до конца выполнить поручение. Каково же было мое удивление, когда вместо домика я увидела тлеющее пепелище с высоко торчащей трубой посередине. Я долго стояла в молчании. Не догадывалась, что за этим пожарищем в глубине сада скрывается адресатка второй буханки, не зная, что хлеб был так близко!

Сразу же после образования Литовской Советской Республики

летом 1944 г. пани, Эмма Альтберг отправилась в Вильно, чтобы поступить на работу в Виленскую консерваторию. В скором времени она прислала родителям приглашение для меня. Видимо, я для нее представляла какой-то интерес как ученица. Мои руки отдохнули после короткого перерыва в занятиях, поэтому я охотно согласилась ехать.

Моя мама нажала на все нужные пружины, чтобы помочь мне выехать. Через знакомых нашла какой-то адрес в Вильно, где я могла остановиться. Поскольку существовал запрет на свободное передвижение между республиками, родители достали мне какое-то фиктивное командировочное удостоверение, как основание для покупки билета. Потом заручились опекой знакомого работника почты, который курсировал в почтовом вагоне в Вильно и обратно.

К сожалению, уже в самом начале моего путешествия я столкнулась с трудностями и неприятностями. В почтовое помещение на вокзале, где я ждала поезд, вошел патруль, забрал меня и повел в кассу, сомневаясь в моем праве на пересечение границы между республиками. Я была охвачена парализующим страхом, не могла рассуждать логично и не знаю чем бы это окончилось, если бы не Геля Далецкая. Геля в это время работала в вокзальной кассе, той самой, где я купила свой билет на основании пропуска. Она мгновенно сориентировалась в ситуации. Под свою ответственность она уничтожила мою фальшивую командировку, объяснив своему начальнику, что сделала это по невниманию. Таким способом она спасла меня от дальнейших неприятностей. Меня оставили в покое и полуживая от страха я вскарабкалась в товарный вагон, идя навстречу новому этапу жизни.

И здесь также сработал механизм случая.

Похоже, Геля даже не задумывалась над тем, какую большую услугу она мне оказала. Все же случай определил, что именно благодаря ей, подруге моей сестры, я смогла выехать в Вильно.

Я запомнила это свое первое путешествие по железной дороге. Впервые очутилась также в обществе людей нового для меня склада с сильно развитым чувством юмора. Мы ехали в полной

темноте сидя на полу. Все молчали. Только двое, судя по голосам молодых людей, мужчина и женщина большую часть дороги вели словесный поединок в шутливом тоне.

Казалось, они это делали специально для развлечения публики. Меня удивляло остроумие их реплик. Девушка была вызывающе смелой, чем возбуждала у мужчины сильный интерес к себе. Когда мы подъехали к Вильно, уже рассвело. При дневном свете я увидела эту девушку которая хотела укрыться между пассажирами, чтобы ее не узнали. Она была хромой.

РАЗДЕЛ XVIII

Мое пребывание в Вильно было коротким (оно продолжалось один школьный 1944-45 год), но одновременно богатым на события и впечатления. Однако все вместе, к сожалению, в моей памяти оставило впечатление кошмара. Что же тут странного: последний год войны и первый — вдали от дома.

Город очаровал меня красотой своей архитектуры и свежестью домов, выкрашенных в желтый цвет краской под золото. В путеводителе, который взяла с собой, я вычитала, что равным Вильно по богатству архитектуры в первую очередь считался Краков. Однако в моем представлении Вильно как общее целое было лучше древней столицы Польши. Чарующий светлый город, расположенный на горах, с круто бегущими то вверх, то вниз улицами. Кривые и узкие переулки старого города, иногда оканчивающиеся совершенно глухими гладкими стенами, ошеломляли своим очарованием. Также чарующе прекрасными оказались многочисленные жемчужины-дворики, открываемые путешественником после входа под случайную арку. Они представляли собой красивые миниатюрки замкнутого в себе, отдельного мира. Это пани Альтберг впервые показала мне один из них на Немецкой улице, а я в восхищении сравнила его с прекрасными мелодиями фуг Баха. С тем же путеводителем в руках я ходила от памятника к памятнику, осматривала дворики, храмы и даже фрагменты древних стен. Не могло быть никакого сравнения с Лидой. Разница между этими городами была подобна разнице между бедной хижинкой и дворцом.

Костел св. Петра и Павла на Антоколе, построенный в стиле

барокко, оказался самым красивым из когда либо виденных мною. Снаружи он не отличался от других, зато интерьер вызывал восхищение. Особенно потрясающим было подzemелье с красивейшими растительными и сюжетными орнаментами, какие только могло создать барокко.

Костел св. Анны вдали от Замковой горы не уступал ему в красоте. Построенный в готическом стиле, внутри он не представлял из себя ничего интересного. Зато его внешний облик захватывал легкостью и стройностью конструкции. Его фронтон — это переплетение лопаток и дуг вверху свободно переходящих в стрельчатые башенки и создающих необычный эффект. Легенда гласит, что этот костел так поразил своей красотой Наполеона, что тот захотел взять его на ладонь и перенести в Париж.

Несколько церквушек в византийском стиле с башенками в форме луковиц были очаровательным зрелищем. Они удивляли своей необычностью. Особенно те, что на холмах. Они были отстранением от серых будней. Три белых креста вдали от замковой горы возносились и над руинами замка и над всем городом, придавая ему неповторимую атмосферу романтизма.

Такой же романтической была улица Скоповка, на которой размещалась Литовская консерватория. Эта улица являлась одной из сторон треугольной площади. Самую длинную сторону треугольника, напротив консерватории занимал так называемый дом Наполеона. Часть этого дома со стороны университета была упомянута Адамом Мицкевичем в «Дзядях» в сцене с отчимом Ю. Словацкого.

Во время военных действий потерпело всего несколько улиц, причем не самых ценных исторически, прежде всего улица Немецкая. В сравнении с уничтожением Лиды, Вильно вышло из катаклизмов войны почти невредимым. Главные его памятники остались нетронутыми, чтобы радовать взоры следующих поколений.

Консерватория на улице Скоповка, куда я направила свои стопы, бурлила жизнью, гремела музыкой и пением. Для меня, до этого времени занимающейся дома в одиночестве, она оказалась окном, открытым в мир музыки.

Вторая школа, куда я тотчас же записалась была 5-я Виленская женская гимназия на ул. Остробрамской, где преподавание велось на польском языке. Она размещалась на верхних этажах здания с правой стороны часовни. Когда я пришла в начале учебного года, в классах еще не было парт и ученицы сами должны были идти за ними довольно далеко. Девушки весело выстроились парами на тротуаре. Было тепло и солнечно. Большинство уже знали друг друга, о чем свидетельствовало оживление, с которым они разговаривали между собой. Только я стояла в конце этой живой ленты одна, без пары.

Вдруг кто-то остановился возле меня. Незнакомка была немного ниже ростом, имела длинные темные косы, небольшие овальные очки, хорошо выглядевшие на лице с белой кожей.

Она явно из бедной семьи, если так скромно одета — мелькнула первая мысль — также как и я. Похоже только из-за этого она выбрала в компанию меня.

На том, однако, наша схожесть оканчивалась. Незнакомка прямо таки излучала жизненную энергию, которая не давала ей долго находиться на одном месте.

— Меня зовут Геновефа Ракшевич — незамедлительно представилась она — а по просту Генька.

— А я Евгения. Но дома меня зовут Женя — ответила я. -Это имя французского происхождения — тут же заявила Генька, также как Жорж происходит от Георга, или Ежи. Я почувствовала растущее уважение к такой эрудиции.

— Я живу на Лукишской площади — продолжала представлять себя Генька — пою в хоре при костеле св. Якуба. Там органистом служит Казик Соболевский, который одновременно руководит нашим хором. Если хочешь, могу тебя сводить к нам на пробу.

— Охотно пошла бы с тобой — отвечала я.

— Откуда ты?— Генька вспомнила о моем присутствии.

— Из Лиды. Приехала в Вильно, чтоб учиться играть на рояле в консерватории и принята в класс пани Эммы Альтберг. В Лиде я училась у нее частным образом — объяснила я.

В это время девушки перед нами двинулись вперед, растягиваясь по тротуару длинною змейкой.

— Очень люблю серьезную музыку — сказала Генька — и тоже хотела бы учиться играть на рояле, но никогда не имела для этого условий. Нас в семье семеро, а я самая старшая. Мой отец колесный мастер. Можно сказать, что он происходит по прямой линии от короля Пяста — громко рассмеялась она.

Потом она назвала имена всех членов своей семьи, но я запомнила только сестру Ядю, так как очень любила это имя.

— Я знаю Лукишскую площадь по ежегодным ярмаркам на Казюка — теперь я тоже хотела порисоваться перед ней.

— Перед войной я несколько раз приезжала в Вильно с родителями. Мне очень нравились такие огромные пряники в виде сердца, покрытые разноцветной глазурью и с сентиментальными надписями, например «Я тебя люблю».

— Как же так! — засмеялась Генька — Столько раз была на площади и мы ни разу не встретились. Правда, там во время ярмарки такая толпа!

— У нас в Лиде на ярмарках вместо пряничных сердец продавали сморгонские баранки. Маленькие такие, нанизанные на нитки, очень вкусные — рассказала я.

Неожиданно Генька начала декламировать фрагмент какого-то стихотворения.

— Чье это стихотворение? — заинтересовалась я. — Я знаю наизусть почти все стихотворение из «Говорят века», но этого не помню.

— А, это мои стихи — небрежно отвечала Генька. — Очень люблю сочинять стихи и уже есть целый сборник на разные темы. Когда придешь ко мне, я все их тебе покажу.

Должна признаться, Генька импонировала мне таким разнообразием интересов. Я еще не знала тогда, идя в одной паре с ней за школьными партами, что между нами установится дружба, которая выдержит все будущие расставания.

В Вильно мы целый год ходили в один класс, хотя и не сидели за одной партой. Она занимала место сразу за мной. Генька часто пропускала уроки по семейным обстоятельствам. Свое отсутствие в школе она объясняла необходимостью присматривать за младшими братьями и сестрами. В то же время она активно

общалась с ровесниками. У нее было много друзей и подруг, с которыми она познакомила и меня. Была я также на хоре у св. Якуба, где впервые имела возможность присмотреться к органу и увидеть как на нем играют. Узнала, что для его функционирования нужно было одновременно приводить в действие меха. Эту механическую работу выполнял другой человек — помощник органиста. Познакомилась с самим органистом — Казиком Соболевским.

Вообще-то Генька казалась мне слишком активной по сравнению со мной и занималась слишком многими делами одновременно. Однако, несомненно, она выделялась яркой индивидуальностью.

Плохо мне было в этом прекрасном Вильно. Не было где жить, не было инструмента для упражнений — и донимал меня голод!

Я три раза меняла место жительства. Первый адрес мама получила от нашей тогдашней соседки, пани Зеленевиц, которая под конец войны поселилась в наполовину опустевшем доме пани Клышейко. Не могла долго усидеть я на том первом месте. Кирпичный дом, где я остановилась, был перенаселен, неприятен, а хозяйка — совершенно чужой мне человек.

Вскоре я перебралась в дом пани Яси, который находился в конце Заречья над самой Виленкой. Она приняла меня с радостью, еще живы были воспоминания о пережитом вместе с нами в Лиде. Она жила со своей семьей т.е. с родителями, старой теткой и двумя братьями. Старший залечивал раны после возвращения из партизан. Я спала в одной кровати с пани Ясей. Трапезничали все вместе за длинным столом, сидя на высоких креслах с резными спинками. Такое устройство столовой, свидетельствующее о минувшем богатстве дома, я раньше видела только в кино.

Через некоторое время старая пани Таппер, мать пани Яси, выразила неудовольствие из-за того, что я рано встаю и бужу ее. Действительно я каждый день просыпалась еще затемно в общей спальне, но должна была посмотреть на часы и для этого зажигала спичку. Этот звук будил старую пани и мешал ей заснуть. Я признавала ее правоту, но одновременно удивлялась в душе. Удивляло меня тогда то, что кто-то может иметь проблемы со сном, я лично всегда спала крепко и не знала, что такое

бессонница.

Рано вставать меня заставляла необходимость идти на Кавалерийскую улицу, где я нашла возможность упражняться на рояле. Это была долгая дорога к успеху, но трудности такого рода меня тогда не пугали. Я выходила, когда на улице еще было темно. Проходя мимо костела св. Анны, видела его силуэт, еле различимый на фоне темного неба. На минуту приостанавливалась, поскольку не могла равнодушно пройти мимо. Внутри играл орган и яркий свет пробивался через высокие витражи, что создавало необычный эффект. Это было незабываемое зрелище!

В ответ на мои проблемы с жильем мама отыскала третий адрес и направила меня к пани Стафиньской, которая жила в кухоньке своего маленького домика в Стефанском переулке. Прежде чем я добралась туда со своим большим чемоданом, одну ночь пришлось провести под роялем в консерватории. Чувствовала себя в это время совершенно бездомной.

Пани Стафиньская относилась ко мне как к дочери. Я спала с ней в одной кровати. Меня освободили от всех работ по дому, на что я, впрочем, охотно согласилась. Пани Стафиньская не встретила сопротивления с моей стороны в этом вопросе. В первые дни моей жизни у нее я помыла пол в нашей общей кухне, считая эту работу своей обязанностью. Пани Мария, однако, убедительно меня уверяла, что я не сумею ей угодить и она должна будет каждый раз исправлять мою работу, в данном случае снова мыть полы сразу после меня. Такая недооценка добрых намерений огорчала меня, но оказалась достаточно эффективной. Больше я уже не пробовала выходить из роли иждевенки.

Похожий психологический метод пани Мария использовала, чтобы заставить меня разделять с ней горячий ужин. Это была ее единственная еда за весь день после возвращения с рынка. Этот густой суп с овощами ужасно меня соблазнял, но вначале я решительно отказывалась от угощения. Я считала, что не имею права злоупотреблять бескорыстным гостеприимством. Пани Мария серьезно пригрозила, что она оскорбится и опять победила.

Я все время была голодной. Утром мы ничего не ели. В обед я

ходила к монахиням возле консерватории и получала тарелку жидкого супа для убогих. Аппетит у меня всегда был прекрасный. Голод отступал только перед сном, благодаря этим совместным ужинам.

Вспоминаю забавный инцидент тех времен. Как-то я пригласила пани Марию на те бесплатные супы. Кроме нас за длинным столом сидело всего пару человек. Пани Мария была явно разочарована «обедом» однако вставая от стола, довольно громко произнесла «спасибо». Я сильно удивилась. Была убеждена, что это слово, произнесенное автоматически, как будто бессознательно и не обращенное к кому-либо конкретно, просто вырвалось у нее без всякой связи с данной ситуацией. К сожалению воспитанность не появляется вместе с нами на свет в момент рождения. Только случай определяет, кто и когда будет нашим учителем. Не зная принятых норм приличия мы остаемся «грешниками без вины».

Отец еженедельно привозил мне немного продуктов из Лиды. Только любимый отец мог пойти на такие жертвы. Используя свои знакомства с машинистами локомотивов, он всю ночь проводил на угле т.е. на тендере под открытым небом. Уже немолодой человек, ему было 50 лет. Потом пешком шел от железной дороги до самого нашего переулочка возле ул. Мицкевича. Я видела, что это требовало больших усилий с его стороны, потому что ходить пешком ему было трудно. К сожалению, большинство привезенных продуктов съедалось тут же за совместной с ним трапезой. Я никогда не говорила об этом маме.

Я была голодной. Съедала хлеб до последней крошки, даже с плесенью. Как настоящий деликатес смаковали мы свежий хлеб, который однажды получили на наш класс. Каждому из нас при дележке досталась корочка!

Глубоко в память вошел обед в одном из виленских ресторанов. Не потому, что тогда я впервые переступила порог ресторана. В этом событии не было ничего необычного. Кто-то дал мне талон на обед и я охотно воспользовалась случаем. Разочарование наступило тогда, когда оказалось, что принесенная еда не утолила мое чувство голода, которое и дальше продолжало мне досаждать.

Я с удивлением смотрела, как сидящая рядом молодая женщина отодвинула тарелку — ей показалось невкусным — и вместе со своим спутником встала из-за стола. Решение пришло мгновенно. Я хотела поменять тарелки, пустую — на ее с еще нетронутой едой. Удержал меня только страх перед конфузом. Что будет, если официант или соседи заметят мой маневр? Мгновение в моей душе боролись стыд и чувство голода. Последнее победило. Молниеносным движением (так по крайней мере мне казалось) я переставила тарелки и уже спокойно начала есть. Во второй раз подруга из консерватории пригласила меня к себе помочь ей в теории музыки. В качестве вознаграждения, как мне показалось, я получила полную тарелку молочного супа. Удивительно вкусного. В душе я удивлялась ее расточительности.

Неожиданно я стала чувствовать слабость при ходьбе в гору. Например, стало трудно ходить по ул. Погулянке которая имела заметный подъем. Постоянно болели берцовые кости, когда я спешила с ул. Кавалерийской на занятия в консерваторию. Боль приходила, обычно, когда я переходила Кафедральную площадь, уже пройдя большую часть дороги. Я связывала это новое явление с чувством голода, с недоеданием.

Тревожным симптомом стали явные проблемы с памятью. На уроках в гимназии я вдруг обнаружила, что не могу запомнить даже несколько фраз. В такой ситуации учеба становилась невозможной! К счастью, уровень преподавания был очень низким, и учителя от нас почти ничего не требовали. Все чувствовали недолговечность такого положения и готовились к выезду в Польшу.

Мне запомнился наш учитель математики, который, видимо, попал в гимназию случайно. Как сейчас вижу его фигуру на фоне плоской доски. Он начал нам объяснять какую-то проблему, повернулся к нам спиной, чтобы проиллюстрировать свои выводы примером. Я с удивлением наблюдала, как по мере увеличения количества цифр, его движения становились все быстрее и до конца урока он так и не повернулся к нам лицом. Стало понятным, что перед нами не обычный школьный учитель, жаждущий передать свои знания ученикам, а ученый, случайно здесь

оказавшийся, который потерял чувство времени и места. Легенда гласит, что подобным образом Франц Шуберт в одной школе на уроке пения, начал писать на доске свою новую композицию, позабыв об учениках. Не знаю, заметил кто в классе кроме меня это явление типичное для периода «исторических завихрений». Явление красивой перелетной птицы, на минуту присевшей отдохнуть.

В учебной программе у нас было четыре обязательных языка: польский, русский, немецкий и литовский. Я сразу же проигнорировала литовский, с которым столкнулась впервые. Просто он мне показался слишком трудным для быстрого овладения. Обычно я уходила с этих уроков при молчаливом согласии воспитательницы. Положительную оценку в конце года я получила только благодаря контрольной работе, которую списала у сидящей рядом подруги, хорошо владеющей этим языком. Я усвоила только два слова. Эту надпись я видела на всех дверях в консерватории и означала она «закрывайте дверь».

Я болезненно чувствовала отсутствие постоянного инструмента. Пользовалась любым удобным случаем, чтобы поиграть в самых неожиданных местах, например в страховой кассе. Пани Альтберг старалась мне помочь. Она договорилась о моих упражнениях в каком-то красивом салоне взамен за уроки. Однако это продолжалось очень недолго. И вот в приступе отваги или отчаяния я решилась на бессмысленное дело. Решила сама начать систематические поиски рояля. С этой целью я начала длинное путешествие от дома к дому и от квартиры к квартире вдоль главной улицы Заречья и спрашивала о возможности упражнения на рояле или пианино, обещая взамен давать уроки. Люди, к которым я обращалась, вежливо меня встречали, охотно разговаривали, выказывали желание помочь, но дело не решалось.

Наконец, судьба улыбнулась мне в лице пани Коркозович, милой и симпатичной молодой женщины. Она занималась у пани Альтберг сразу после меня, случайно услышала о моей проблеме и сама предложила свой инструмент для упражнений! Она жила на Кавалерийской улице с маленьким сыном и матерью. Мать оказалась такой же очаровательной, как и дочка и при первой

встрече произнесла слова, которые навсегда остались в моей памяти:

— За доброту оказанную нам не надо благодарить именно того самого человека, который помог. Мы можем вернуть наш долг через любого другого человека.

Встретив такой милый прием, я стала приходить регулярно и чтобы иметь время на занятия — очень рано. Не думала о том, что могу помешать гостеприимным хозяевам. Обычно я повторяла знакомые мне прелюдии и фуги Баха. Тогда я впервые услышала, что играю «поверхностно». Младшая пани Коркозович доброжелательно охарактеризовала таким образом мою игру, а потом ее маленький сын повторял, забавляясь, эти слова. Поэтому они твердо врезались в мою память. Я не сразу поняла в чем дело, но позже полностью признала ее правоту. Мои пальцы, твердеющие при быстром темпе, перескакивали некоторые клавиши там, где требовалась гибкость руки. Мне было знакомо правило, что все звуки в произведении нужно исполнять одинаково, независимо от степени сложности и по выразительности должны напоминать слушателям одинаковых размеров жемчужины. К сожалению, эта точность исполнения стала для меня недостижимой по причине описанных выше технических трудностей.

После скорого отъезда пани Альтберг в Польшу меня приняла в свой класс литовская преподавательница. Меня выделили для выступления на показательном концерте, где обычно выступали лучшие ученики. Выступление перед людским собранием было для меня настоящей пыткой. Будто в транс вышла на эстраду, механически сыграла прелюдию Баха, перескакивая через несколько тактов, после чего с чувством великого стыда оставила заполненный зал и выбежала на улицу успокоиться.

Видимо, слушатели могли отнести мои ошибки на счет волнения и они не слишком сильно ошибались. Зато я знала, что главная причина в другом. В том, что полностью перечеркивало мои старания. Я не могла свободно без боли сыграть даже простое произведение, боль появлялась уже через несколько минут после начала игры! Самым худшим была неизвестность, непонимание

причины. Я переживала свою трагедию в одиночку, хотя и в окружении специалистов в этой области.

Возникает вопрос — почему педагоги не заметили эту важную для меня проблему? У меня ведь было много квалифицированных педагогов! Почему они, часто повышая сложность задания, не интересовались состоянием моих рук? Например, почему в Вильно мне давали играть сверх программы гаммы с двойными секстами, требующие высокой технической подготовки?

Обычный человек, не интересующийся специально музыкой, не знает из чего складываются музыкальные способности. Нужны не только слух, память и чувство ритма. Своих избранных природа также наделяет чувством гармонии, «пианистской» рукой, мягким и глубоким ударом, легкостью чтения нот и психическим равновесием.

По моему убеждению каждый средний интеллигентный человек одарен в какой-то мере этими чертами и поэтому каждого можно научить играть на пианино. В то же время степень овладения этим умением прямо пропорциональна степени названных выше способностей. Поэтому довольно забавно выглядят усилия педагогов, которые упорно прививают ученикам свою манеру игры. Это путь проб и ошибок в фортепьянной музыке и одновременно как бы игнорирование природы.

Я освоила несколько популярных методов игры на пианино:

1. Наиболее применяемое положение руки на клавиатуре — это округлая рука, с видимым нижним суставом мизинца.

2. Пани Шатагина пропагандировала положение, когда рука свисает с клавиатуры, удерживаясь всей тяжестью на пальцах.

3. Пани Камилла Вардиховская учила, что пальцы должны быть как молоточки — каждый из них перед ударом должен делать замах. Это обеспечивает чистую игру и укрепляет пальцы.

4. Збигнев Попельский привез из Варшавы сенсационную методику, заключающуюся в кистевом броске всей ладони. Эта методика предупреждала усталость и обеспечивала хорошее овладение техникой.

5. Чеслав Селужицкий, автор известной книги по проблемам техники игры на пианино, делал ударение на использовании

любой возможности во время исполнения для рационального отдыха руки. Только не уставшая рука является гарантом приятного исполнения.

6. «Психологический» метод — это неустанное успокаивание ученика на уроке и напоминание о необходимости общего расслабления двигательного аппарата.

7. У меня был единственный учитель-мужчина. Он удивил меня оригинальностью своего метода разучивания произведений. Он считал, что нужно заучивать такт за тактом, доводя исполнение каждого из них до автоматизма.

8. Метод «локтя», тоже универсальный. Работа пальцев подчинена движению всего плеча, с немного отставленным локтем.

По моему мнению, многочисленность и разнообразие существующих методов свидетельствует об их несовершенстве. «Правда» может быть только одна. Это врожденная способность к игре на пианино, прежде всего пианистская рука — легкая, гибкая, но способная передавать напряжение на кончики пальцев. Это трудно распознать по внешнему виду. Ее тайна кроется во внутреннем строении руки.

Возникает также вопрос: почему любовь к какому-нибудь искусству не всегда сопутствует способностям и приводит к разочарованиям и унижениям? Любовь к музыке имеет разные формы. Можно «любить» музыку и все любят какой-то ее вид, а можно не представлять себе жизни без нее. Как показывает жизненный опыт несоответствие между любовью и способностями неоднократно приводило к большим разочарованиям.

Виленская консерватория выделялась высоким уровнем преподавания. На еженедельных концертах особенно интересно и красиво выглядел класс пения. Кроме пани Альтберг славой известного педагога и музыканта пользовалась пани Софья Ромашко.

Самым известным студентом консерватории, вундеркиндом был Ежи Годишевский, тогда еще мальчик. Я встречала его всегда в обществе матери — молодой черноволосой женщины. После войны Ежи Годишевский осел с семьей в Торуне, где снискал

славу большого пианиста.

В Вильно начинал свое музыкальное образование известный позже педагог Роман Крашевский. Я имела удовольствие лично с ним познакомиться. Много лет он оставался великой любовью Геньки Ракшевич, вспыхнувшей после их новой встречи в костельном хоре на ул. Словацкого в Щеттине. Оба они жили в районе Небушева. Хорошо начинал музыкальную карьеру Г. Рупейко, мой ровесник из школы N 5 в Лиде. Он появился в консерватории не из-за страстной любви к музыке. Были какие-то особые причины его отъезда из Лиды, не связанные с музыкой. Он владел музыкальным даром, имел абсолютный слух и все предпосылки, чтобы стать хорошим скрипачом. Тем не менее его имя не слышно было в мире музыки. Для меня это послужило еще одним подтверждением тезиса о том, что дар небес не всегда ходит в паре с моральными качествами одаренных людей!

Учебный год приближался к концу, когда пани Стафиньская сумела уладить все формальности и упаковалась для выезда в Польшу. Какой-то молодой литовец приехал за ее вещами и стал нетерпеливо подгонять. Чтобы расположить его к себе, я применила психологический прием, сказав этому молодому человеку, что у него добрые голубые глаза»»Потом я пошла посмотреть, как она устроилась в товарном вагоне, полном репатриантов. Чувствовалась молчаливая неприязнь, с которой встретил новоприбывшую. Так обычно бывает с теми, кто приходит последним и вызывает этим неприязнь людей, прибывших раньше. Однако пани Мария умела располагать к себе людей, и как она мне позже рассказывала, быстро справилась с этим недоброжелательством к своей персоне.

Я возвращалась в Лиду в таком же товарном вагоне. Был теплый солнечный день. Я беззаботно сидела в открытом дверном проеме, свесив ноги наружу. На одной из остановок неожиданно увидела папу — он медленно шел вдоль вагонов, присматриваясь к пассажирам. Я сильно обрадовалась, увидев его. Оказалось, что он искал меня в Вильно у пани Стафиньской, но мы разминулись. Он мне сообщил самую важную новость:

— Мы выезжаем в Польшу!

ЭПИЛОГ

*God! Grant me the serenity
to accept the things I cannot change!
Courage — to change the things I can. And
wisdom — to know the difference*

Я хотела стать пианисткой и существовать в мире музыки. Не грешила недостатком трудолюбия. Грешила отсутствием необходимых способностей. Кроме того не было соответствующих условий для моего развития — слишком поздно появился инструмент, отсутствовало систематическое обучение и квалифицированные педагоги.

Возникает вопрос, должна ли я, человеческая особа, наделенная «вольной волей» винить себя за свои жизненные поражения и неудачи? Правда, я утверждала, что не имела абсолютно никакого влияния на формирование своей личности. Ведь я не выбирала ни места, ни даты своего рождения, ни внешнего вида, ни физической выносливости, склонностей и способностей (или их отсутствия), ни семьи, ни соседей, ни учителей. Появилась на свет уже как «заполненная карта».

Может, однако, частично и я ответственна за течение жизни, кроме этой зависимости от судьбы? Например, почему я не отказалась от своих мечтаний и стремлений, чтобы избежать разочарований? Потому, что разочарование является вторичным явлением. Сначала появлялась печаль, поскольку мы не знаем своих возможностей, обуславливающих реализацию наших намерений. А прежде всего — отсутствие мудрости, которая бы безошибочно руководила нашими поступками. Таким образом все мы являемся «учениками» — но без вины.

Только долгие годы наблюдений и размышлений привели меня к пониманию некоторой правды жизни. На мой взгляд определяющим обстоятельством в удачном осуществлении наших жизненных целей является счастливое стечение обстоятельств, или случай. Затем важно иметь природные способности. Только на третьем месте — работа!

Я жажду еще раз увидеть стены замка Гедимины в Лиде! Они зовут меня, их призыв звучит в моей груди. Он летит издалека,

быстрый как мысль, как полет птицы, не знающий границ установленных людьми. Все прошлое, заслоняющее душу, накопившееся за года, уходит.

Хочу, как когда-то встать в большом проеме с аркой в восточной стене и посмотреть вдаль на луга обрамляющие Лидейку, на густой Ольховник и большие старые ольхи над рекой. Увидеть образы минувших лет и дорогих мне людей, которые ушли навсегда!

Придите ко мне! Прошу вас! Соберемся все вместе в этих дорогих для меня стенах! Те, которых я вспомнила в этих записках по имени, и те, которые остались в моей душе неузнанными. Потоку, что нас крепко соединила общая человеческая судьба.

Я хотела бы отчитаться перед Вами за мои последующие дела, поклониться низко, как только можно и просить о прощении за все проступки перед Вами и перед всеми остальными.

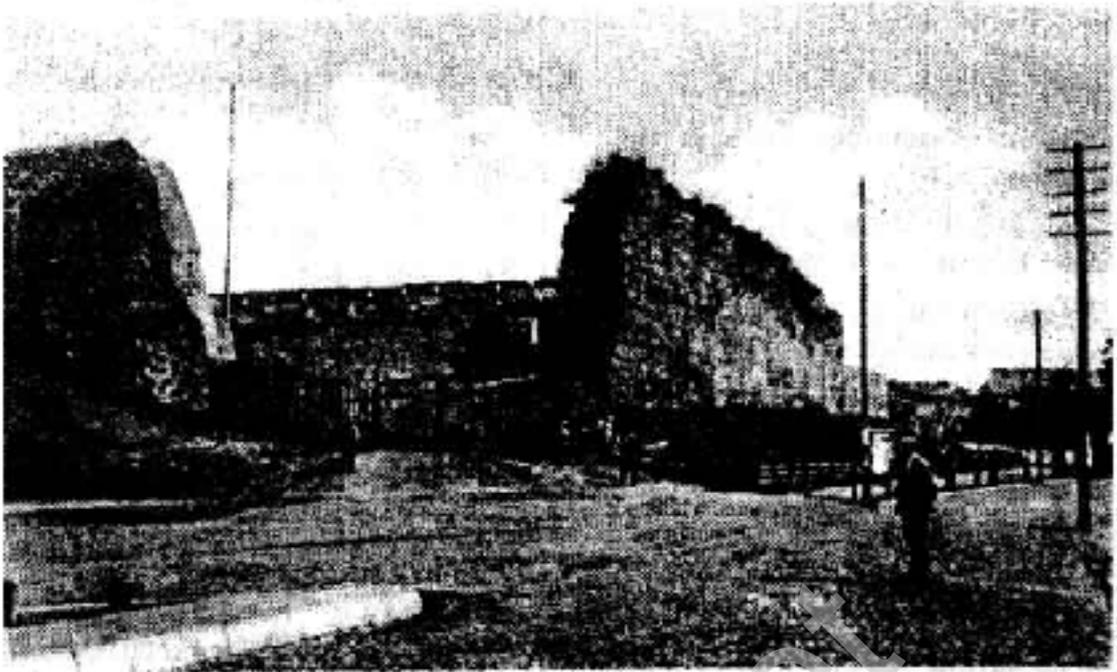
— Простите меня! — прошу Вас! Ведь все мы всего только «грешники без вины!»

Я приложу свое ухо к шероховатой поверхности замковой стены и вслушаюсь в ее шепот, недоступный слуху обычного прохожего.

Она говорит со мной. Приветствует как кого-то близкого. Говорит о своем строителе, великом литовском князе — деятельном, мудром и отважном. Даст ответ на вечные мучительные вопросы. Успокаивает своим покоем и молчанием мудрости. Я убеждена, что тем кто родился в тени этих стен не надо бояться смерти. Потому что этот замок — символ прочности и вечности!

19 сентября, 1993 г.

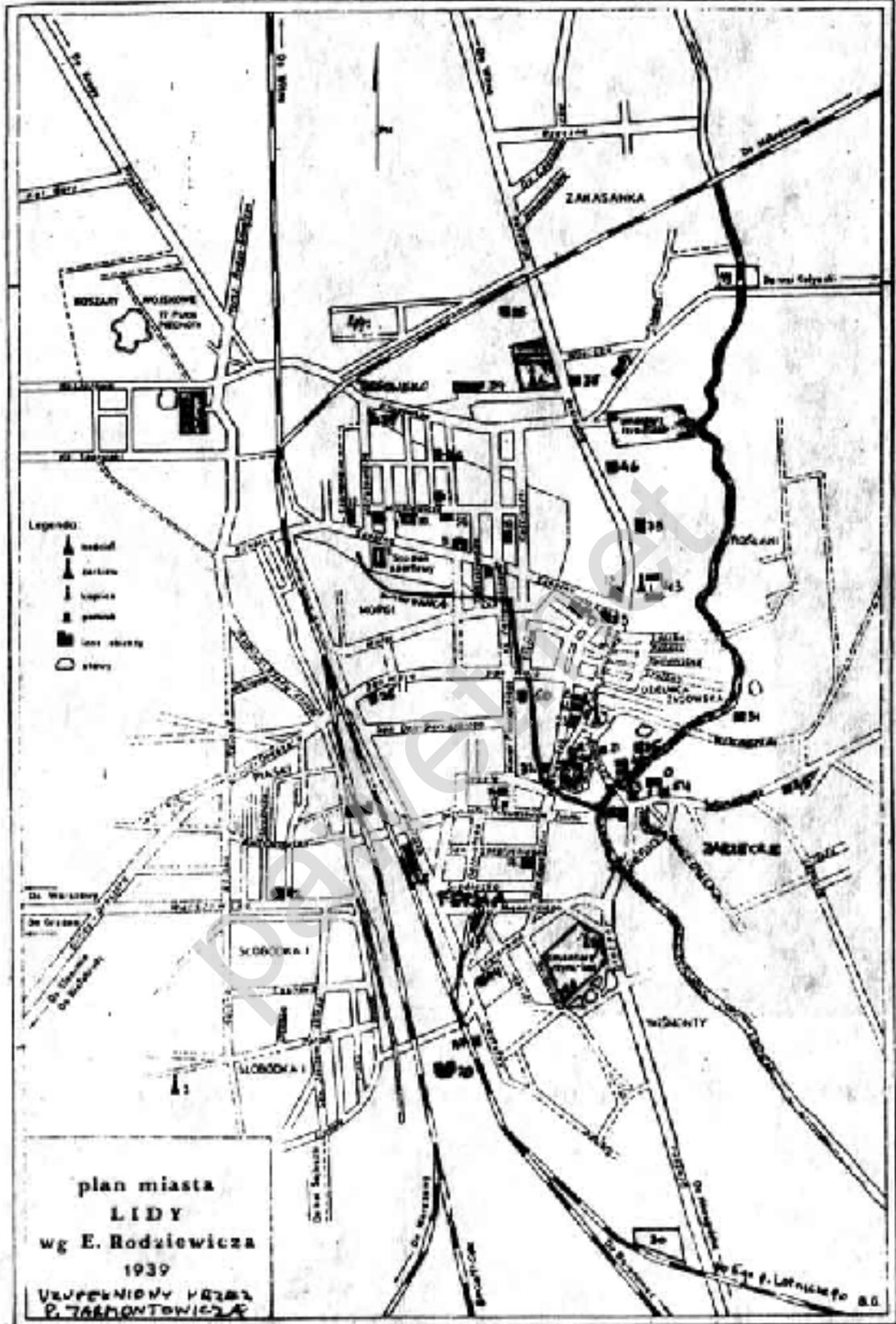
Боже! — удели мне стойкости духа, чтобы я примирился с обстоятельствами, которых не в силах изменить; отваги для осуществления того, что в моих силах; и мудрости — чтобы принимать нужные решения!

ЛИДА. Руины замка Гедимина.

План Лиды

1. Костел и коллегиум пиаров
2. Приходской Крестовоздвиженский костел.
3. Парафиальный костел Непорочного зачатия Девы Марии
4. Парафиальная церковь на православном кладбище
5. Часовня на католическом кладбище
6. Памятник неизвестному солдату на военном кладбище
7. Памятник независимости на площади Славы
8. Памятник летчикам на католическом кладбище
9. Школа № 1 и 2 им. Габриэля Нарutowича
10. Государственная гимназия им. Гетмана Кароля Ходкевича
11. Стадион
12. Городская больница
13. Гостиница «Варшавская»
14. Городское управление
15. Управление повета
16. Народный кооперативный банк
17. Дом Пилсудского
18. Городской суд
19. Полицейский участок
20. Тюрьма
21. Редакция
22. Замок Гедимины
23. Городская библиотека
24. Железнодорожная баня
25. Тюрьма на Каменице
26. Городская электростанция
27. Железнодорожная электростанция
28. Железнодорожный вокзал
29. Депо
30. Пороховой склад
31. Детский приют на Деканьце
32. Аптека
33. Синагога
34. Фабрика резиновых изделий «Ардал»
35. Фабрика «Уни-Гум»
36. Химическая фабрика «Корона»
37. «Гвоздельня»
38. Литейная «Шапиро»
39. Винокурня «Пупко и Папермейстер»
40. Школа № 5
41. «Поликлиника»
42. Школа № 4 и гимназия
43. Школа № 3 и Купеческая гимназия пиаров
44. Тартак (лесопилка)
45. Керамическая мастерская
46. «Еврейская» больница
47. Мясные лавки и строительные мастерские
48. Предприятие перевозок «Лидянка»
49. Пляж
50. Народный кооперативный банк
51. Мельница «Автомат»
52. Школа «Гебрэйская»
53. Пивоварня «Вейнштейн» (Вайны)
54. Пивоварня «Рубинштейн» (Сорка)
55. Пекарня Шмуйловича
56. Почта

План города Лиды.

Надежда (из Розмилевичей) и Петр Ярмонтович

Раиса, Евгения
и Павел Ярмонтовичи

Герберт и Вера Бузик.
Стоит Мария Ярмонтович

Мотоциклетный пробег. Герберт и Вера Бузик.

Пани Ядвига Клышейко
с сыновьями

Чесик Клышейко
(сидит) на фоне дома

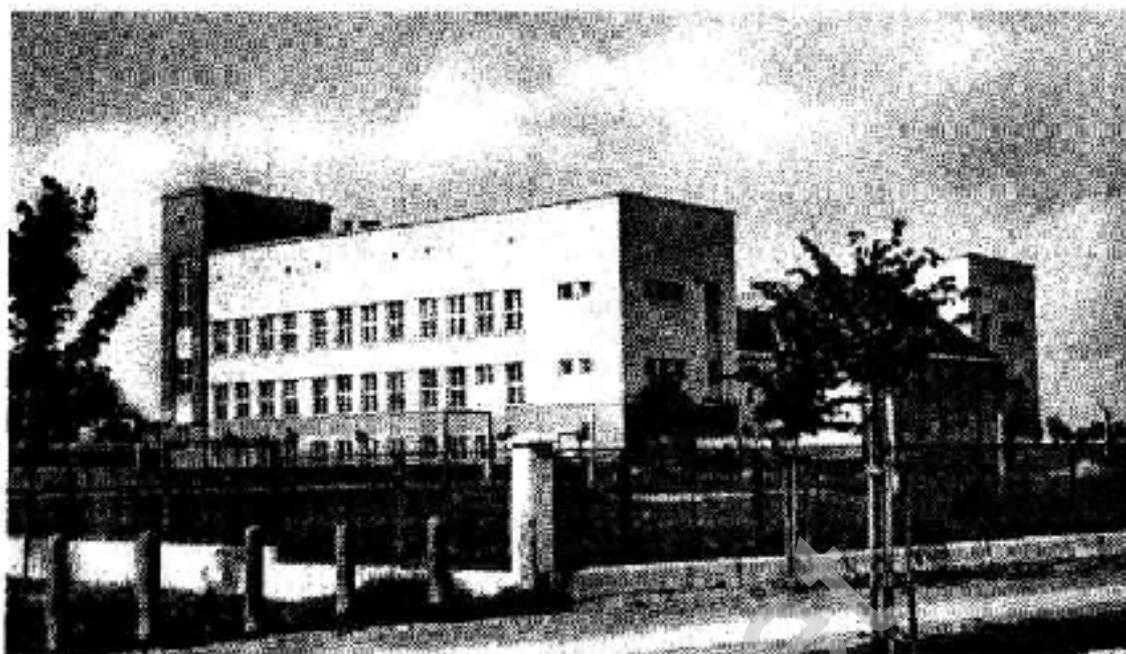
Ядвига Клышейко
и Надежда Ярмонтович

Янек и Чесик Клышейко и
Павел Ярмонтович или "Фирма"

Чесик и Янек Клышейко

ЛИДА. Народная гимназия.

Янка Товгун, Яся Волощук, Раиса Ярмантович
(слева направо).

Дом №13 - 50 лет после окончания войны

Раиса и Юрий Гульповские -- Шульц

Вильно. Гимназия на ул. Остробрамской.
Воспитанники Алины Улинской.

Геновефа Ракшевич

Ученица консерватории
Евгения Ярмонтович

Крестовоздвиженский костел

Церковь на православном кладбище

СОДЕРЖАНИЕ

Уступнае слова рэдактара	3
РАЗДЕЛ I	5
РАЗДЕЛ II	17
РАЗДЕЛ III	30
РАЗДЕЛ IV	37
РАЗДЕЛ V	48
РАЗДЕЛ VI	62
РАЗДЕЛ VII	67
РАЗДЕЛ VIII	75
РАЗДЕЛ IX	92
РАЗДЕЛ X	99
РАЗДЕЛ XI	108
РАЗДЕЛ XII	112
РАЗДЕЛ XIII	121
РАЗДЕЛ XIV	127
РАЗДЕЛ XV	135
РАЗДЕЛ XVI	139
РАЗДЕЛ XVII	146
РАЗДЕЛ XVIII	150
ЭПИЛОГ	163
ИЛЛЮСТРАЦИИ	165

Ярмонт Е.

Я75 В тени замка Гедимина. Воспоминания детства.— Гродно:
КЛФ «Сталкер», 1995.— 176 с.: ил.
ISBN 5-8462-00-33-8

ББК 84.4

ЕВГЕНИЯ ЯРМОНТ

В ТЕНИ ЗАМКА ГЕДИМИНА

Клуб любителей фантастики «Сталкер»

Редактор А. К. Кравцевич
Технический редактор Н. В. Карнаухов
Наборщица М. И. Верстак

Подписано в печать

Лицензии ЛВН 274 и N296

Формат 84x108 1/32. Бумага типографская. Гарнитура тайме. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 5,5. Уч. изд. л. 5,7. Тираж 700. Заказ 863.

Клуб любителей фантастики «Сталкер»
230023, Гродно-23, а/я 59.